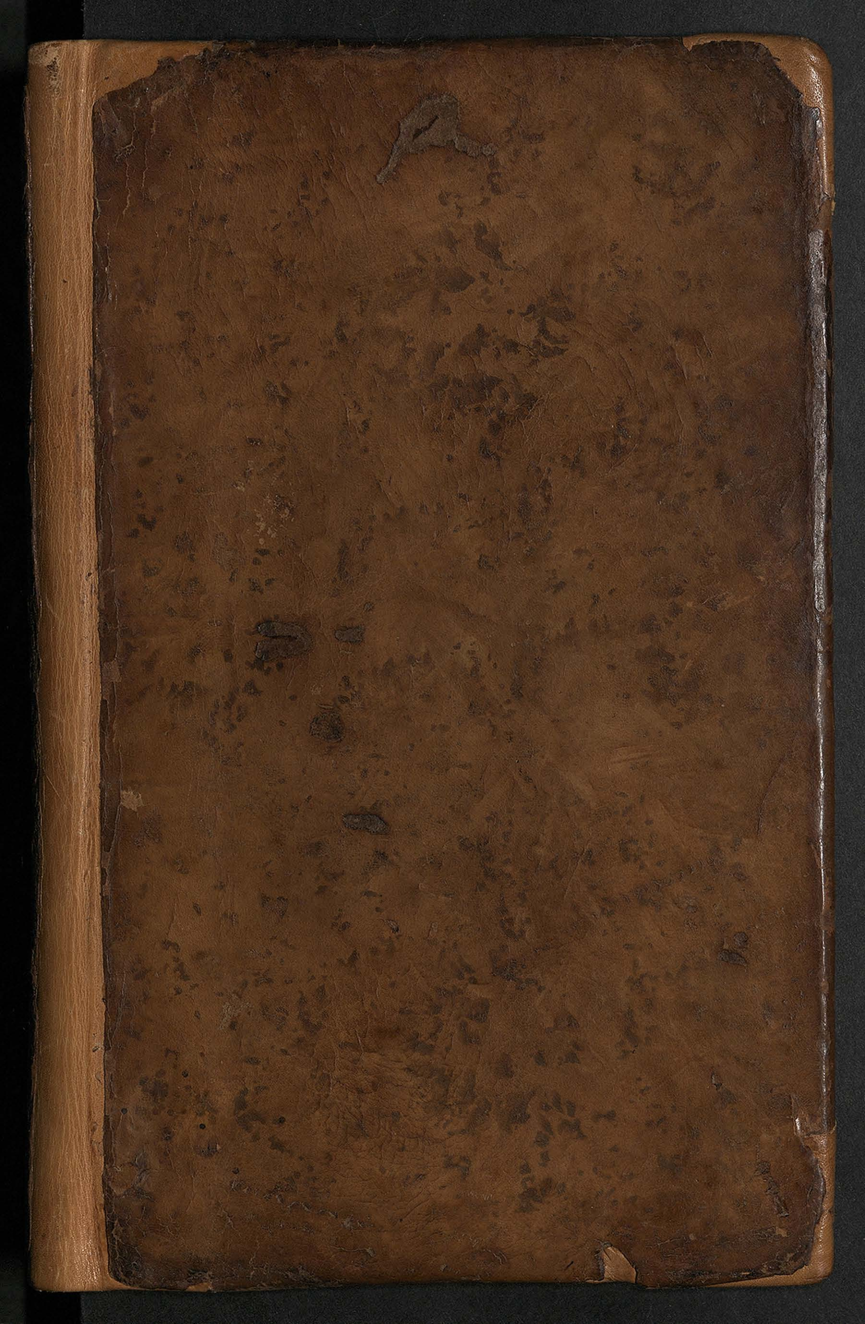


БИБЛІОТЕКА НѢМЕЦКИХЪ РОМАНОВЪ.

ЧАСТЬ III.

переведена

съ Берлинскаго 1779 года изданія,

ВСЛ. ЛВШНМЪ.

ВЪ МОСКВѢ
въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ, Библіотека Нѣмецкихъ Романовъ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ и Красноречія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

I.

РОМАНЫ РЫЦАРСКІЯ.

ИЗДАТЕЛЬ

къ обществу.

„Я препровождаю сію третію „часть Библіотики Романовъ съ за„свидѣтельствованіемъ признанія „моего обществу, за благосклонное „принятіе и одобреніе сихъ тру„довъ моихъ, и съ маленькимъ из„вѣстіемъ о Еписодѣ, взятомъ изъ „сочиненій Гацотовыхъ подъ загла„віемъ влюбленный бѣсъ, и кото„раго окончаніе слѣдуетъ въ чет„вертой части. Гацотъ надлежитъ „въ число мѣлкихъ писателей Фран„цузскихъ, равно какъ его влюблен„ный бѣсъ въ остроумнѣйшія и за„бавнѣйшія изъ лучшихъ сказокъ „сего народа.„

Ланцелотъ Морскій Рыцарь круглаго стола.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Христіанъ Троіе началъ дѣла сего Рыцаря писать въ стихахъ подъ заглавіемъ: la Charette, но оставилъ трудъ свой не докончанъ, и по смерти его совершилъ оный ученикъ его Годфридъ Линье. Рѣдкости заглавія было причиною: что Ланцелотова мать разъѣзжая въ телегѣ въ оной родила его. По вѣроятному чаянію сей Романъ съ начала писанъ на Латинскомъ языкѣ; но древнѣйшей рукописи не находится, и Ланцелотъ съ коего издано сіе сокращеніе, можетъ быть только переводъ съ Латинскаго подлинника. Валтеръ Моавъ онаго переводчикъ или подражатель. Какъ Ланцелотъ Морскій былъ первенствующій Рыцарь круглаго стола, то заключимъ съ нимъ повѣсть сего ордена, къ которой, послѣ Амадиса, можетъ быть опять возвратимся.

РОМАНЪ.

Въ Маркѣ Гальскомъ и малой Британіи жили въ старину два Короля, родныя братья и имѣли супругами двухъ родныхъ сестръ. Одинъ назывался Король Ванъ Бенойскій, а другій Король Ворртъ Говскій. Король Ванъ былъ старъ и жена его чудной красоты, добродѣтельна и почитаема. Единочадный сынъ, которыхъ обыкновенно прозываютъ Ланцелотъ, хотя онъ собственно Галаадъ именовался, былъ плодъ сего брака. Ванова земля смежствовала съ Берри, въ коей королевствовалъ Клавдъ, Рыцарь храбрый и разумный, но удивительно коварный. Берри называлась тогда не инако какъ земля пустая. Утеръ Пандрагонъ Король Великобританскій, и Арамонъ по прозванію Гоель, Король малыя Британіи, опустошили оную немилосердо. Причиною сего было слѣдующее. Арамонъ имѣлъ за собою Говъ, Беной, Аквитанію, и всю землю до Марка

Овернскаго, Алеманію и Ескасію, яко Ленный Государь. Также Королевство Бургъ или Берри ему же надлежало въ Лену. Но Клавдъ не захотѣлъ больше отъ него зависѣть, и призналъ своимъ Леннымъ Государемъ Короля Гальскаго, который въ то время подверженъ былъ Риму и платилъ туда дань; и всѣ Короли тамошнія вступали во владѣніе по выбору.

Арамонъ искалъ свое право утвердить оружіемъ, и дошло до войны, въ коей Король Гальскій помогалъ Клавду всѣми своими силами. Арамонъ же напротивъ прибѣгъ къ Утеру Пандрагону, и получилъ помощь, за обыкновенное обѣщаніе, признать его своимъ Леннымъ Государемъ. Утеръ Пандрагонъ вступилъ со всѣми силами своими во Францію, и соединясь пошли оба, по полученіи извѣстія о смерти Короля Гальскаго, на Клавда, и разбили онаго. Клавдъ принужденъ землю свою оставить, которая и опустошена безчеловѣчно. Одинъ

лишѣ пощаженѣ крѣпкій городѣ Бургѣ, по повелѣнію Утера Пандрагона, вспомнившаго, что онѣ вѣ немѣ воспитанѣ.

Сей умерѣ вскорѣ потомѣ, и по немѣ наслѣдовалѣ славный Король Артусѣ или Артурѣ, который по кончинѣ Арамона малою Британіею и Берріею вновь Арамономѣ выстроенною, владѣлѣ какѣ законный Государь. Сѣ начала государствованія своего имѣлѣ сѣ Вельможами своими тяжкія войны. Обстоятельство сіе и смерть Арамонову употребилѣ Клавдѣ вѣ пользу, схватилѣ оружіе, и завоевалѣ все потерянное обратно.

Вѣ сіе время прибылѣ изѣ Рима Ираконзѣ, который былѣ очень славенѣ, подѣ именемѣ Понтія Антонія; онѣ помогѣ Клавду, и далѣ ему власть надѣ Галліею и всѣми кѣ оной надлежащими землями. Сѣ его же помощію побѣдилѣ Клавдѣ Короля Вана, и вѣ краткое время покорилѣ себѣ все его Королевство, исключая одинѣ крѣпкій замокѣ, Трибль называемый. Утѣ-

Утѣсненный до крайности Король Ванъ, осмѣлился еще учинить вылазку, которая кончилась толь щастливо, что Римляне побиты, приводецъ ихъ Понтій Антоній лишился жизни, и Клавдъ едва удержалъ свою. Но не снялъ однако осады; и не видя надежды взять зáмокъ силою, подкупилъ Сенешаля Короля Вана обѣщаніями, сдѣлать онаго Королемъ надъ землями его Государя, но съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ ему данникомъ. Сенешаль отлагалъ произведеніе своей измѣны до тѣхъ поръ, какъ Король Ванъ съ своею супругою, маленькимъ Ланцелотомъ и оруженосцомъ, вспомоществуемый тѣмнотою ночи, тайно изъ зáмка уѣхалъ, дабы у своего Леннаго Государя Короля Артура, искать помощи; и тогда измѣнникъ предалъ врагамъ непобѣдимый зáмокъ. Въ ономъ находился Рыцарь испытанной вѣрности и храбрости, именемъ Ванни; сей пробился сквозь непріятеля, и заперся въ другомъ зáм-

замкѣ, который онъ съ своими общниками защищалъ до крайности. Но наконецъ принужденный голодомъ, здался. Клавдъ принялъ сего храбраго Рыцаря съ отмѣннымъ почтеніемъ; возвысилъ его заслуги и вѣрность противу вѣроломства Сенешалева, и жалѣлъ втайнѣ о данномъ сему обѣщаніи, чтобъ оное исполнить въ слѣдующее воскресенье. Но Ванни избавилъ его отъ онаго, ибо онъ явно и въ присудствіи самого Клавда обличалъ Сенешаля въ измѣнѣ, и звалъ онаго на поединокъ. Клавдъ рѣшилъ, чтобъ Сенешаль не отвергъ вызовъ, и говорилъ, что прежде не сдѣлаетъ его Королемъ надъ землями Вана, доколѣ не побѣдитъ онъ Ваннія его Рыцаря; но естьли Ванни одержитъ побѣду, то будетъ на мѣсто его Королемъ, на условіи предписанномъ Сенешалю. Все исполнено во всякой точности: Ванни побѣдилъ Сенешаля, и отсѣкъ ему голову, послѣ чего Клавдъ объявилъ его Королемъ земель Вановыхъ.

Сей

Сей какъ ужѐ сказано, шествовалъ искать помощи у Короля Артура, и возшелъ на одну гору, съ которой можно было видѣть чрезъ лѣсъ прикрывшій его бѣгство. Съ вершины оныя оглянулся онъ на за́мокъ ввѣренный вѣроломному Сенешалю, но оный въ самое то время ужѐ горѣлъ. Ужасъ сего вида повергъ его мертва на землю. Королева Елена, державшая на рукахъ маленькаго Ланцелота, оставила онаго лежаща на берегу моря, и бросилась къ своему супругу, чтобъ принять послѣднее его воздыханіе; она поспѣшаетъ обратно къ дѣтищу своему, и видитъ женщину, держащую онаго обнаженна въ своемъ передникѣ, прижимающую онаго любезно къ грудямъ своимъ, и цѣлующую во уста и очи, ибо дитя сіе было прекраснѣйшее на свѣтѣ. Тогда Королева сказала женщинѣ: „ прекрасная милая подруга, „ для Бога не сдѣлайте зла моему „ сыну, я и безъ того много имѣю

„ го-

„горести и сердечной болѣзни.„ Женщина не отвѣчала ей ни слова, и видя Королеву идущую къ себѣ, вскочила поспѣшно съ младенцемъ, побѣжала къ морю, и сложа ноги вмѣстѣ бросилась въ море. Королева щитая сына своего погибшимъ упала въ обморокъ.

Она не вѣдала, что была то благодѣтельствующая волшебница, и побужденная сугубымъ урономъ своего супруга и своего сына, постриглась въ игуменствѣ называемомъ монастырь Королевскій. Тоже и въ самое то время, учинила сестра ея, вдова Короля Воорта въ монастырѣ ономъ. Воортъ не могъ пережить смерти брата своего, и оставилъ двухъ сыновъ, изъ коихъ старшему Ліонелю было десять лѣтъ и четыре мѣсяца, а младшему Воорту только девять лѣтъ. По кончинѣ его, супруга его не осмѣлилась противиться Клавду осадившему его за́мокъ, и ушла ночью съ обоими своими сы-

сыновьями. Въ лѣсу остановлена она Рыцаремъ, впадшимъ подъ гнѣвъ Воорта, и полишеніи своего имѣнія убѣгшимъ ко двору Клавдову. Фаріенъ (такъ звали Рыцаря) тотчасъ узналъ вдову бывшаго своего Государя, забылъ въ сіе мгновеніе личное свое оскорбленіе, отъ него претерпѣнное, и обѣщалъ Королевѣ, взять на себя воспитаніе Королевичей, хранилъ ихъ втайнѣ, и отъ поисковъ Клавда увезть въ безопасное мѣсто, до достиженія возраста удобнаго къ возвращенію престола родителя ихъ. Королева согласилась, вручила ему сыновъ своихъ, и просила проводить саму ее въ монастырь, къ сестрѣ ея Еленѣ. Сіе учинилъ онъ, и условился съ нею, чтобъ она тутъ дожидалась отъ него извѣстія.

Но опять къ Ланцелоту. Волшебница, унесшая его въ море, была Вивіана ученица Мерлинова; а море недѣйствительное, но только мечта для закрытія входа въ ея па-

палаты, гдѣ она имѣла при себѣ множество госпожъ, дѣвицъ и Рыцарей. Тутъ воспитала она Ланцелота, и наставила во всемъ приличномъ сыну Королевскому. Сочинитель не упоминаетъ о ней, кромѣ подъ именемъ дамы морской.

О всемъ семъ Клавдъ ничего не вѣдалъ. Онъ влюбился въ жену Рыцаря Фаріена, сдѣлалъ онаго въ ея угодность Сенешалемъ, и воздвигъ въ великую честь. Но Фаріенъ узналъ о своемъ бесчестіи, и такъ раздражился, что заперъ жену свою въ башню, причемъ увѣрялъ однако, что не знаетъ кого у ней засталъ ночью, хотя и очень о томъ вѣдалъ. Клавдъ пользовался его притворствомъ, и назвался къ нему въ за́мокъ къ обѣденному кушанью, чѣмъ Фаріенъ принужденъ былъ, жену свою на тотъ день изъ башни вынуть. Но она употребила случай сей, на принесеніе Королю жалобы, о претерпѣваемомъ ею для него, и открытіе притомъ, что Фаріенъ

воспитываетъ въ той башнѣ двухъ сыновъ Короля Воорта. Король скрылъ свое негодованіе о семъ извѣстіи; но зная, что одинъ Рыцарь двора его былъ смертельный непріятель Фаріену, уговорилъ онаго въ присудствіи своемъ обвинять Фаріена измѣною, и вызывать его на поединокъ. Когда сіе учинилось, выступилъ Рыцарь, племянникъ Фаріеновъ, въ защищеніе своего дяди, чтобъ доказать невинность его оружіемъ. Но Клавдъ не допускалъ, и объявилъ, что никто, какъ самъ Фаріенъ долженъ съ тѣмъ Рыцаремъ сражаться. Тогда Фаріенъ отвелъ племянника своего на сторону, и поручилъ ему тайно обоихъ Королевичей доставить въ безопасное мѣсто, что сей отважный Рыцарь и учинилъ съ наилучшимъ успѣхомъ, ибо ни одна душа не вѣдала, какъ отвезъ онъ сихъ въ монастырь къ ихъ родительницѣ. Между тѣмъ дядя его вступилъ въ бой, и сразилъ врага своего предъ очами Коро-

лев-

левскими, который въ тоже время узналъ и о бѣгствѣ Королевичей. Огорченный тѣмъ Клавдъ, призвалъ предъ себя Фаріена, и клялся ему въ присудствіи всего двора своего цѣлуя библію, что онъ Королевичамъ ни мало вредить не мыслитъ, но попришествіи ихъ въ возрастъ, намѣренъ отдать имъ ихъ отеческое наслѣдіе, съ Королевствомъ дяди ихъ Вана, коего сына Ланцелота числитъ мертвымъ. Полагаясь на сію клятву, взялъ Фаріенъ обоихъ Королевичей изъ ихъ убѣжища, и предалъ великодушію Короля Клавда.

Въ сіе время вздумалось Клавду, въ провожденіи только одного оруженосца, отъѣхать тайно въ Великобританію, въ намѣреніи вывѣдать силы и движенія Короля Артура, и испытать, не можно ли сдѣлать подрыва его силѣ. Племянникъ его былъ единый, коего при семъ важномъ предпріятіи учинилъ онъ своимъ повѣреннымъ. Предъ отшествіи-

ствіемъ своимъ собралъ онъ всѣхъ своихъ вазаловъ, сказавъ онымъ: что отъѣзжаетъ по обѣщанію для моленія, и чтобъ въ отсудствіе его приказаніемъ его племянника слѣдовали, какъ его собственнымъ; естьли же онъ чрезъ годъ не возвратится, и узнаютъ о его кончинѣ, тогда признали бы Королемъ своимъ сына его Дорія; въ разсужденіи же земель Бенониса и Гова воля его, чтобъ отдать оныя въ Лену, сыновьямъ Короля Воорта, въ разсужденіи, что брата ихъ двоюроднаго Ланцелота нѣтъ на свѣтѣ. Мнѣніе сіе подтверждала сама родительница его тѣмъ, что по всякій день приходя къ тому мѣсту гдѣ волшебница бросилась съ нимъ въ море, плакала. Между тѣмъ волшебница ничего не упустила для молодаго Королевича, чтобъ приготовить онаго въ Рыцари и Витязи. Также пеклась она и о сынахъ Короля Воорта, и послала Самидру свою повѣренную къ Клавду просить, чтобъ онъ объ-

явилъ ихъ отъ себя независящими. Клавдъ повелѣлъ Фаріену представить оныхъ. Ліонель и Ворстъ приведены къ нему, и онъ подалъ первому свой кубокъ наполненный виномъ. Въ сіе мгновеніе дѣвица морская надѣла на Ліонеля вѣнокъ изъ цвѣтовъ, коихъ волшебный запахъ наполнилъ его яростнымъ гнѣвомъ; онъ не допилъ кубка, и бросилъ оный съ остаткомъ вина изъ всѣхъ силъ Королю въ лице, и потопталъ корону и мечь Клавда лежавшія на концѣ стола, ногами. Возстало великое смятеніе, въ которомъ Дорій убитъ отъ двоихъ сихъ братовъ. Тогда погибли бы они, естьли бы дѣвица морская (Самидра) по наставленію волшебницы, не обратила оныхъ въ ишейныхъ собакъ. И такъ избѣгли они впрочемъ неминуемой смерти, невредимо въ палаты волшебницы. Въ тоже время Самидра двумъ собакамъ дала видъ Королевичей, и Клавдъ думая, что то Королевичи, погнался за ними лю-

люто съ обнаженною шпагою. Ужѐ достигъ онъ, и хотѣлъ пронзить ихъ, какъ шпага его ударясь въ дверь переломилась, что ему самому было пріятно, когда разсудилъ, колико срамно бы для него было умертвить своеручно таковыхъ противниковъ. Онъ велѣлъ мнимыхъ Королевичей посадить въ темницу, въ намѣреніи судить ихъ. Но сіе имѣло очень худыя слѣдствія. Весь Говъ возмутился по наученію Фаріена, когда разнесся слухъ, что Клавдъ сыновъ ихъ бывшаго Государя хочетъ казнить мучительною смертію. Въ семъ возмущеніи Клавдъ самъ впалъ въ опасность жизни, и долженствовалъ изъ Гова бѣжать; но и въ бѣгствѣ обыватели едва не изрубили его, естьлибъ не удержалъ оныхъ отъ того Фаріенъ, добродѣтельный Рыцарь.

Въ то время какъ произходило сіе великое приключеніе, Ліонель и Воортъ были неутѣшны о отсудствіи надзирателей своихъ, Фаріена, и Ламбига

бига его храбраго племянника, такъ что дама морская принуждена была послать за оными вѣрную свою Самидру. Сія привела оныхъ въ палаты волшебницы, и еще Рыцаря Лоренца Пармскаго, отправленнаго отъ Вельможъ Говскихъ, чтобъ увѣриться о чудесномъ избавленіи своихъ Королевичей. Радость обоихъ братовъ о прибытіи ихъ была неописанна. По краткомъ времени возвратились они обратно къ Вельможамъ Говскимъ съ обнадеживаніемъ, что дѣти покойнаго ихъ Государя здравствуютъ, и внѣ всякой опасности. По чему Вельможи заключили остаться своимъ Королевичамъ въ вѣрности, и Королю Клавду, угрожающему осадить городъ съ многочисленнымъ войскомъ, противиться всѣми силами. Но вся рѣвность ихъ была бы безплодна, естьли бы Фаріенъ не снискалъ миру съ ихъ непріятелемъ. Фаріенъ вскорѣ послѣ того умеръ. Въ тоже время скончалась и Королева Говская, родительница Ліонеля и Воорта.

Ланцелотъ достигъ уже осмнатцати лѣтняго возраста, и защитница его увидѣла, что пришло время, представить онаго Королю Артуру, законному Ленному Государю отца его, для посвященія въ Рыцари. И такъ она поѣхала моремъ съ нимъ, съ его обоими двоюродными братьями въ Великобританію; провожаемая пятью родственниками дѣвицы Самидры, прекрасными и храбрыми Рыцарями, и тремя дѣвицами, имѣя при себѣ множество служителей и коней. Они пристали въ гавани Флондеругъ; а оттуда сухимъ путемъ шествовали въ замокъ Арамалотъ, гдѣ Король Артуръ имѣлъ свой придворный станъ. Тамъ дама морская представила сему монарху Ланцелота и его братьевъ великолѣпно, и просила принять перваго въ Рыцарскій Орденъ. Также просила позволить Ланцелоту получить свое вооруженіе не отъ Короля, но отъ самой ея. На послѣднее, Король одаряющій

въ семъ случаѣ щедро, не хотѣлъ было согласиться, но чрезъ прозбу племянника своего господина Ивена склонился, и обѣщалъ Ланцелота учинить Рыцаремъ. Послѣ чего дама морская съ Королемъ простилась, и подарила юношѣ полное вооруженіе и четырехъ оруженосцевъ.

На другой день волшебница Ланцелоту открыла чрезъ Ивена о природѣ его только, что онъ Королевской крови и ближній родственникъ Королевичамъ Ліонелю и Воорту, прося притомъ напомянуть Королю о исполненіи его обѣщанія. Король Артуръ сдержалъ свое слово, и поставилъ нетерпѣливаго Ланцелота въ Рыцари. Сей не могъ никогда ожидать принятія себя въ орденъ, не оправдавъ сего великимъ дѣйствіемъ, которое въ томъ состояло, что у нѣкотораго Рыцаря, проколотаго шпагою и двумя приломлеными копіями, вытащилъ изъ ранъ желѣзо, и клялся оному святыми таин-

таинствами, мстить всѣмъ тѣмъ, кои будутъ говорить, что онъ больше любитъ проколовшаго его, нежели его самого.

Въ тотъ день, въ который Ланцелотъ получилъ достоинство Рыцаря, прислала госпожа Ноянтская, данница Короля Артура, просить у него помощи противу Короля Нортумберландскаго, осадившаго ея зáмокъ, и съ которымъ она примирилась на условіи, чтобъ ей поставить Рыцаря, на поединокъ съ Рыцаремъ его, и чтобъ ей покориться ему, естьли ея Рыцарь будетъ побѣжденъ. Ланцелотъ просилъ Артура, чтобъ онъ его послалъ туда. Таковый опытъ отважности доставилъ ему почтеніе, какъ отъ Короля Артура и его Рыцарей, такъ и отъ Королевы Геневры, коя была очень прекрасна, и на кою красота Ланцелотова учинила впечатлѣніе. Но и онъ чувствовалъ къ ней нѣжную любовь. Въ мгновеніе его отъѣзда, успѣлъ онъ просить ее, ставъ

на

на колѣна, о дозволеніи быть ея Рыцаремъ. „Конечно, сказала она, „я сама того желаю. Будьте благо„получны, прекрасный сладчай„шій другъ. А онъ отвѣтствовалъ: „благодарю государыня, когда вамъ „то угодно. Съ тѣмъ подняла его „Королева рукою, и онъ возрадо„вался, ощупя прикосновеніе ея ру„кй къ себѣ„ И такъ поѣхалъ Ланцелотъ, примѣтный по бѣлому вооруженію, данному отъ его защитницы.

Вскорѣ по прибытіи своемъ къ замку госпожи Ноянтской побѣдилъ онъ Рыцаря Короля Нортумберландскаго, и освободилъ таковымъ образомъ сію госпожу. По семъ храбромъ дѣйствіи слѣдовало множество другихъ, коихъ подробное описаніе было бы пространно для сокращенія. Какъ то во оныя надлежатъ: освобожденіе господина Говейна, племянника Королю Артуру, съ его спутниками, кои взяты были въ плѣнъ; побѣда надъ двумя исполинами при

Ара-

Храмалотѣ, когда Король Ибермаркскій прислалъ вызовъ Королю Артуру; побѣда надъ Галехалтомъ, котораго онъ принудилъ просить мира у Короля Лойрскаго, и прочія. Самый сей Галехалтъ послѣ того побратовался оружіемъ съ храбрымъ Ланцелотомъ, и учинился повѣреннымъ его въ любви къ прекрасной Геневрѣ; обѣщалъ ему способствовать въ его страсти, и сдержалъ свое слово, доставя ему средство переговорить съ Королевою, при чемъ были они только трое. Тогда напомнила она Ланцелоту о сладкихъ словахъ, сказанныхъ ему ею при разставаніи. Галехалтъ присовокупилъ къ тому, что всѣ храбрыя дѣла съ того времени Ланцелотомъ учиненныя, не имѣли инаго намѣренія, кромѣ угодить той, кою любитъ онъ горячайшею любовію, и требовалъ, чтобъ она въ награжденіе за столь великія услуги дозволила Рыцарю безъ отлагательства поцѣлуй. „За чемъ допускаю я васъ просить

 „ска-

„сказала она, это моя должность.
„—— Видяжъ Королева, что Ры-
„царь не осмѣливается, схватила
„онаго подъ бороду, и цѣловала въ
„присудствіи Галехалта. — Прекрас-
„ный сладчайшій другъ, продолжала
„она, столько доказалъ, что я со-
„всѣмъ твоя.„ —— Потомъ под-
твердя обоимъ Рыцарямъ о молча-
ливости, удалилась.

Нѣкоторая придворная госпожа, именемъ Малехилда, любившая Галехалта, увидѣла какъ Королева Рыцарю первый поцѣлуй дозволила, и сіе подало поводъ ей съ любовникомъ своимъ открыться въ взаимной нѣжности. Они уговорились вспомоществовать первымъ. Такъ что въ одинъ день, когда Король и онъ для тайныхъ совѣщаній пріѣхалъ къ Артуру, употребили они обстоятельство сіе въ пользу, провели обоихъ любовниковъ въ удаленное мѣсто, и безъ помѣшательства долго наслаждались разговорами „ только
„обнимались и цѣловались, какъ
„люди, кои того охотно ищутъ.„

Не

Непродолжительно потомъ принуждены Ланцелотъ и Галехалтъ, коихъ слава звала къ новымъ опасностямъ, разлучиться отъ своихъ любовницъ. Тогда волшебница прислала къ Ланцелоту брата его Ліонеля, для принятія онаго въ Рыцари, и Ліонель совершалъ подъ смотрѣніемъ его первые свои подвиги.

Послѣ различныхъ приключеній, послалъ его Ланцелотъ ко двору Короля Артура, гдѣ его Королева, какъ достойнаго брата Рыцаря своего, приняла очень милостиво. Около сего времени получилъ Артуръ извѣстіе о нападеніи Сесновъ, по чему онъ весьма жалѣлъ о отсудствіи храбраго Ланцелота. Онъ собралъ поспѣшно всѣхъ своихъ Вельможъ; также и Королева съ стороны своей послала за своимъ Рыцаремъ, съ повелѣніемъ, чрезъ двѣ недѣли явиться неотмѣнно на сборное мѣсто. Ланцелотъ повиновался, и въ обществѣ Галехалта, господъ Говейна и

и Гектора, выступилъ противу Сесновъ. Въ продолженіи сей войны влюбился Артуръ въ знатную дѣвицу изъ роду Сесновъ, именемъ Коммилу, получилъ отъ нее дозволеніе на ночное свиданіе, пошелъ туда неосторожно, и взятъ въ плѣнъ разъѣздомъ въ сорокѣ всадникахъ состоявшемъ. Онъ отходя, чтобъ безпрепятственнѣе происходила любовная сія дорога, велѣлъ Королевѣ своей сказать: чтобъ она безъ него ложилась въ постелю, ибо онъ будетъ завтра очень рано упражненъ распоряженіями къ сраженію, и не прежде съ нею можетъ видѣться, какъ возвратясь со онаго. По сему извѣстію Королева условясь съ Малехилдою, увѣдомила чрезъ нее обоихъ Рыцарей, что они могутъ къ нимъ ночью притшить. Рыцари пришли въ назначенный часъ, и каждый принятъ „отъ своей милой, „какъ обычайно любящися, и имѣ„ли всѣ веселіе и утѣху какъ над„лежитъ любящимся. Передъ свѣ-

„томъ

„томъ же встали оба Рыцари и „пошли куда надлежитъ. „

Тогда узнали Ланцелотъ и Галехалтъ о случившемся съ Королемъ Артуромъ, и освѣдомились съ господиномъ Говейномъ, куда имъ слѣдуетъ поспѣшить, для его избавленія. Но особа чрезъ которую они освѣдомлялись обманула ихъ, и они впали въ ру́ки скрывшагося непріятельскаго войска. По утратѣ толь многихъ храбрыхъ предводителей, чрезъ что Королева и государство доходили до погибели, принялъ господинъ Ивенъ начальство, и Король Идіеръ взялъ на себя носить государственное знамя. Дошло къ сраженію, и войски плѣненнаго Короля билися толь храбро, что Сесны обратились въ бѣгство, и ушли въ весьма крѣпкій за́мокъ Валь де Логунъ называемый.

Скорбь Ланцелотова о его невольничествѣ дошла до безумія, отъ котораго избавился онъ только помощію Вивіаны, и госпожа за́мка ла Ро-

Роша, гдѣ онъ заключенъ былъ, его выпустила. Коль скоро онъ свободился, напалъ на Сесновъ, разбилъ ихъ, избавилъ Короля Артура и своихъ товарищей, и за́мокъ взялъ

По всѣхъ сихъ блистательныхъ дѣлахъ, предсталъ Ланцелотъ къ Королевѣ. „Геневра бросилась ему „на шѣю и цѣловала его, что всѣ „видѣли, которые тамъ были; и никто не зналъ что сіе значило; никто не постигалъ истинной тому „причины; самъ Король (принимающій поступокъ сей признаніемъ „за его освобожденіе) доволенъ былъ „внутренно и радовался о семъ.„

Въ тотъ день сидѣли за круглымъ столомъ три новые члена, господинъ Говеинъ, господинъ Гекторъ и Ланцелотъ морской, и дѣла ихъ вписаны при дворѣ Короля Артура. Чрезъ нѣсколько времени получилъ Король письмо изъ рукъ дѣвицы, имѣвшей въ провожаніи своемъ Рыцаря и великолѣпное снаряженіе послѣдующихъ. Въ семъ письмѣ

мѣ дѣлано ему укоренiе за неблагодарность противу Короля Камелидскаго Леодогана, отъ котораго имѣлъ онъ круглый столъ, и коего дочь была Геневра его супруга; на мѣсто оныя въ брачную ночь подмѣнили ложную Геневру; которая раздѣляетъ съ нимъ его престолъ; а настоящая Геневра, кою она умертвить велѣла, спаслась отъ убiйцъ своихъ удивительнымъ образомъ. Письмо было подписано: Королевна Геневра, дочь Короля Леодогана; и Рыцарь, сберегающiй дѣвицу, человѣкъ важнаго вида, коего лѣта̀ и знаки ранъ дѣлали достойнымъ почтенiя.

Была то дочь Сенешаля Короля Леодогана, игравшая сiю безчестную комедiю. Она ужѐ съ самаго брака Артурова располагала сiю выдумку; но дѣло открылось, и она принуждена спастися бѣгствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ дѣло замолкло, и она получила всѣ свои замки и имѣнiе. Нынѣ возобновила она сiе безстыдное

ное намѣренiе, а особливо по совѣту того стараго Рыцаря, Бертелакомъ называемаго, который обѣщался утвердить ея право. Дошло до того, что дочь Сенешалева, Героиня комедiи сей, наконецъ выступила на театръ провождаемая тѣмъ Бертелакомъ для утвержденiя, что она дочь Короля Камелидскаго Леодогана, и законная супруга Короля Артура; каждый отвергающiй сiе, вызыванъ на поединокъ старымъ Рыцаремъ. Артуръ отвѣтствовалъ: въ собранiи Вельможъ Логрскихъ и Камелидскихъ долженствуетъ рѣшить, слѣдуетъ ли сiе дѣло заключить доказательствомъ оружiя или нѣтъ. Старый Рыцарь, заботящiйся, что приговоръ собранiя того не можетъ быть выгоденъ для госпожи его, выдумалъ другое средство, которое повидимому было опаснѣе, но для нихъ удобнѣйшее; а именно пропустилъ слухъ, будто бы въ лѣсахъ видѣлъ страшнаго вепря; отважный Монархъ былъ

по-

побужденъ тѣмъ, ѣхать въ то мѣсто на охоту; скрытые люди излучили Короля, схватили и тайно увезли въ Камелиду. Артуръ во все то время, какъ былъ во власти подложной Геневры, принять ее законною супругою. Напослѣдокъ увѣрила она его, что она дѣйствительная дочь Леодоганова, а раздѣлявшая съ нимъ престолъ дочь Сенешалева. Когда обманъ ей былъ столько удаченъ, то не трудно уже было подвигнуть Короля Артура, созвать Вельможъ, и объявить онымъ, что онъ самъ дѣло нашелъ истиннымъ. Ланцелотъ узналъ о семъ, и вызвался, что онъ чрезъ побѣду трехъ Камелидскихъ Рыцарей, избавитъ честь Королевы, и докажетъ ея невинность. Госпожа Камелидская приняла вызовъ и представила трехъ Рыцарей, коихъ Ланцелотъ всѣхъ побѣдилъ. Чрезъ то Артуръ принужденъ сталъ, оправдать его доказательство и Геневру признать Леодогановою дочерью; но онъ не

взирая на сіе оставилЪ оную, или по крайней мѣрѣ разлучился сЪ нею, и уговорилЪ Галехалта уступить ей землю Сорелойскую, чтобЪ она туда жить ѣхала. Сочинитель не забылЪ упомянуть, что ЛанцелотЪ за нею послѣдовалЪ, также и ГалехалтЪ сЪ Малехилдою. АртурЪ же между тѣмЪ былЪ еще очарованЪ прелестьми Камелидской дѣвки, и продолжалЪ вести ее какЪ свою Королеву. НаконецЪ Папа наложилЪ на все Артурово государство запрещеніе, повелѣвая оному жить сЪ законною супругою, доколь не разлучитЪ его сЪ нею церковь.

Запрещеніе продолжалось около четырехЪ мѣсяцовЪ, какЪ дѣвка и ея Рыцарь впадши вЪ болѣзнь, при смерти признались вЪ своемЪ обманѣ. Тогда Вельможи Камелидскіе принуждены были, просить у Королевы Геневры прощенія, и возвратить ее кЪ супругу, который также принялЪ оную сЪ любовію.

Лю-

Любовь Артурова къ подложной Геневрѣ рассорила его съ Ланцелотомъ; по примиренiи же его съ супругою, употреблялъ Галехалтъ всѣ силы, возвратить ему столь храбраго Рыцаря. И такъ Ланцелотъ вновь допущенъ къ круглому столу, честь, которыя его новыя Рыцарскiя подвиги ежедневно учиняли достойнѣйшимъ. Въ одномъ изъ сихъ опасныхъ приключенiй похищенъ онъ волшебницею Морганою, но которая однако позволила оставить ему свое заточенiе, для снятiя приключенiя, а именно башни — страданiя, съ условiемъ, чтобъ онъ возвратился опять въ неволю, по окончанiи подвига. По чему убилъ онъ Рыцаря башни — страданiя, учинилъ Артура Государемъ сего замка, и освободилъ господина Говейна, Герцога Кляренскаго и прочихъ знатныхъ невольниковъ, коихъ Леарадъ имѣлъ въ заточенiи. Вскорѣ послѣ сего подвига возвратился онъ въ неволю къ волшебницѣ Морганѣ,

которая по многимъ язвительнымъ насмѣшкамъ, и по многимъ безплоднымъ покушеніямъ, выгнать Королеву изъ его памяти, хотя даровала ему вторично вольность, но съ злобнымъ условіемъ, чтобъ онъ ко двору Короля Артура до святокъ не приближался. Тамъ между тѣмъ ничего о немъ не вѣдали, и не знали что подумать. Ланцелотъ по дружбѣ къ Галехалту, и въ надеждѣ найтить онаго въ Сорельѣ, туда поѣхалъ. Надежда сія его обманула, и досада его дошла наконецъ до бѣшенства. Онъ получилъ толь сильное теченіе крови носомъ, что оною смочена стала вся его постель. Галехалтъ въ равномъ упованіи получить о немъ извѣстіе въ Сорельѣ, прибылъ туда и узналъ, что Ланцелотъ хотя ночевалъ въ его замкѣ, но въ туже ночь опять оный оставилъ. Сіе чувствительно его огорчило; но онъ не видалъ еще омоченной кровію постели на коей спалъ другъ его. Взоръ на оную, было ему

ему увѣреніе, что его соннаго умертвили, и онъ умеръ съ тоски о томъ, къ неописанному сожаленію Короля Артура, Королевы Геневры, а особливо нѣжной своей Малехилды.

Ланцелотово бѣшенство безъ помощи защитницы его дамы морской, было бы неизцѣльно; и только ею возвращенъ онъ въ прежній разумъ. Между тѣмъ Геневра оплакивала его какъ мертваго, и немало удивилась, увидѣвъ онаго при дворѣ Короля Бодемага, на поединкѣ съ Королевичемъ Малеагантомъ. Она разгнѣвалась, что Ланцелотъ не увѣдомилъ ее о себѣ; почему приняла онаго очень холодно, и пошла въ свою комнату, не говоря съ нимъ ни слова. Ланцелотъ послѣ того взялъ позволеніе у Короля Бодемага, и пошелъ на мостъ Сусенскій, гдѣ онъ отъ Рыцаря моста, въ мнѣніи что угодно будетъ Королю, задержать бившагося съ его сыномъ, взятъ подъ караулъ. Произшествіе сіе раз-

несло молву, будто бы Ланцелотъ защищаясь лишился жизни. Скорбь Королевина отъ сей вѣсти была безпредѣльна, и она вознамѣрилась уморить себя голодомъ. Два цѣлыхъ дня она въ томъ утверждалась, и Ланцелотъ услышалъ, будто бы Геневра скончалась; по крайней мѣрѣ вѣроятно было, что она къ смерти близка. Ланцелотъ хотѣлъ заколоться, и сіе ужасное дѣло произвелъ бы, естьли бы не удержали отъ того Рыцари, его стерегшіе. Сіи привели его къ Королю Бодемагу, который къ величайшему ихъ изумленію, принялъ онаго съ многимъ почтеніемъ, и немедлѣнно открылъ ему, каковое сильное участіе беретъ въ жизни его Королева, обнадеживая притомъ, что оная безмѣрно обрадуется его увидя. Въ самомъ дѣлѣ увидѣлись они съ равнымъ восхищеніемъ. Ланцелотъ безъ труда оправдался предъ своею госпожею, которая напослѣдокъ указала ему окно, въ кое можетъ онъ влѣзть къ ней ночью.

Ра-

Радость ихъ была безмѣрна въ семъ ночномъ свиданіи; ибо долго страдали они другъ по другѣ. На разсвѣтѣ растались они, не примѣтя, что Ланцелотъ влазя въ окошко поранилъ себѣ руки, и что изтекшею отъ того кровью замаралъ Королевину постелю.

Того же дня предъ обѣдомъ, пришелъ Малеагантъ къ Королевѣ, принести ей поздравленіе, увидѣвъ окровавленную постелю, вообразилъ, что сія кровь Сенешаля Арьокса, имѣвшаго свѣжія раны, кои марали еще его постель, и заключилъ потому, что Арьоксъ въ сію ночь пользовался крайнею Королевиною благосклонностію, и обвинялъ оную предъ всѣми, что она ночь сію препроводила съ Сенешалемъ Арьоксомъ, въ чемъ обстоятельство, что обѣ постели были замараны кровью, казалось ему неоспоримымъ доводомъ. Ланцелотъ вызвался сіе оклеветаніе защитить оружіемъ, и получилъ таковый верьхъ надъ Малеагантомъ, что отецъ она-

го принужденъ былъ просить прощенія, по желанію оскорбленныя, у ея Рыцаря. Таковымъ стыдомъ обруганный Малеагантъ былъ довольно подлъ, приказавъ Ланцелота обманомъ поимать и заключить въ темницу. Никто не зналъ, куда онъ дѣлся. Въ то время прибылъ господинъ Говейнъ ко двору Короля Бодемага къ Королевѣ Геневрѣ. Малеагантъ опасающійся чтобъ бездѣльство его не открылось, вручилъ имъ обоимъ подложныя письмы, по которымъ выѣхали они поспѣшно въ Драмалотъ, гдѣ онаго сыскать надѣялись; между тѣмъ какъ сей воздыхалъ еще въ заточеніи. Наконецъ сестра Малеагантова, по сожалѣнію о судьбѣ его выпустила его изъ темницы, и немедлѣнно сразился онъ еще съ Малеагантомъ, и убивъ онаго уѣхалъ ко двору Артурову. Непродолжительно за тѣмъ прибылъ Рыцарь Маргондъ, двоюродный братъ убитаго, вызвать его на поединокъ, и назначилъ къ

бит-

битвѣ день Магдалены, при дворѣ Короля Бодемага. Ланцелотъ явился, побѣдилъ и отсѣкъ ему голову. Прежде сего сраженія, происходили у него поединки съ многими Рыцарями, говорившими худо про Геневру, коихъ онъ всѣхъ побѣдя, принудилъ слѣдовать къ ней для испрошенія помилованія. Возвращаясь же назадъ, освободилъ онъ избавительницу свою Малеагантову сестру, которую сжечь хотѣли.

По сихъ знаменитыхъ подвигахъ случилось ему множество нещастій. Онъ былъ увезенъ и содержанъ подъ карауломъ, сперва отъ старика съ золотымъ кругомъ, а потомъ отъ волшебницы Морганы. Изъ тюрьмы въ которую заключила его послѣдняя, въ замкѣ ла Шаретѣ, освобожденъ онъ дѣвицею приносившею ему пищу, и напослѣдокъ по разныхъ приключеніяхъ, слѣдовалъ въ Корбеникъ, ко двору Короля Перла иностранныя земли, имѣвшаго у себя святый сосудъ.

Весьма странно включаетъ здѣсь сочинитель въ одномъ мѣстѣ богоговѣйныя и больше нежели подлыя выдумки; ибо отъ повѣствованія, какъ Ланцелотъ видѣлъ святый сосудъ и ѣлъ изъ онаго, вспадаетъ онъ на чудное намѣреніе Короля Перла, чтобъ довесть Ланцелота къ сообщенію съ своею дочерью, дабы оная очреватела отъ него священнымъ дѣтищемъ, о коемъ были ужѐ многія предвѣщаніи „и отъ „коего великое благо открыться „имѣетъ.„

Хотя Королевна была безмѣрно прекрасна; но совсѣмъ тѣмъ мамка ея старая Бризанна предвидѣла, что Ланцелотъ не исполнитъ намѣренія Короля Перла, понеже любитъ только единую на свѣтѣ Королеву Геневру; по чему выдумала она слѣдующую хитрость. Она налгала Рыцарю, будто бы Геневра въ тотъ день прибыла ко двору, и препроводитъ ночь въ ближнемъ замкѣ; она вызвалась его проводить

тула. Ланцелотъ не разлумалъ слѣдовать за нею, и тамъ старуха поднесла ему напитокъ, отъ коего онъ обезумѣлъ, и чаялъ себя быть въ Арамалотѣ у Геневры. Бризанна видя, что напитокъ дѣйствуетъ, пустила Рыцаря въ тѣмный покой, въ коемъ Королевна лежала на постелѣ. „Дѣвица приняла его ра„достно и оказала ему таковуюжъ „ласку и любовь, каковую оказыва„ла ему Королева. — И рожденъ Га„лаадъ юнѣйшій, совершившій при„ключеніе святаго сосуда, и возлег„шій на опасномъ сѣделищѣ въ круг„ломъ столѣ, отъ чего въ тоже „мгновеніе умеръ„.

Ланцелотъ пробудился на разсвѣтѣ, возложилъ на себя оружіе, изумился, и не зналъ гдѣ онъ былъ. Дѣйствіе напитка прошло, онъ имѣлъ свой разумъ по прежнему; онъ видѣлъ незнакомую дѣвицу и спрашивалъ кто она. Королевна открылась ему. Тогла увидѣлъ онъ себя обманута. „Тутъ извлекъ онъ

„мечь

„мечь свой, и шедъ къ дѣвицѣ,
„говорилъ: вы меня зло обманули,
„дѣвица, но должны за сіе умереть.
„Тогда взмахнулъ онъ мечь свой, и
„дѣвица очень испугавшись смерти,
„кричала о милости съ зжатыми
„руками, говоря: ахъ! благо-
„родный Рыцарь не убивайте меня.
„Онъ остановился въ размышленіи;
„она показалась ему прекраснѣе
„прежняго. И онъ дрожалъ отъ не-
„удовольствія и гнѣва, такъ что
„едва могъ держать свой мечь, и
„не зналъ умертвить ли ее, или
„оставить живу. Дѣвица неумолкно
„кричала о милости, и стояла предъ
„нимъ почти нага въ одной только
„рубашкѣ на колѣнахъ. А онъ взи-
„рающій на лицѣ ея и уста, гдѣ
„было толико красоты, сказалъ къ
„ней: дѣвица вы можете иттить,
„съ полною побѣдою, чего другая
„не имѣла бы, и неблагородно бы
„мнѣ мстить себя надъ вами,
„чтобъ уничтожить столько пре-
„лестей. Прошу васъ, благоволите

„ за-

„ забыть, что я обнажалъ мечь „ противу васъ. Ибо негодованіе и „ гнѣвъ привели меня къ тому. Го- „ сподинъ, отвѣчала она, я прощаю „ васъ, какъ вы простили мнѣ, что „ я васъ прогнѣвала. Потóмъ вло- „ жилъ онъ мечь свой въ ножны, и „ простился съ нею. „

Послѣ сего приключенія не можно было Ланцелоту возвратиться въ Корбеникъ, и онъ уѣхалъ, освѣдомляясь вездѣ дорогою о братѣ своемъ Ліонелѣ. При входѣ въ зáмокъ, лежащій на горѣ, нашелъ онъ Рыцаря ему объявившаго, что никто въ оный не впускается непреломя напередъ съ нимъ копья. Углубленный въ послѣднее свое приключеніе Ланцелотъ. Не внималъ его, и потому ничего ему не отвѣтствовалъ. Рыцарь же сочтя молчаніе его, за пренебреженіе, наскакалъ на него, выбилъ его изъ сѣдла, и сбросилъ въ ровъ наполненный водою, овладѣлъ его конемъ, какъ побѣдитель. Между тѣмъ какъ Ланцелотъ

оглушенный паденіемъ, схватился за дерево, чтобы не утонуть, и съ великимъ трудомъ спасся. Весьма опечалясь вошелъ Ланцелотъ въ городъ, и сѣлъ у колодезя подъ четырмя древесами; вскорѣ прибыли тудажъ четыре Рыцаря, и за ними четыре конюшихъ. Послѣднія влекли за ними силою дѣвицу, которая изъ любви къ Ланцелоту и почтенія къ его храбрости обѣщалась сохранить вѣчное дѣвство. Одинъ изъ Рыцарей хотѣлъ ее изнасильствовать. „Ахъ! возопила она, добродѣтельный мужъ Ланцелотъ, для чего тебя нѣтъ здѣсь! ты бы отмстилъ за меня и за себя, стыдъ, который мнѣ причинить хотятъ.„ Ланцелотъ тотчасъ узналъ оную по голосу, бросился на помощь, убилъ дерзскаго Рыцаря съ двумя подлыми его общниками, и обратя прочихъ въ бѣгство, получилъ себѣ коня въ замѣну утраченнаго. Дѣвица также поимала одного, и предложила ему ѣхать въ ближній замокъ,

над-

надлежащій мужу ея тетки къ ужину и ночлегу. Ланцелотъ согласился, и принятъ отъ хозяина замка весьма ласково. Тутъ узналъ онъ впервые, что Гекторъ морской, Рыцарь круглаго стола ему братъ; а именно былъ онъ побочный сынъ Короля Вана Беноискаго. Въ тотъ же еще вечеръ отмстилъ Ланцелотъ Рыцарю столкнувшему его въ воду; онъ сразился съ нимъ, столкнулъ его равномѣрно въ воду, и принудилъ его отдать себѣ мечь его. Потомъ завоевалъ онъ шахматныя доски, коихъ шашки сами собою двигались и игру вели. Сіи шахматы послалъ онъ къ своей госпожѣ чрезъ Рыцаря изъ Королевства Логрскаго.

Онъ совершалъ опять разные храбрые подвиги, какъ получилъ отъ Королевы повелѣніе, явиться къ Турниру въ Арамалотъ, при коемъ и она будетъ. При взорѣ на свою возлюбленную вѣрный Рыцарь съ радости обезпамятѣлъ; но прежде ужѐ пріобрѣлъ себѣ всю Рыцарскую сла-

славу. Но сїе не единое было ему награжденїе; отъ своей любовницы въ слѣдующую ночь получилъ онъ еще лестнѣйшее. „ Она пришла въ „ комнату Ланцелотову, и какъ они „ увидѣлись, бросились другъ къ „ другу съ распростертыми руками, „ какъ должно ожидавшимъ того дол- „ говременно. Они сдѣлали себѣ „ толь великую радость, что я „ не могу того изобразить (говорилъ „ сочинитель). И такъ она раздѣ- „ лась, чтобы лечь съ нимъ за то, „ что онъ столько для нее претер- „ пѣлъ. Она учинила ему столько „ веселїя и столько утѣшенїя какъ „ тому коего какъ самое себя люби- „ ла. Такъ провели они ночь вмѣ- „ стѣ, и имѣли другъ отъ друга „ радость которой давно желали. „

Послѣ сего описываетъ сочинитель опять разныя Рыцарскїя дѣла, Ланцелотовы отъ части съ сочленами своими круглаго стола, отъ части же въ заступленїе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ путешествїи своемъ, для от-

отысканія брата своего Гектора, убилъ онъ Рыцаря, отнимавшаго у всѣхъ проѣзжающихъ лошадей; также двухъ исполиновъ зáмка Ентагеля. Но послѣ сего подвига чрезъ предательство одной дѣвицы попался онъ вновь въ неволю къ волшебницѣ Морганѣ сестрѣ Артуровой, которая долго удержала его, не по злости, но изъ любви къ нему; но тщетно; ибо Ланцелотъ былъ непоколебимъ въ любви своей къ Геневрѣ. Говеинъ опять выѣхалъ искать его, но всѣ онаго развѣдыванія были безплодны. Почти два года препровелъ Ланцелотъ въ темницѣ; наконецъ когда весна украсила луга свѣжею зеленью, вышелъ онъ изъ терпѣнія, и въ досадѣ разломалъ въ окнѣ желѣзныя решетки, досталъ себѣ коня и полное вооруженіе, и таковымъ образомъ самъ себѣ доставилъ вольность.

По семъ слѣдуетъ опять описаніе Рыцарскихъ подвиговъ, подобныхъ прежнимъ. При первомъ слухѣ

о нарушеніи мира между Артуромъ и Клавдомъ, призванъ Ланцелотъ въ Арамалотъ. (Въ сіе время Брумантъ племянникъ Короля Клавда въ наказаніе, что онъ сѣлъ на опасное сѣделицѣ въ кругломъ столѣ, снизшедшимъ съ нѣбесъ огнемъ обращенъ въ пепелъ.) Заключено не дожидаться нападенія отъ непріятеля, но напасть на самую Галлію, и Ланцелотъ получилъ начальство надъ войсками въ семъ походѣ. Клавдъ узнавъ сіе, послалъ посла къ Римскому Цесарю, (сочинитель именуетъ онаго Цесаремъ Тиверіаномъ) просить помощи. Ланцелотъ и его храбрые товарищи вышли на землю въ Фландріи, и завоевали страну сію, которая въ то время называлась Фалингуръ. Хотя Клавдинъ сынъ Клавдовъ и сродникъ его Конрадъ оборонялись храбро, и были подкрѣпляемы Римлянами, но не могли противу стоять Ланцелоту, товарищамъ его и Королю Артуру. Ланцелотъ въ на-

награжденіе храбрости своей, получилЪ отЪ него Королевство Галлію; КлавдинЪ долженствовалЪ спасаться бѣгствомЪ, и принесЪ Королю Артуру ключи города Ганны. Таковымъ образомЪ АртурЪ сЪ ЛанцелотомЪ и всѣми членами круглаго стола возвратился вЪ АрамалотЪ сЪ побѣдою, и вЪ троицынЪ день имѣлЪ тутЪ торжественный придворный станЪ.

Слава о семЪ привлекла вЪ АрамалотЪ множество Князей, господЪ, госпожЪ и дѣвицЪ изЪ сосѣдственныхЪ земель. Между прочими прибыла туда и дочь Короля Перла, сЪ великимЪ числомЪ послѣдующихЪ за нею, маленькимЪ ГалаадомЪ пломЪ ошибки Ланцелотовой, и сЪ хитрою старухою Бризанною. Каждый удивлялся красотѣ Королевны; сама Геневра старалась пребываніе ея при дворѣ своемЪ учинить ей пріятнымЪ, ласкала ее, и убѣдила опочивать сЪ собою вЪ одной спальнѣ. ОдинЪ только ЛанцелотЪ не

смѣлъ на нее глазъ возвесть, ибо съ стыдомъ напоминалъ, что онъ обнажалъ противу ее шпагу. Королевна стужала о семъ, приписывая поступокъ его, носимому отъ него къ ней презрѣнію. Она открыла печаль свою старой Бризаннѣ, которая обѣщала ей доставить Рыцаря еще разъ въ ея объятія, что и исполнила. Бризанна подслушала Королеву, какъ оная приказывала чрезъ свою служанку, сказать Рыцарю, естьли можно, чтобъ онъ пришелъ къ ней ночью; тогда она велѣла Королевнѣ по ранѣе лечь въ постелю; побѣжала къ Ланцелоту, доколѣ еще посланная отъ Королевы дойтить къ нему не могла, и когда уже онъ легъ спать загася огонь, сказала ему, что она его тайно проведетъ къ Королевѣ. Думая, что то служанка Королевина, вскочилъ Ланцелотъ въ одной рубашкѣ съ постели; Бризанна взяла его за руку, „привела его къ постелѣ Королевни-„ной и положила къ ней; и онъ учинилъ

„съ

„ съ Королевною, какъ обыкновенно
„ съ госпожею своею Королевою, по-
„ неже онъ думалъ, что то госпожа
„ его Королева.„

Между тѣмъ Геневра услышала шумъ въ своей комнатѣ, и тотчасъ узнавъ Ланцелота по голосу, уразумѣла, что онъ ей невѣренъ. Она начала свои о томъ жалобы довольно громко. Ланцелотъ услышавъ ея голосъ, увидѣлъ, что его обманули.
„ Тогда надѣлъ онъ свою рубашку и
„ хотѣлъ уйтить, но Королева схва-
„ тя его за воротъ, сказала: а! а!
„ измѣнникъ, неблагородной Ры-
„ царь, которой въ моихъ комна-
„ тахъ и въ моихъ глазахъ любов-
„ ныя свои дѣла производитъ, уда-
„ лись отсюда, и опасайся возвра-
„ титься въ тѣ мѣста̀, гдѣ буду я
„ находиться. Услышавъ сіе повелѣ-
„ ніе, не смѣлъ онъ выговоришь ни
„ сло́ва, но пошелъ, какъ былъ об-
„ нажен. Вышелъ на дворъ и от-
„ туда чрезъ садъ до стѣны за́мка,
„ изъ коего бѣжалъ въ потайныя во-
„ ротцы„.

Едва

Едва узнали о бѣгствѣ его при дворѣ Артуровомъ, какъ лучшее ядро Рыцарства круглаго стола бросилось по дорогамъ его искать. Безъ успѣха развѣдывали они цѣлый годъ, а Агруаль два года. По прошествіи сего времени возвратился Агруаль къ своей родительницѣ, и по словамъ ея взялъ юнѣйшаго своего брата Перцераля къ Королю Артуру, для посвященія онаго въ Рыцари. Тутъ начинаются приключеніи Перцералевы; но до оныхъ мы коснемся только, сколько участвуютъ они съ приключеніями Ланцелота.

Сего сѣтованіе о его нещастіи опять лишило разума, и онъ исцѣлился не инако какъ силою святаго сосуда въ Корбеникѣ. По выздоровленіи своемъ отъѣхалъ онъ съ дочерью Короля Перла въ островъ — радости, но Перцералемъ и Гекторомъ возвращенъ ко двору Короля Артура, который всѣхъ Рыцарей круглаго стола отправилъ доставать святый сосудъ.

Въ продолженіи сихъ поисковъ побѣжденъ Ланцелотъ отъ сына своего Галаада, и въ другомъ сраженіи лишился коня и своего оружія. Тогда слышалъ онъ кричащій къ себѣ голосъ: „Ты крѣпче камня, горьчѣе желчи, и мягче вѣтвей фиговаго дерева„. Онъ вопросилъ о семъ стараго пустынника, который привелъ его къ покаянію о своихъ грѣхахъ. Въ то время умерла Королевна мать Галаадова. Сей привелъ Ланцелота опять ко двору Артурову. Ланцелотъ примирился съ Королевою, опять поссорился по нѣкоему подозрѣнію, что однако недолго продолжалось; любовники опять примирились. Тогда посѣтила Артура сестра его Моргана, которая ему объявила, что Ланцелотъ есть щастливый любовникъ жены его; въ тоже время обвинялъ Королеву Рыцарь Медоръ, что оная отравила его брата. Ланцелотъ выступилъ защитникомъ и побѣдилъ. Между тѣмъ Король Агравенскій у-

зналъ, что Говеинъ или Гавинъ и другіе Рыцари въ слухъ говорятъ о любви ея съ Ланцелотомъ, и заключилъ поимать ихъ. Въ семъ ему пощасшливилось, и Ланцелотъ въ сей разъ спасъ жизнь свою только одною своею храбростію. Близь лежащій лѣсъ служилъ ему убѣжищемъ, изъ котораго успѣлъ онъ въ надлежащее время появиться, чтобъ избавить Геневру, кою хотѣли сжечь. Онъ ушелъ съ нею въ замокъ Фрейденвахтъ, гдѣ убилъ Гахерита, Говреша и Короля Агравенскаго. Потомъ надлежало ему выдержать продолжительную осаду; и онъ оборонялся отважно, доколѣ Папа угрозилъ Королю отлученіемъ, естьли оный не возметъ опять свою супругу, что принудило Артура съ нею примириться, и воспріять оную изъ рукъ Ланцелотовыхъ, послѣ чего послалъ онъ сего въ королевство его Галлію, приказавъ тамъ ему короновать въ Короли братьевъ своихъ Ліонеля и Воорта.

Ме-

Между тѣмъ Артуръ не могъ забыть срама причиненнаго ему Ланцелотомъ, и заключилъ, по совѣту Гвеина, осадить его въ городѣ Ганнѣ. И такъ сѣлъ онъ на корабли, препоруча въ смотрѣніе королевство свое и Королеву племяннику своему Мордрету. Но едва онъ удалился, какъ Мордретъ сочиня подложныя письма, думалъ Вельможъ Логрскихъ увѣрить о смерти дяди своего Артура; послѣ чего уповалъ, что его объявятъ Королемъ, и принудитъ Геневру выттить за себя замужъ. Геневра ушла въ большую Лондонскую башню, и велѣла оную укрѣпить. Увѣдавъ о семъ Артуръ снялъ осаду, и поспѣшалъ въ отечество, чтобъ принудить къ должности племянника своего, осаждавшаго Королеву въ башнѣ. Мордретъ также оставилъ осаду, и пошелъ ему на встрѣчу въ боевомъ порядкѣ. Тогда Королева ушла изъ башни въ женскій монастырь, гдѣ покаявшись, скончалась въ смиреніи. Дошло до

сраженія, которое такъ кровопролитно было, что всѣ бывшіе на ономъ Рыцари круглаго стола побиты. Самъ Артуръ нашелъ тутъ смерть свою, и кончаясь отдалъ оруженосцу своему Гирфледу добрый мечь свой Ескалиборъ, чтобъ бросить оный въ море. Ланцелотъ вступилъ войною въ Англію, чтобъ покорить сыновъ Мордретовыхъ, но гонясь въ сраженіи за Рыцаремъ, заблудился въ лѣсахъ; встрѣтился съ пустынникомъ, и учинился таковымъ же самъ, какъ и любовница его учинилась монахинею. Король Воортъ наслѣдовалъ Галлію. Гекторъ послѣдовалъ брату своему въ тужe пустыню. Тутъ скончались они въ раскаяніи и смиреніи. Ланцелотъ погрѣбенъ въ замкѣ служившемъ ему убѣжищемъ съ Геневрою, близь своего оружнаго брата Короля Галехалта.

II.
РОМАНЫ НАРОДНЫЕ.

I.

Забавные и смѣшные Лаленбургцы, то есть чудная повѣсть о гражданахъ города Остроума, сочиненная старостою крѣпости фита -- ижицы.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Оный надлежитъ въ число Сатирическихъ сочиненій, и довольно изъ древнихъ: содержаніемъ своимъ мѣтятъ на состояніе правленія маленькихъ городковъ и мѣстечекъ нашего отечества, національную гордость, и нѣкоторые другіе пороки средняго состоянія; насмѣшка онаго столь сходна къ подлинникамъ и язвительна, что безсомнѣнія заслужитъ похвалу у нашихъ модныхъ читателей, и можетъ къ сей заслугѣ присоединитъ тоже у иностранныхъ. — Въ предложеніи о народныхъ романахъ, которое я намѣренъ включить впредь въ сей Библіотикѣ, упомяну я пространнѣе о сочинителѣ сего Романа.

РО-

РОМАНЪ.

Первые граждане Остроумскіе были высокой мудрости и разума; Князья и другіе знатные господа̀ приглашали ихъ и обсылались съ ними; „ибо мудрые люди въ тѣ „времена родились изрѣдка, и „естьли гдѣ таковые показывались, „была вещь удивительная. Оные „не были такъ обыкновенны какъ „нынѣ между нами, гдѣ каждый а „особливо глупецъ и пошлый дурак„, хочетъ чтобъ признавали „его за мудраго.„ Слава ихъ вскорѣ такъ возвысилась, что Князья ужѐ не довольствовались только совѣтами ихъ, но желалъ изъ нихъ всякій имѣть при дворѣ своемъ и за столомъ своимъ лично Остроума. Въ короткое время дворы ихъ опустѣли, и домостроительство, полевая работа, присмотръ за скотомъ и правленіе надъ работниками, досталось ихъ женамъ. Сіе не имѣло благословенныхъ послѣдствъ; доброта полей убавилась, скотъ не умно-

множался, работники лѣнились, и отсудствіе супруговъ ощутительно стало во всемъ домоводствѣ; въ сходственность старинной пословицы.

Хозяиновъ призоръ пашню удобряетъ,
Хозяиновъ глазъ скотъ умножаетъ;
Хозяйское присудствіе содержитъ въ повиновеніи слугъ и служанокъ, и чего хозяинъ не видитъ самъ, тамъ худый бываетъ барышъ.

Сколь ни пріятно было съ начала женамъ, получить въ руки свою власть, но напослѣдокъ увидѣли они, что ни мужья безъ женъ, ни жены безъ мужей состоять не могутъ; они опредѣлили чрезвычайное собраніе, и по долгихъ спорахъ согласились послать къ мужьямъ грамоту, приглашая оныхъ домой. Супруги охотно послѣдовали желанію своихъ сожительницъ, взяли позволеніе, поспѣшали въ домы, загладили и исправили безпорядки въ отсудствіе ихъ вкоренившіеся, и собрались наконецъ подъ большею липою на совѣтъ, какъ бы устроить, чтобъ иностранные господа не мучили ихъ по-

по прежнему, и остались бы они спокойны въ домахъ своихъ. По разнымъ предложенiямъ и возраженiямъ, выступилъ старый гражданинъ Остроумский и обнадежилъ, что лучшiй совѣтъ тотъ, понеже единый только разумъ причиною позыва ихъ въ иностранныя государства, то впредь защитить себя отъ того глупостьми и сумозбродствомъ, и выдумать столько дурачествъ и нескладныхъ дѣйствiй, чтобъ слухъ о сихъ каждаго отгонялъ знакомства съ ними. Все общество усмотрѣло, что предложенiе сiе разумнѣйшее предъ всѣми, и сколь ни несносно имъ было отрѣщись отъ своего извѣстнаго свѣту остроумiя, но чувствовали однако необходимость сея жертвы для блага общественнаго, и разошлись думать, за какое бы взяться дурачество, которое было бы изъ самыхъ лучшихъ.

Давно ужè хотѣлось имъ построить ратушный домъ; теперь приступили они къ окончанiю сего на-

мѣренія. Начали рубить бревна на крутой горѣ и сносили оныя на низъ на плечахъ своихъ въ потѣ лица̀, но одно бревно вырвалось и само собою скатилось съ горы. „Таковый разумъ въ бесчувственномъ бревнѣ, видя Лаленбургцы, „весьма оному удивились.„ Они заключили единодушно повстаскать всѣ бревна опять на гору, чтобъ имѣть удовольствіе скатить оныя на низъ. Намѣреніе сіе тотчасъ произведено въ дѣйство, и по окончаніи пошли они въ вольный домъ, въ коемъ за изобрѣтеніе общественной пользы на щетъ гражданской казны исправно погуляли. Приличная сатира на нѣкоторыхъ совѣтниковъ, нѣкоторыхъ бургомистровъ, нѣкоторыхъ приказныхъ, кои съ своими общниками, не рѣдко за дѣла̀ подобныя, или не лучшія сего подвига Лаленбургцовъ, на щетъ всего общества довольствуются; и при чемъ издержка на попойку къ общественному благу, всегда въ

 двое

двое стоитъ пріобрѣтенной выгоды.
— Ратушный домъ былъ готовъ, но не имѣлъ оконъ и свѣта; въ ясные полдни было въ ономъ такъ темно, какъ въ осеннюю ночь. Въ учрежденномъ совѣтѣ не нашли они инаго на то способа, кромѣ доставить во оный свѣтъ, во что бы то ни стало. И такъ запаслись они мѣшками, лукошками, лопатами и подобными орудіями, чтобы натаскать оными въ домъ съ надворья свѣту. Случилось, что прохожій шелъ мимо ихъ по улицѣ, свѣдавъ важную сію надобность цѣлаго мѣстечка, охотно предложилъ помощь свою противу таковаго неудобства. Ночью угощали онаго на щетъ общественной наилучшимъ образомъ, и въ слѣдующее утро повели его осматривать ратушный домъ, гдѣ онъ велѣлъ поднять нѣсколько досокъ въ потолокѣ, и доставилъ обывателямъ исполненіе ихъ желанія. Какая произошла отъ сего радость во всемъ мѣстечкѣ, легко до-

га-

гадаться; совѣтника сего отпустили, одаря щедро, и Лаленбургцы въ новомъ домѣ отправляли свои мудрые совѣты, доколѣ продолжалось лѣто, а зимнія метели принудили ихъ опять закрыть кровлю, и обстоятельство учинилось хуже прежняго. Они немало опечалились, догадавшись, что недостатокъ оконъ причиною всего неустройства; а наибольше досадовали они, что сію крайнюю глупость учинили въ началѣ своего снисхожденія съ разума, что хотѣлось имъ производить постепенно, дабы то не очень было явно.

Какъ Лаленбургцы отдѣлывали домъ свой внутри, и забыли о печи; какъ они сѣяли соль, думая, что оная взойдетъ и выростетъ; какъ сгоняли съ хлѣбныхъ полей скотину; и сторожъ, во избѣжаніе топтанія ногами своими хлѣба, ношенъ былъ четырмя человѣками на носилкахъ; какъ соль взошла и поспѣла; какъ посѣтилъ ихъ Король, и какъ они по-

поспѣшно выбрали въ рифму пришедшаго именемъ въ начальники; приключенiи съ новымъ начальникомъ, его женою и новою шубою, которую ей мужъ подарилъ; приключенiе съ Цесаремъ, какъ они во исполненiе повелѣнiя его учинить встрѣчу половинѣ верьхами и половинѣ пѣшими, располковали сiе, что слѣдуетъ имъ выѣхать на палочкахъ, какъ дѣлаютъ то играющiя дѣти, что и учинили; какъ они въ пьянствѣ перемѣшали свои ноги, и никто своихъ не узнавалъ, доколѣ проѣзжiй ударами плети доказалъ каждому, которыя его ноги; какъ два Лаленбургца помѣнялись домами; какъ они хотѣли стравить скотиною выростую на старой каменной стѣнѣ траву, и спускали коровъ на веревкахъ, доколѣ оныхъ удавили; какъ Лаленбургская баба шла на торгъ продавать яйца, и дорогою рашитала барыши, кои за оныя получитъ, отъ молодыхъ и старыхъ куръ, отъ молодыхъ и старыхъ гу-

сынь

сынь и гусаковъ, отъ козлятъ, барашковъ и поросятъ, отъ коровъ и телятъ, отъ пашни, найму работниковъ и прочаго; какъ она выдетъ замужъ за молодаго дворянина и будетъ госпожею, съ каковой радости начавши прыгать, начáло къ разбогащенію своему яйцы уронила и размозжила; (басня Фонтенова, кою сей Французъ занялъ долго спустя у нашихъ Лаленбургцовъ, и кою по нынѣ на Италіанскихъ театрахъ представляютъ подъ названіемъ *молочницы.*) Какъ Лаленбургцы въ военныя времена побросали колокóла свои въ море и на мѣстѣ, гдѣ оныя опускали въ глубину, замѣчали на своихъ лодкахъ, вырубая мѣтки, чтобъ безъ труда сыскать мѣсто, когда понадобится; какъ Лаленбургцы нашли рака, и сочтя онаго иностраннымъ портнымъ, положили на столъ сукно, и куда оный ползалъ, кроили въ слѣдъ за нимъ ножницами, чтобъ узнать новый покрой платья, пока все сукно изрѣзали въ лоскут-

ки и прочее ... Все сіе составляетъ содержаніе многихъ главъ; наконецъ мѣстечко загорѣлось, понеже Лаленбургцы на истребленіе мышей купили у проѣзжаго кошку, подъ именемъ „ мышиной собаки „ и сіе животное въ послѣдствѣ сочли чудовищемъ; ибо оное переведя всѣхъ мышей, начало оказывать ярость свою надъ домашними птицами. Они заключили кошку сжечь, обмазали горящими веществами и зажгли: но кошка вырвалась, бѣгала изъ дому въ домъ, пока ни одного не осталось. И такъ Лаленбургцы, не имѣя жилища, оставили свое отечество, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, поселились и „ размножились въ своемъ родѣ „. — „ Изъ сего видно, „ что дурачество и глупость есть „ вещь наслѣдственная, по чему можетъ сіе служить нѣкоторымъ въ „ осторожность, чтобъ береглись въ „ таковомъ случаѣ отъ заразы яда „ посмѣянія „.

Не

Не всѣмъ хорошїй смыслъ даетъ въ свѣтѣ природа,
Разумные, глупцы, Адамова всѣ рода,
И только тѣ должны посмѣшищемъ служить,
Которые въ глупцахъ желаютъ сами быть.

2.

Между разными Романами, кои простому народу отъ добросердечныхъ бродягъ продаются за нѣсколько копѣекъ, находится одинъ подъ заглавїемъ:

Прекрасная, прїятная исторїя о Маргграфѣ Валтернѣ, въ которой жизнь его и случаи вкратцѣ благосклонному чтецу представляются.

Я щелъ оный удобнымъ помѣстить здѣсь съ нѣкоторымъ сокращенїемъ.

При подошвѣ горы Везули въ Италїи лежитъ земля Салуцїановъ, плодоносная и деревнями и городами наполненная страна; въ оной владѣлъ Маргграфъ Валтеръ, добродѣтельный Государь, пригожъ собою и въ цвѣтущихъ лѣтахъ мужескаго возраста, одаренъ добронравїемъ и любитель звѣроловства. Долго жилъ онъ

онъ холостъ, и казалось, что безбрачно и вѣкъ свой кончитъ. Но нѣкогда собрались Вельможи его государства въ Салуцо, и предложили ему взять супругу, для доставленія преемника престолу. Онъ умягчился напослѣдокъ, и лишъ истребовалъ у нихъ согласія, чтобъ та особа, кою онъ изберетъ, какова бы оная ни была, почитать какъ его супругу и мать отечества, и никогда ни о ней, ни о немъ худо не говорить. Они обѣщали сіе и зачали немедлѣнно въ замкѣ его дѣлать великолѣпныя пріуготовленія; драгоцѣнныя яствы; изготовлены все дворянство и знатное гражданство государства приглашено на пиръ, и самый день свадьбы твердо постановленъ. — Оный наступалъ, гости собрались, часъ вѣнчанія приближился, но невѣсты видимо не было. Легко вообразить, какое любопытство мучило всѣхъ присутствующихъ, которое и еще умножилось, когда онъ велѣлъ всѣмъ садиться на коней

сво-

своихъ и въ коляски для принятія будущей своей супруги ; не вѣдая куда ѣхать, учинили сіе все съ великою радостію.

Близь столицы была небольшая деревенька, въ которой бѣднѣйшій земледѣлецъ именемъ Яникола имѣлъ единочадную дочь, Бризельда называемую , пригожаго и ровнаго расположенія въ тѣлѣ , и прекрасную лицемъ. Оная воспитана была въ бѣдности, кромѣ смиренія , простоты и невинности не вѣдала ни о гордости ни роскоши: пасла маленькое стадо отца своего, носила съ собою въ поле работу свою , и пряла , въ домѣ топила она печь , готовила яству, и исправляя различные домашніе труды: была родителямъ своимъ послушна , любила оныхъ сердечно и была любима оными. Сіе прелестное созданіе видалъ Маргграфъ часто выѣзжая на ловлю ; она поколебала не чувствительное его ко всѣмъ сердце, и въ ея то деревеньку слѣдовалъ тотъ

великолѣпный ходъ. Въ то время шла она за водою, и усмотря сіе огромное шествіе, остановилась изъ любопытства зрительницею, какъ къ великому ея изумленію, Марграфъ остановился у ихъ двора, поздравилъ ее, и спросилъ: въ домѣ ли ея родители? Она оторопѣла, и едва могла отвѣчать и кликнуть отца своего; но сколь удивились онъ и она, когда Маргграфъ объявилъ Яниколу свое требованіе. Разодранныя ея рубища тотчасъ сняты, Графини и боярыни одѣли оную въ привезенное княжеское платье, и Маргграфъ всенародно обручился съ нею драгоцѣннымъ перстнемъ. — Когда вышла она въ нарядѣ, всѣ удивились красотѣ ея: подруги ея едва узнавали, всякъ восхвалялъ прозорливый Маргграфовъ выборъ, и сей совершилъ свой бракъ съ нею, не взирая на низкое ея произхожденіе. Не имѣла она принужденія привыкнуть къ новому сему состоянію; она умѣла соединить добродѣтели, по-

почтенiе, разумъ, достоинство и щедрость; прiобрѣла похвалу отъ всего государства, и ощастливила своего супруга, въ коего отсудствiе даже въ судахъ предсѣдательствовала. Вскорѣ потомъ она очревател̃а, и родила дочь; когда сiя отнята отъ грудей, заключилъ Валтеръ испытать послушанiе своей супруги, кликнулъ оную въ свою тайную комнату, и сказалъ ей съ важнымъ и гнѣвнымъ взоромъ: „ты знаешь, „какого ты рода, и какъ учинилась „моею супругою; хотя я тебя до „сель довольно любилъ, всѣ для ме„ня тебя почитали, что и впредь „также будетъ: но какъ ты роди„ла дочь, то мысли моихъ поддан„ныхъ противу меня и тебя пере„мѣнились; оные утверждаютъ, „что не можно имъ быть подвласт„ными дѣвкѣ, имѣющей себѣ дѣ„домъ земледѣльца, требуютъ се„го отъ меня, и я, желая охотно „имѣть спокойствiе, заключилъ „дочь мою пожертвовать сему воз-

„му-

„мущенію, въ разсужденіи, что „оная когда нибудь должна же будетъ умереть. И такъ вспомни „о своемъ обѣщанномъ мнѣ повиновеніи, и согласись!„ Съ неустрашимымъ видомъ отвѣтствовала она ему: „Милостивый Государь! вы „повелитель надъ жизнію моею и „моего дѣтища, дѣлайте, что „вамъ угодно, я ничего не желаю „и не опасаюсь ничего потерять, „кромѣ вашей любви и милости. „Нѣжность мою къ вамъ не уничтожитъ ни время, ни злощастіе„.

Маргграфъ отшелъ наполненный скрытнаго удивленія, и въ наступившую ночь послалъ вѣрнаго своего служителя взять у ней дитя. Не взирая на притворный ужасъ, съ коимъ онъ предсталъ, вручила она ему дочь безъ слезъ и вздыханія, и только просила тѣло ея не предать въ добычу дикимъ звѣрямъ: онъ сказалъ, что о семъ ему ужѐ приказано. Служитель принесъ дитя Маргграфу, а сей отослалъ оное неме-

медля въ тайнѣ къ сестрѣ своей Графинѣ де Панчо въ Бононію съ прошеніемъ, воспитать оное наилучшимъ образомъ, только, чтобъ никто не вѣдалъ о ея природѣ. Съ того времени примѣчалъ онъ прилѣжно всѣ движенія супруги своей, но нашелъ ее по прежнему радостну, послушну, наполненну любовію къ себѣ и ни слова не упоминающую о дочери. Чрезъ четыре года родила она еще прекраснаго сына. Онъ съиградъ и съ симъ прежній опытъ, и нашелъ прежнее повиновеніе. Прошло ужѐ долгое время: всѣ подданные сострадали о терпѣніи Бризельды, и начали Маргграфа называть лютымъ человѣкомъ: но онъ не взиралъ на сіе, и любовь супруги его ежедневно къ нему укрѣплялась. Когда дочери его совершилось шестнатцать лѣтъ, пропустилъ онъ слухъ, будто бы Папа позволилъ ему развестись съ своею прежнею, въ состояніи природы съ нимъ, не равною супругою и жениться на другой. Онъ ве-

велѣлъ сію выдуманную грамоту прибить во всенародномъ мѣстѣ, и Бризельда узнавъ о семъ, не мало испужалась, однакожъ не предалась горести. Валтеръ напротивъ, продолжающій предоставлять ее величайшимъ опытамъ, пригласилъ сестру свою съ ея супругомъ и съ своимъ сыномъ и дочерью, пропустилъ молву во всемъ государствѣ, будто бы онъ сватается за дѣвицу, которая живетъ въ Бононіи у сестры его, и сдѣлавъ всѣ пріуготовленія къ великолѣпному пиршеству, говорилъ своей супругѣ слѣдующее: Бризельда, я понынѣ жилъ съ тобою въ вѣрномъ супружествѣ, поступки и нравъ твой ничѣмъ не могу опорочивать, не могу также жаловаться на вѣрность твою, или на недостатокъ любви и повиновенія: но я и мнѣ подобные подвержены другимъ обстоятельствамъ, нежели земледѣльцы: что онымъ прилично, то непристойно намъ. Мои принуждаютъ меня, и Святый Отецъ даетъ согласіе на раз-

разрушеніе нашего брака и къ заключенію новаго. Моя новая невѣста ужè въ дорогѣ, и такъ очистите для оной мѣсто, возьми свое и возвратись, откуда ты пришла. — Съ покорностію подверглась она всему оному, благодарила за его прежнюю любовь, отдала всѣ свои драгоцѣнные уборы и ничего не просила, что было не ее: но только, какъ ей казалось непристойнымъ показать подданнымъ обнаженное то тѣло, кое ихъ владѣтелю законныхъ дѣтей рождало, просила позволить въ заплату принесенныя ему чистоты своей, прикрыться нижнимъ одѣяніемъ. У Маргграфа навернулись слезы, но онъ отворотился, будто бы ее пренебрегаетъ, и она вышла покрытая только карсетомъ, съ обнаженною главою и боса, предъ всѣми придворными вонъ изъ зáмка. Всякъ оплакивалъ ее, но она пришла спокойна къ отцу своему, утѣшала онаго, и одѣлась въ старое свое платье. Она пробыла въ домѣ своемъ

емъ нѣсколько дней, и слухъ о приближенiи Графини де Панчо распространился. За день до прибытiя оныя призвалъ Маргграфъ опять къ себѣ Бризельду, и приказалъ ей дѣлать расположенiя къ принятiю новой своей невѣсты въ сихъ ея бѣдныхъ рубищахъ. И въ семъ повиновалась она, и на другiй день послѣдовалъ въѣздъ, при чемъ глаза̀ всѣхъ устремлены были на новую невѣсту, которая казалась быть чудомъ въ красотѣ. Бризельда приняла оную съ таковымъ почтенiемъ, что всѣ посторонніе удивились, какъ возможно толикой красотѣ и разуму заключаться въ подлыхъ рубищахъ, и Маргграфъ велѣлъ ей за столомъ прислуживать съ прочими служителями.

Когда всѣ подвеселились, Маргграфъ ее кликнулъ и сказалъ: Бризельда, какъ нравится тебѣ моя новая невѣста, довольно ли оная для меня прекрасна, и что думаешь ты о ея нравѣ? — Съ нѣкоторою важно-

ностію, соединенною однако съ пріятнымъ почтеніемъ отвѣтствовала она ему: Милостивый Государь! я не думаю, чтобъ можно быть женщинѣ ея прекраснѣе, надѣюсь также, что внутреннее сердце ея добродѣтелію и вѣрностію уподобляется красотѣ наружности: безъ сомнѣнія Ваша Свѣтлость препроведетъ съ нею щастливое и благословенное супружество. Но объ одномъ только я прошу васъ прилѣжно, а именно: сію прекрасную и добродѣтельную супругу не подвергать толь жестокимъ опытамъ любви, вѣрности и повиновенія, чѣмъ искусили и оскорбили вы вашу бывшую жену; ибо какъ сія воспитана гораздо нѣжнѣе и не знаетъ о нещастіяхъ и терпѣніи, то не снесетъ сего толь равнодушно.

Марграфъ пронзенъ былъ толь возвышенною добродѣтелью, и вскоча говорилъ: любезная Бризельда, я признаюсь тебѣ, что вѣрность твою и повиновеніе искушалъ слишкомъ же-

жестоко, и нашелъ оныя драгоцѣннѣе и чище золота. Я не думаю, чтобъ былъ супругъ въ подсолнечной, владѣющій подобною тебѣ супругою: внимай, продолжалъ онъ, схватя ее въ объятія, ни одна женщина не раздѣляла отъ рожденія моего со мною ложа моего, кромѣ тебя и до конца моего раздѣлять не будетъ. Сія дѣвица, кою ты щитаешь моею невѣстою, есть дочь твоя, а сей братъ ея, сынъ твой; я отнялъ оныхъ у тебя, а днесь возвращаю и себя съ ними вновь. Радость Бризельдина при словѣ семъ превосходитъ изображеніе, всѣ присудствующіе чувствовали оную съ нею. Пиръ сей былъ веселѣе самой свадьбы, и остатокъ долгаго ихъ вѣка протекъ въ благоденствіи.

III.
РОМАНЫ НѢМЕЦКІЕ.

I.

О РОБИНСОНАХЪ.

Въ сей разъ только извѣстіе, вмѣсто обѣщанныхъ продолженій оныхъ въ сокращеніи. Я сначала намѣренъ былъ включить здѣсь разные романы сего заглавія: но по прилѣжномъ разсмотрѣніи нашелъ, что оные отчасти, какъ на примѣръ Робинсонъ духовный, только были Робинсоны по надписи, отчасти же содержаніе оныхъ такъ между собою сходствовало, что я вознамѣрился ограничиться предложеніемъ рѣдчайшихъ разностей, кои напечатаны въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ Кестнеръ увѣдомляетъ, бывъ старѣе Дефоева Робинсона I званіе заслуживаютъ; и такъ мы покрайней мѣрѣ имѣемъ старшинство въ Робинсонствѣ предъ Британцами. Сокращеніе одного изъ сихъ романовъ, который для насъ Нѣмцовъ, въ разсужденіи нѣкоторыхъ истиннъ изъ славной тритцатилѣтней войны, оставя онаго приключенія, будетъ примѣча-

чанія достоинЪ, предложится читателямЪ вЪ четвертой части сей Библіотики.

Кампе, по извѣстію Руссо, защитилЪ честь Робинсона Круза не давно обнародованнымЪ извѣстіемЪ, о новомЪ изданіи того древняго романа, предпріятіе заслуживающее подкрѣпленія отЪ общества.

2.

Луиза, или сила женской добродѣтели, повѣсть. вЪ Лейпцигѣ 1768 вЪ 8.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

ОбщественныйАнекдотЪ былЪ побужденіемЪ сего сочиненія; чрезмѣрное одобреніе, кое имѣла Тиммелева Вильгемина, поощряло нѣкотораго Кавалера вЪ К** издать сей маленькій романЪ, яко опытЪ вЪ другомЪ родѣ, и вЪ противоположеніе первому, и сЪ того времени заслуживалЪ онЪ похвалу, соразмѣрную той, сЪ каковою онЪ принятЪ.

РОМАНЪ.

Луиза была девятнатцати лѣтъ, когда лишилась своей родительницы. Дальній родственникъ Дормондъ, человѣкъ преизрядныхъ свойствъ, находился у ней опекуномъ. Онъ взялъ бы ее къ себѣ охотно, естьли бы не былъ холостъ и не жилъ въ отдаленной деревнѣ; по чему видѣлъ себя принужденна согласиться на предложеніе сводной сестры Луизиной родительницы, которая желала взять ее, и тѣмъ больше, что питомица его не имѣла стяжанія. Госпожа Монткрифъ — такъ звали Луизину тетку — была госпожа свѣтская; хотя весна ея давно ужѐ увяла, но она имѣла еще требованія на завоеваніе; по сему неудивительно, что она Луизу, коя была молода и прекрасна, исключала изъ ежедневно происходившихъ у ней многочисленныхъ собраній. Между особами, надъ которыми испытывала она власть прошедшихъ заразъ своихъ, Графъ Л... былъ пер-

 вен.

венствующій. Въ одинъ день наполненная страстію готовилась она къ вечеринкѣ, въ которую ожидала общества своего и Графа; оный прежде всѣхъ пріѣхалъ. Проговоря разныя ласкательства, кои могла она хитро изъ него извлекать, учинилъ онъ ей искусное начертаніе о гостяхъ, которыхъ она дожидается; примѣтилъ, что на ней траўръ, нашелъ, что оный ей къ лицу, и прочее. Сіе подало хозяйкѣ случай проговорить маленькую надгробную рѣчь своей покойной сводной сестрѣ. „Она „была, сказала она, несноснѣйшая „женщина изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ: безпрестанно напоминала „мнѣ, что росходы мои раззорятъ „меня въ конецъ; неумолкными разсужденіями о смерти наполнены „были всѣ ея письма, и наконецъ, „помучивъ меня довольно въ своей „жизни, оставила мнѣ тягость и „по смерти: дочь, которая столькожъ хладокровна, какъ и матушка, „и по окончаніи работъ своихъ прини-

„нимается за привезенныя съ собою „сочиненія задумчивыхъ Агличанъ, „или читаетъ библію; философка „девятнатцати лѣтъ, которая въ „свѣтскихъ собраніяхъ зѣваетъ, и „имѣетъ скуку„. Графъ любопытствовалъ Луизу видѣть, и госпожа Монткрифъ принуждена была противу желанія оную кликнуть. Она вошла, траурное платье возвышало еще больше не поддѣльныя ея заразы; нѣсколько словъ сказанныхъ ею восхитили его, онъ слушалъ ее въ безмолвномъ удивленіи и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Она скоро опять удалилась, и онъ бывъ недвижимъ, глядѣлъ въ слѣдъ за нею.

Тетка лишъ хотѣла начать насмѣшки его застѣнчивости, но общество ея знакомцевъ вступило. Сіе воспрепятствовало ей примѣтить его разстроеніе, и самъ онъ скоро разсудилъ, что должно ему быть скромну. Напослѣдокъ игра принуждала его еще болѣе быть осторожну, однакожъ онъ забывалъ себя,

и хозяйка чувствовала бы отъ того великое неудовольствіе, естьли бы не защищался онъ противу ее знатнымъ проигрышемъ и не шепнулъ ей на ухо, что онъ охотно ей проигрывать желаетъ. За то получилъ онъ сверьхъ лестнаго сожалѣнія о его убыткѣ дозволеніе привезть къ ней поутру проигранное.

Собраніе разъѣхалось для успокоенія, кромѣ Графа. Луиза учинила глубокое впечатлѣніе на сего вѣтреннаго человѣка. Онъ находился въ великомъ движеніи отъ учиненнаго имъ открытія; прелести и невинность ея покорили совсѣмъ его сердце: иногда легкомысліе его пробуждалось, и онъ укорялъ самъ себя, что деревенская дѣвочка могла вскружить ему голову; потомъ воспоминалъ онъ съ тайнымъ восхищеніемъ о Луизиномъ благонравіи, и довольствовался найти въ ней добродѣтель, къ которой возратиться неощущалъ себя довольно сильнымъ. Онъ сражался самъ съ собою о средствѣ

ствѣ получить ее, былъ нерѣшимъ между порокомъ и позволеннымъ; суетность и наклоненіе къ распутству одержали верьхъ.

Госпожа Монткрифъ была между тѣмъ неменьше, какъ спокойна. Она могла примѣтить, что Луиза къ Графу не осталась равнодушною. Лишиться онаго, было столько же прискорбно для гордости ея, какъ и для страсти къ выиграшу. Удалить Луизу было ужѐ поздно; сіе еще больше бы отлучило отъ ней Графа, ничего не осталось, какъ только нападать съ слабой стороны. Холодный Луизинъ нравъ казался ей быть помощнымъ средствомъ противу лестной склонности Графа. Ей долженствовало удержать противу него племянницу свою въ равнодушіи. Сіе вознамѣреніе заключила она произвесть въ тотъ же день послѣ обѣда. По довольно длинномъ разговорѣ о Графѣ между ею и Луизою, расстались они; первая въ гордой надеждѣ быть ужѐ безопасною отъ

прелестей послѣднія, а сія съ тихою стыдливостію видѣть Графа столько предъ собою возвышенна, и съ воображеніемъ, что оный будетъ къ ней равнодушенъ, такъ мало все разумѣли они о себѣ!

Послѣ обѣда Графъ опять пріѣхалъ, чтобъ отдать госпожѣ Монткрифѣ вчерашній проиграшъ, или можетъ быть за тѣмъ только, чтобъ видѣть Луизу. Онъ нашелъ ту въ легкомъ роскошномъ одѣяніи, и повидимому не несклонну наградить его за убытокъ проиграша: но вмѣсто желанія отъиграться, оказалъ онъ удивленіе, находить ее одну, безъ прекрасной ея подруги. Сказали ему что оная выѣхала въ гости. Онъ и самъ не остался на столько, какъ желали; однакожъ воспользовался симъ посѣщеніемъ, хотя тѣмъ, что мимоходомъ привлекъ на свою сторону чрезъ знатный подарокъ служанку, кою думалъ быть преданною Луизѣ. Помощію Юліи — такъ оная называлась — доставилъ онъ въ руки Луи-

зы письмецо, въ коемъ онъ послѣ множества ласкательствъ, предлагалъ ей любовь свою, и не вѣдая свойства ея, нападалъ обыкновеннымъ оружіемъ на ея сердце.

Разныя малыя обстоятельства допускали Луизу догадываться, что письмецо ни отъ кого инаго быть не можетъ, кромѣ отъ Графа. Не долго сомнѣвалась она, распечатать ли оное, чтобъ только узнать онаго намѣреніе; но не могла подвергнуть себя опасности. Тотчасъ собрала разсудокъ, оставила оное не распечатавъ, и въ то же мгновеніе отдала своей теткѣ. Сія объяснила все только за одну шутку Графову, и взяла на себя ему отвѣтствовать. По таковыхъ словахъ, кои произнесла она съ горькою важностію, оставила ее Луиза, чтобъ предаться самой себѣ. Она беспокоилась, сама не вѣдая о чемъ; раскаявалась иногда въ своемъ чистосердечіи, но ободряла себя разсужденіемъ, что исполнила свою должность.

Съ

Съ другой стороны тетка не такъ была довольна; хотя очевиднымъ Луизинымъ равнодушіемъ казалось ей, что она довольно безопасна, но хитрость Юліи могла бы поколебать оное, для чего сія въ тотъ же вечеръ получила свой отпускъ. Прежде выхода своего изъ дому зашла она къ Луизѣ въ слезахъ, признавалась въ своей неосторожности, и сѣтовала что можетъ быть долго не сыщетъ себѣ мѣста. Луиза хотя учинила ей строгія укоренія, но тронутая сожалѣніемъ, дала ей нѣсколько червонныхъ, сказавъ: я дала бы тебѣ больше, естьлибъ не зависѣла отъ Опекуна, но просить за тебя, я не могу.

Между тѣмъ Графъ съ великимъ терпѣніемъ дождался отвѣта. Пріятели его давно ужѐ искали его безъ успѣха. Разныя благосклонныя госпожи вздыхали, что онъ не оживлялъ ужѐ изрядную ихъ участь; ибо Графъ владѣлъ не токмо обыкновенною живостію молодыхъ вѣтре-

реныхЪ господчиковЪ, но воспитаніемЪ и чтеніемЪ очистилЪ и изострилЪ свой разумЪ. Естьли бы сердце его не повредилось равновременнымЪ обхожденіемЪ сЪ молодыми легкомысленными людьми, онЪ искалЪ бы только благоразумія, и учинился бы совершенно любви достойнымЪ. Нынѣ началЪ онЪ самЪ о себѣ дѣлать сіи разсужденія; усматривалЪ всю пустоту, все недостоинство прежнихЪ своихЪ забавЪ; одинЪ только ЛуизинЪ образЪ восхищалЪ его. Самая умѣренная ея важность казалась ему драгоцѣнна, и онЪ желалЪ быть сЪ ней во всемЪ сходнымЪ; но всѣ таковыя благородныя чувствованія вскорѣ истребилЪ недостойный повѣренный его страсти. — „ВЪ самомЪ дѣлѣ думать о бѣдной деревенской дѣвкѣ, „естьлибЪ она имѣла у себя пол„бочки золота, я простилЪ бы те„бѣ старомодное обыкновеніе же„ниться, а сія дѣвица не такЪ не „побѣдима„. — ОтвѣтЪ на письмо

мое

мое рѣшить сіе, сказалъ Графъ: но сего отвѣта онъ не дождался. Только Юлія пришла и расказала ему о всемъ. Онъ былъ пораженъ, и только въ щедрости Луизиной къ Юліи находилъ онъ надежду. Можетъ быть не хочетъ она избрать Юлію въ повѣренныя. Онъ изслѣдовалъ щедрость сію съ прилѣжаніемъ, и въ тотъ же бы часъ поспѣшилъ къ госпожѣ Монткрифѣ, естьли бы не удержала его не извѣстная ему дотолѣ робость.

Но госпожа сія не надолго оставила его въ разстройкѣ; она не могла безъ него обойтися. Онъ явился, и она предупредила его нѣсколькими пріятными ласкательствами: но въ сей разъ Графъ не могъ уже отвѣтствовать ей съ своею обыкновенною живостію; онъ признался ей во всемъ, и желалъ видѣть Луизу. — „Но Графъ, не ужъ ли „забыли вы о судьбѣ письма вашего? „ —— Я все знаю, сударыня, но притомъ вѣдаю, что отваживал-

ся съ лишкомъ. Для того то я и хочу Луизу видѣть; . . . . Я хочу сказать ей все, что любовь въ меня влагаетъ, и можетъ быть она къ моимъ увѣреніямъ будетъ чувствительнѣе, нежели къ письму, которое только въ полы изъяснить могло . . . . Вы смѣетесь моей страсти, Милостивая Государыня! вы хотите тѣмъ исцѣлить меня? но вы имѣете въ рукахъ другое средство. „Она внимала съ примѣчаніемъ, а „онъ просилъ, чтобъ Луиза всегда до„пускаема была въ общество ея„. Можетъ быть, говорилъ онъ, есть-ли я часто буду ее видѣть, то наконецъ привыкну взирать на нее равнодушно. Когда откажите мнѣ въ сей прозьбѣ, такъ не требуйте, чтобъ я посѣщалъ домъ вашъ, . . я удалюсь отсюда въ такое мѣсто, которое не приводило бы мнѣ о ней напоминовенія.„

Госпожа Монткрифъ замолчала на нѣсколько, предавшись размышленію. Пылкій нравъ Графа былъ

ей извѣстенъ; она находилась въ опасности его лишиться; ей не осталось другаго выбора; но однакожъ ожидала всего отъ извѣстной его вѣтренности. „Таковы то вы му„щины, отвѣтствовала она ему „смѣючись, неудовольственныя тва„ри! и намъ должно имѣть съ ва„ми терпѣніе. Кто изъ насъ сла„бѣе?„ съ словомъ симъ она позвонила, и Луиза вошла съ своими скромными пріятностьми. Послѣ чего произшелъ между ею и Графомъ продолжительный разговоръ. Умѣренныя укоренія за письмо, но въ коихъ не недоставало впечатлѣнія, извиненія въ томъ, истинныя прозьбы, шутки, которыя для обоихъ ихъ были не у мѣста, были предметомъ онаго. Тетка, которая при семъ дѣйствіи была лишняя, съ благопристойностію прекратила оное, и Луиза удалилась.

Графъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ ея, раздѣленный между удивленіемъ и печалію. Онъ взиралъ на любвидо-

достойную дѣвицу, безъ надежды ею владѣть. Тщетно старалась госпожа Монткрифъ развеселить его; онъ ушелъ непримѣтно изъ ея кабинета, „ до наступленія благо„ склоннаго часа, въ который при „ молчаливой тишинѣ ночи, она „ обыкновенно воздыхала сидя на „ мягкомъ канапѣ близъ своего „ любезнаго,„ и оставилъ ее одну предаться прискорбнымъ воспоминаніямъ. Вся душа ея занималась тѣмъ, какъ бы удержать непостояннаго Графа. Не взирая на свою зависть, долженствовала она отдать справедливость Луизину разуму. Доколѣ племянница ея будетъ оному слѣдовать, (размышляла тетка) то останется она въ почтеніи и безъопасна; но съ стороны сéрдца можно было напасть на нее. Изображеніе роскоши для нее ново, и противиться оному невозможно; Графъ легко побѣдитъ воображаемую ея добродѣтель; низпадшая въ обыкновенную любовницу не будетъ

уже она владѣть имъ больше — такъ разсудивъ Монткрифа, вознамѣрилась доставить Графу всѣ способности къ ея искушенію. Хотя совѣсть возражала противу сего, но вскорѣ умолкла. Ей потребна была къ тому помощница, и во оныя избрала она согнанную Юлію, которая съ радостію взяла сей случай къ избавленію себя отъ бѣдности, и хитрыми исканіями вскорѣ получила благосклонность госпожи своей.

Между тѣмъ печалющаяся Луиза дѣлала разныя разсужденія. Она довольно примѣчала каково опасно для нее сіе обиталище, со всею ея осторожностію. Нечаянное возвращеніе Юліи, подало ей причину къ новымъ заботамъ. Въ семъ недоумѣніи обратилась она къ добродѣтельному своему опекуну. Наставленія его опять ее успокоили.

Въ произшествіе сего, Графъ предпріялъ новое нападеніе на ея добродѣтель, и уговорился съ Юліею о ея похищеніи, но его предупреди-

ли.

ли. Госпожа Монткрифъ нѣсколько дней спустя учредила прогулку въ посвященный прiятнымъ удовольствiямъ загородный домъ. Только Луиза и двѣ немолодыя госпожи слѣдовали туда съ нею. Луиза въ угодность своей теткѣ и другимъ, сложила съ себя троуръ и одѣлась въ красивое платье, и тогда въ возрѣнiи на совершенство прелестей своихъ, искусства и природы, была какъ ясный день. Не видя участвующаго въ сей прогулкѣ Графа, какъ она чаяла, удивлялась она, но и укоряла себя, что такъ примѣчательну себя находитъ къ его присудствiю. Тетка притворялась будто бы не уповаетъ, чтобъ Графъ былъ сюда по приглашенiю; общество наше, говорила она, не можетъ быть для него довольно весело. Однако не успѣла она сего выговорить, какъ увѣдомили о прiѣздѣ онаго. Онъ вошелъ, наставленный ею, съ меньшимъ непринужденiемъ и съ прiятною живостiю. По обыкновен-

венныхъ поклонахъ, при чемъ Графъ имѣлъ случай наговорить Луизѣ тонкихъ ласкательствъ, пошли обѣдать. Тутъ дошелъ разговоръ до деревень Графскихъ, и до вопроса о преимуществѣ сельской и городской жизни. Луиза казалось склонною къ первой, Графъ защищалъ послѣднюю, но больше для удовольствія говорить съ нею, чѣмъ оспорить. Монткрифа торжествовала втайнѣ, примѣчая въ Луизѣ впечатлѣнія, кои по воображенію ея производилъ притворный Графовъ разговоръ въ ея сердце.

Послѣ стола предложила она умышленно. разныя игры на свободномъ воздухѣ, чтобъ удобнѣе напасть на Луизу, но Графъ просилъ госпожъ, чтобъ лучше возпользоваться прекрасными гулбищами; и такъ взялъ онъ хозяйку за руку, съ видомъ непринужденнаго равнодушія къ Луизѣ, которой онъ отчасу нравился, чѣмъ представлялъ себя благонравнѣе. Монткрифа была весьма довольна его поведеніемъ.

„ Но

„Но не будьте таковы важны, ска-
„зала она, впрочемъ вы сдѣлаетесь
„таковыжъ холодны, какъ Луиза;
„можетъ быть еще нынѣжъ на-
„ступитъ вашъ пастушій часъ.„—
Графъ вздохнулъ и не могъ ей от-
вѣтствовать; послѣ того подозвала
она Луизу и приказала ей дѣлать
Графу товарищество, между тѣмъ
какъ она съ двумя гостьями сыграетъ
пулю въ ломберъ. Графъ пошелъ съ
нею въ другую алею, и довелъ раз-
говоръ опять до деревенской жизни.
Сіе подало Луизѣ способъ говорить
о упражненіяхъ и удовольствіяхъ въ
таковыхъ выраженіяхъ, кои Графа
наполнили удивленіемъ. Онъ слу-
шалъ ее съ почтительнымъ мол-
чаніемъ, и отвѣтъ его былъ объ-
ясненіе его любви и увѣреніе, что
онъ въ угодность ея отрекается
отъ прежняго рода своей жизни.
Она отвѣчала на сіе, что таковое
побудительное основаніе, чтобъ за-
служить ея одобреніе, весьма мало
для таковаго благороднаго вознамѣре-

 нія,

нія, что онъ имѣетъ оныхъ много важнѣйшаго содержанія; и что прощаетъ ему сіе выраженіе, кое употреблялъ онъ до сего со многими своими знакомками, для свойства которыхъ оный можетъ быть лучше годится, нежели для ее; „ибо ка„кое можетъ то имѣть вліяніе къ „вашему спокойству, хотя бы вы ко „мнѣ и неравнодушны были?„

Во время сихъ словъ приближились они къ тѣнистой жасминной дорожкѣ; Графъ просилъ ея съ нѣжнымъ поцѣлуемъ рукй, повторить послѣднія слова̀. Въ благовонной бесѣдкѣ сѣли они на мягкой софѣ; вечеръ простиралъ слабый свой свѣтъ сквозь садовую зелень; повсюду носились ароматы цвѣтовъ; птички манили своихъ подружекъ, и съ пѣніемъ ихъ мѣшался тихій звукъ лютны, наигрываемой рукою искуснаго музыканта привезеннаго Графомъ.

Луиза трепетала втайнѣ приближаясь къ сему опасному мѣсту. Но надѣясь на свою добродѣ-

тель,

тель, заключила испытать Графа. Съ негодованіемъ, которое долженствовало его изумить, отдернула она свою руку; безъ довѣренностей, господинъ Графъ, мы на оныя не имѣемъ права! внимайте лучше неожидаемую музыку, за которую безъ сомнѣнія мы вамъ обязаны. Онъ признался въ томъ; жалелъ, что она обращаетъ примѣчаніе больше на музыку, нежели на „него, приближился опять къ ней сказавъ: „ и такъ вы не хотите „повторить, или явственнѣе сказать, осмѣлюсь ли я любить васъ „и быть любимъ вами? „ и при семъ хотѣлъ ее обнять. Но она вскоча поспѣшно, бросила на него суровый взглядъ, вышла изъ бесѣдки и начала говорить съ лютнистомъ. Добрый сей человѣкъ, который красноречивѣе былъ на своемъ орудіи, нежели въ разговорахъ, поклонился молча; какъ госпожа Монткрифъ пришла съ своимъ обществомъ, нетерпѣливо желая узнать слѣдствіе своей хи-

хитрости. Она увидѣла Графа выходящаго въ смятеніи и стыдѣ изъ бесѣдки, и Луизу разговаривающую съ музыкантомъ, которому голосъ ея казался столькожъ пріятенъ, какъ и его лютна.

Время уже было возвратиться въ городъ; Графъ простился не безъ замѣшательства, и ускакалъ съ огорченіемъ прежде всѣхъ. Дорогою госпожи шутили надъ его длинною прогулкою съ Луизою; сія расказала имъ все, толькожъ пощадя Графа. Тетка ея почти отчаялась, оное опять видѣть; его благонравіе и воздержность были ей не понятны. Въ самомъ дѣлѣ Графъ нѣсколько дней не показывался; разговоръ съ Луизою проникъ во глубину его сердца, и раздѣлилъ оное между страха и надежды.

Луизу приключеніе сіе привело къ разнымъ разсужденіямъ. Прежде нежели изслѣдовала она поступокъ Графскій, приступила къ собственному своему сердцу, вопрошала оное,

что

что оно для него ощущаетъ, и долженствовала наконецъ признаться, что пріятности Графовы, снисхожденіе съ высоты его состоянія, или можетъ быть мечта, учиниться ему равною, заняли ее прежде, нежели испытала она истинную его цѣну. Теперь таковое испытаніе ужѐ не помогало ей; ибо ожидаемо ли, чтобъ Графъ изъ любви къ ней пересталъ быть легкомысленъ, и расточать дни молодости своей въ обыкновенныхъ шалостяхъ?

Наполненная сими размышленіями, вошла она съ печалію къ своей теткѣ и открыла ей о всемъ чувствуемомъ къ ней Графомъ; говорила еще, что она довольно предвидитъ всѣ препятствія любви своей, что не желаетъ болѣе Графа видѣть, и просила о удаленіи себя благопристойнымъ образомъ изъ ея дома; ибо запретить ему входъ во оный, сказала она напослѣдокъ, требовать я отъ васъ не могу, — „ и ожидать „ сего также, отвѣчала Монткрифа. „ Вы

„Вы надѣюсь позволите мнѣ, чтобѣ
„ я для вашего смиренномудрія не
„ теряла моихъ пріятелей. Оказы-
„ вайте Графу только позволенныя
„ ласки. Самое принужденное ваше
„ свойство, побуждаетъ его суеп-
„ ность овладѣть вами; и неизвѣ-
„ стно, можетъ быть ты въ
„ силахъ составить щастіе на всю
„ его жизнь, естьли только не та-
„ ковá будешь упорна къ его жела-
„ ніямъ. . . . И ты Луиза такъ за-
„ краснѣлась отъ этого? предложе-
„ ніе мое не такъ страшно, ты
„ сама сказывала, что Графъ тебѣ
„ нравенъ. Естьли разсудишь о об-
„ стоятельствахъ своего щастія, то
„ мнѣ кажется, слѣдуетъ тебѣ всѣ
„ употреблять способы, привязать
„ его къ себѣ. „ — „ Я бѣдность
„ мою не такъ еще чувствую, ска-
„ зала Луиза; и слезы пресѣкли сло-
„ вà ея. . . Но и по таковомъ пред-
„ ложеніи, я не забуду почтенія,
„ коимъ я вамъ должна. „ Послѣ сего
она удалилась. Отходя слышала она
еще

еще смѣхъ ея, и удивленіе о своей простотѣ.

Тогда госпожа Монткрифъ сочла за нужное, удалить отъ себя Луизу. Одна изъ госпожъ бывшихъ съ ними въ увеселительномъ домѣ, Графиня Д. имѣла мололую прекрасную дочь, которой Графъ очень былъ непротивенъ. Сія съ неудовольствіемъ примѣтила любовь своей дочери къ Графу, и съ радостію услышала, когда Монткрифа говорила, что ей племянница ея въ тягость. Подъ видомъ, что Луиза ей очень понравилась, предложила она теткѣ ея о дозволеніи Луизѣ хотя на нѣсколько времени сдѣлать товарищество въ деревнѣ ея дочери. Прозьба таковая была весьма пріятна госпожѣ Монткрифѣ, и она еще въ тотъ же вечеръ пригласила къ себѣ сію Графиню. Сія прибыла съ своею дочерью, не уповая найтить тутъ Графа; однако и оный пріѣхалъ. Съ произшествія въ увеселительномъ домѣ сталовился онъ от-

часу

часу нетерпѣливѣе владѣть Луизою. Онъ вошелъ съ нѣкоторымъ унынiемъ, которое ему было очень къ лицу. — Что происходило во весь вечеръ и за ужиномъ между имъ и молодою Графинею, коя употребляла противу его всю силу прелестей своихъ, и старалась затмить Луизу; мы оставляемъ, чтобъ продолжать повѣсть, коя и безъ побочныхъ произшествiй нѣсколько длинновата.

Послѣ ужина Луиза вдругъ пропала. Графу сказано, что она въ своей комнатѣ и не очень здорова. Онъ оставилъ общество, поспѣшалъ къ госпожѣ Монткрифѣ, которую нашелъ въ ея кабинетѣ, и спрашивалъ о Луизѣ. Она насмѣхалась любви его къ дѣвкѣ, которая никогда не можетъ быть его женою, что доказать ему подробно, принимала она на себя трудъ. Графъ ничего не отвѣчалъ ей, и стоялъ печально опершись на стулъ. „Но чтобъ до„казать вамъ, какъ далеко прости„рается къ вамъ мое дружество,

„про-

„продолжала она, отворя дверь въ „боковую комнату; сія другая дверь „покажетъ вамъ путь къ успокое„нію. . . . Будьте щастливы!„ — Графъ изумленный симъ поступкомъ и безъ всякаго размышленія вошелъ въ двери, которыя услужливая тетка за нимъ заперла, и онъ нашелъ себя у дверей спальни Луизиной. Онъ трепеталъ учинить еще шагъ, но однако былъ уже очень близко, чтобъ можно мыслить о возвращеніи; въ сіе мгновеніе услышалъ онъ ея голосъ и вскорѣ за тѣмъ вздохъ. Онъ любопытствуя подслушалъ, и внялъ явственно, сказанное съ тѣплымъ чувствованіемъ: „Кому я „кромѣ тебя обязана больше любо„вію? Кто можетъ быть моимъ „другомъ, естьли ты онымъ не „будешь?„ — „А! вскричалъ Графъ, „толкнувъ съ неистовою рѣвностію „въ двери, позвольте и мнѣ у„знать сего щастливаго друга!„ — Но сколь изумился онъ, увидя ее съ сжатыми руками стоящую на колѣнахъ

нахЪ предЪ распятіемЪ и разогну-тою библіею. Сей почтенный видЪ, тишина ночи и слабый свѣтЪ вЪ комнатѣ поколебали его. Луиза испужалась, однако имѣла столько силЪ, чтобЪ встать. — „Вы конечно шли „кЪ моей теткѣ, господинЪ ГрафЪ! „впрочемЪ я не знаю какЪ извинить „ваше прибытіе . . . Вы не отвѣт-„ствуете мнѣ? Кого вы здѣсь и-„щете?„ и позвонила вЪ колокольчикЪ. ГрафЪ старался извинить себя сколько возможно лучше, слагая всю вину на госпожу МонткрифЪ. Но она представляла ему сколь подлЪ его поступокЪ, и онЪ пристыженный, огорченный и пораженный поспѣшалЪ вЪ боковыя двери, вЪ которыя вошла Юлія. Сія была свидѣтельницею всего явленія, и столькожЪ тронута какЪ Луиза. Хотя ей слѣдовало еще вЪ туже ночь пересказать госпожѣ своей о всемЪ происшествіи, однако начала она сію распутную женщину ненавидѣть. Она едва узнавЪ отЪ нее вышеска-

занный умыселЪ, старалась скорѣе открыть оный Графу. Сей увѣдомилЪ о томЪ друга своего Дормонда, который ужѐ все вѣдалЪ отЪ Луизы; ибо оная видя опасность себѣ вЪ домѣ своей тетки, просила его вновь о доставленіи ей приличнаго мѣста. ОтЪ тетки же своей напротивЪ скрывала она свое негодованіе, и сія казалась быть очень довольна мнимымЪ ея спокойствомЪ, не сумнѣваясь болѣе о щастливомЪ послѣдствѣ своего умысла. Она довольно была осторожна, чтобЪ не сдѣлать самой Луизѣ о выѣздѣ ея предложенія, но употребила кЪ тому прозьбу молодой Графини, и получила охотное согласіе. Юлія между тѣмЪ учредила тайно всѣ распоряженія о доставленіи ЛуизиномЪ изЪ деревни Графининой вЪ ближній женскій монастырь. Но она была очень предана Графу, и вручила ему письмо кЪ попечителю монастыря. ГрафЪ свѣдалЪ объ отъѣздѣ семЪ вЪ томЪ же день какЪ и сама Луиза. Сія о-

оставила прежнее свое жилище съ смѣшеннымъ чувствованіемъ удовольствія и грусти, что не видала еще однажды Графа, какъ ей хотѣлось. Въ семъ желаніи дѣлала она себѣ оправданіе тѣмъ, что она чрезъ то увѣритъ себя, имѣлъ ли въ немъ впечатлѣніе ея послѣдній разговоръ. Но онъ не забылъ своего обѣщанія, и болѣе къ ней не показывался.

Между тѣмъ Графъ и Дормондъ учинили нужныя условія ко избавленію Луизы. Когда оная выѣхала, Графъ на дорогѣ въ густомъ лѣсу съ несколькими своими служителями остановилъ ѣдущихъ не показываясь Луизѣ, коя во всеобщемъ страхѣ не могла узнать его по голосу, и принудилъ кучера поворотить лошадей въ Дормондову деревню; близь оныя ожидалъ ее Дормондъ, и проводилъ въ домъ къ сестрѣ своей; Графинижъ съ дочерью продолжали путь свой.

Луиза долго не могла отдохнуть отъ своего ужаса. Тутъ Дормондъ открылъ ей о всемъ предпріятіи ея

тетки, и какЪ осторожно умѣлЪ ГрафЪ предупредить оное. ОнЪ обнадеживалЪ ее, что ГрафЪ ея добродѣтелью и пріятностьми тронутЪ до внутренности, и клялся ему, что взаимная ея кЪ нему любовь учинитЪ его щасливѣйшимЪ человѣкомЪ; что онЪ подалЪ ей первый опытЪ своихЪ честныхЪ намѣреній освобожденіемЪ ея изЪ дому Монткрифы вЪ руки ея опекуна; что не покажется ей прежде, пока она забудетЪ прошедшее его легкомысліе, и начнетЪ чувствовать склоность кЪ его намѣренію. Сестра Дормондова, немолодая женщина наилучшихЪ свойствЪ, вскорѣ пріобрѣла кЪ себѣ любовь ея, и не пропускала ничего кЪ ея успокоенію. ВЪ обществѣ ея и Дормонда исчезала мало по малу грусть Луизина. Она начала желать, чтобЪ лестная надежда ГрафовыхЪ намѣреній могла исполниться. Ежедневно слышала она о томЪ очень многое кЪ своей выгодѣ, и наконецЪ онЪ свa-

тался за нее чрезъ ея опекуна; но Луиза опасалась еще его вѣтренности. Графъ по большей части жилъ въ то время въ сосѣдственной съ ними своей деревнѣ. Дормондъ былъ его другъ, но онъ не льстилъ ему иговорилъ прямо, что онъ безъ ощутительнаго довода о перемѣнѣего нрава ничего не возможетъ сдѣлать надъ Луизинымъ сердцемъ. „Вы завтра оное увидите,„ отвѣтствовалъ Графъ.

Обѣ пріятельницы разговаривали о рѣдкости добродѣтельныхъ и щастливыхъ союзовъ, какъ Дормондъ вошелъ съ нѣкоторыми бумагами. Онъ отдавалъ Луизѣ въ томъ справедливость, однако, примолвилъ онъ, что хочетъ опять предложить ей жениха, для котораго охотно желаетъ узнать ея согласіе, не Графа К. . . , коего вѣтренности она вѣрить опасается; но стараго постояннаго человѣка, который по меньшей мѣрѣ гордится своимъ добрымъ сердцемъ. Луиза отвѣтствовала ему: „что изъ рукъ его готова бы при-

„ принять всякаго супруга, естьлибъ „ не помнила о своемъ недостаткѣ, „ и что тѣмъ ни какого добродѣ„ тельнаго человѣка не хочетъ под„ вергнуть нѣкоторымъ затрудне„ ніямъ. — Но, продолжалъ онъ съ „ смѣхомъ, естьли бы вы имѣли „ пристойный достатокъ? — Мо„ жетъ быть, естьли бы, отвѣчала „ Луиза запинаясь. — Также естьли „ бы человѣкъ сей не имѣлъ прі„ ятнаго вида Графскаго? — Я „ жалѣю, что оный такъ давно мнѣ „ понравился. „ Потóмъ просила она его оставить насмѣшки, и Дормондъ отдалъ ей наконецъ письмо отъ Графа К. . . , прочтя ей напередъ оное самъ; въ ономъ просилъ ее Графъ : какъ она въ наказаніе прежняго его легкомыслія щитаетъ его недостойнымъ любви своей, чтобъ по меньшей мѣрѣ дозволила ему оказать снисхожденіе, которое доставитъ ему спокойство на цѣлый вѣкъ его : а именно, чтобъ согласилась принять отъ него руку до-

стойнаго его друга, своего опекуна. Принять отъ него, повторялъ онъ; для того какъ уже онъ не имѣетъ надежды владѣть ею, желаетъ по крайней мѣрѣ первое щастливое употребленіе имѣнія своего тѣмъ сдѣлать, чтобъ она вышла замужъ. Вы получите, прибавлялъ онъ, въ приложенномъ при семъ векселѣ столько, что не можете опасаться, принесть за собою мало нашему Дормонду.

Въ письмѣ лежала банковая ассигнація на десять тысячь талеровъ. Дормондъ принуждалъ Луизу, принять и то и другое. „ За чемъ „ вы потупляете глаза? Я довольно „ надѣялся, что предложеніе сіе „ будетъ вамъ непротивно, и „ вы обѣщали мнѣ оное при„ нять. „ —— „ Я хотя не обѣщала „ точно, сказала Луиза; но естьли „ мы и оба согласимся на дружеское „ желаніе Графа, то по крайности „ вы позволите мнѣ, возвратить „ великодушному человѣку его по-

„ да-

„ дарокъ. Вы безъ онаго не меньше „ согласны будите принять мою „ руку? — Всеконечно, и безъ сей „ придачи оная для меня неоцѣнен„ на, естьлибъ лѣта̀ наши столько „ не различествовали, и Графъ не „ былъ бы такъ любви досто„ инъ. — Хотя я за сей поступокъ „ Графу и обязана моимъ признанi„ емъ, однакожъ вы и въ вашихъ „ лѣтахъ не столько различествуете; „ а я мудраго водителя моей молодо„ сти должна щитать драгоцѣн„ нымъ. — Разсмотрите о семъ! „ я надѣюсь, что Графъ мо„ жетъ быть самъ помѣшаетъ сему „ своему предложенiю. Но когда вы „ не принимаете рукѝ его, то не „ отвергайте хотя сего его „ подарка. —— Пусть будетъ такъ, „ чтобъ я получила руку вашу безъ „ его подарка. —— На сiе надобно „ еще прежде мое вознамѣренiе, и „ сего вы со всею вашею любви „ достойностiю не достигнете.„ ——
По сему я нещаслива, что и вы мою

руку отвергаете? Ну, такъ возвратите Графу все его предложеніе, и обнадежьте его, что я никогда не забуду таковаго возвышеннаго чувствованія души его „ — Но долго „ ли продолжаться сему прелестному „ спору великодушія? сказала тогда „ сестра Дормондова; позвольте мнѣ „ читать въ вашемъ сердцѣ, Лу„ иза? Я нахожу въономъ любовь, „ но любовь къ Графу, которую вы „ доселѣ по весьма похвальнымъ „ причинамъ сокрыть старались. Онъ „ не былъ еще склонности вашей „ достоинъ, и разумъ вашъ возъ„ имѣлъ побѣду надъ вашимъ серд„ цемъ; отдайте теперь оному „ полную волю. Сіе письмо его есть „ сильнѣйшее свидѣтельство, что „ онъ перемѣнился, и что достоинъ „ всей вашей склонности.

„ Луиза молчала, и не могла у„ держать слезъ своихъ. Успокойтесь, „ говорилъ Дормондъ шутливымъ „ образомъ, я вамъ повинуюсь, и „ возвращу Графу все предложенное.

„ Онъ

„Онъ бы почелъ меня весьма суетнымъ, когдабъ повѣрилъ, что я „могу у него отнять дѣвицу, ко„торой онъ самъ непротивенъ. „Между тѣмъ удивляюсь я его „добросердечію; и почти завидую „ему въ удовольствіи, предлагать „вамъ таковоежъ приданое. —— Не„извѣстно отвѣчала Луиза съ вздо„хомъ, для удовольствія ли онъ сіе „дѣлалъ, или изъ гордости? —— „А ежели я вамъ докажу против„ное, подхватилъ Дормондъ съ „усмѣшкою, будите ли вы тогда „признательны?„ —— Я не имѣю другова признанія, кромѣ рукѝ моей, отвѣчала Луиза поспѣшно,... но сію онъ презираетъ! —— кто? я? я могу презирать ее? подхватилъ слова̀ ея Графъ, которому Дормондъ отворилъ дверь, и бросился къ ногамъ ея, Чего я желалъ толь страстно . . . . чего я и въ сіе мгновеніе трепеталъ лишиться . . . могу ли я презирать то? Дозвольте мнѣ получить сію руку,

 дра-

дражайшая Луиза! . . . Дормондъ вамъ порукою моихъ расположенiй. Могу ли я немедленно самъ увѣрить въ томъ васъ! —— Луиза отъ прiятной робости не могла отвѣтствовать. Она подняла Графа и признавалась въ своей заботѣ, о его постоянствѣ. Но его клятвы, увѣренiя Дормонда и сестры его, и собственное Луизино сердце помогли восторжествовать Графу, и щастливый бракъ увѣнчалъ дни ихъ.

IV.
РОМАНЫ ИНОСТРАННЫЕ.

1.

Любопная попѣсть Еприлая и Лукреціи.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Эней Силвій Пикколомини, который подъ именемъ Пія II. возшелъ на Папскій престолъ, есть сочинитель сего романа. Я сократилъ оный по примѣру Парижской Библіотики романовъ, ибо надѣюсь, что общество, которое не задолго предъ симъ любопытно читало письма одного Папы, противу коихъ изрядства не мало писано возраженій, то съ большимъ удовольствіемъ приметъ романъ другаго Папы, коего рѣдкость внѣ сумнѣнія. Эней Силвій писалъ оный за четырнатцать лѣтъ предъ своимъ Папствомъ, и за десять до своего Кардинальства. Онъ былъ тогда секретаремъ у Императора Фридриха III, который учинилъ его коронованнымъ піитою, и почтилъ прежде того титломъ Посла своего въ Римѣ, Маиландѣ, Неаполѣ и Богеміи. Папа Николай V.

учинилъ его Епископомъ въ Тріестѣ; послѣ того получилъ онъ Епископство Сіенское, въ коемъ родился; заступалъ многія духовныя посольства, избранъ въ 1456 году въ Кардиналы, въ 1460 въ Папы, и умеръ спустя послѣ того шесть лѣтъ на шесдесятомъ году своего возраста. Онъ побуждалъ къ новому крѣстовому походу противу Турокъ, и хотѣлъ самъ предводительствовать въ семъ походѣ, но смерть воспрепятствовала ему въ произведеніи сего пространнаго предпріятія. Онъ былъ также секретаремъ въ Базельскомъ соборѣ, и больше всѣхъ прилагалъ къ заключенію сего славнаго и важнаго установленія, утвержденнаго на семъ соборѣ: „Что всеобщій соборъ есть надъ „Папою, и что оный имѣетъ право, „учреждать и исправлять церковь въ ея „начальникѣ и членахъ.„ Но какъ въ послѣдствѣ возшелъ самъ на Папскій престолъ, то проклялъ онъ сіе установленіе въ собственныхъ письмахъ, и издалъ противу онаго славную Буллу, которая по первому ея слову, Execrabilis, т. е. проклятіе, называется; однакожъ невопіялъ онъ противу Еврилая и Лукреціи.

Онъ

Онъ писалъ сію повѣсть въ 1444 году въ Венѣ, и такъ можно бы намъ причесть оную въ число подлинныхъ нашихъ Нѣмецкихъ романовъ, естьли бы оная не на Латинскомъ языкѣ сочинена была, и при томъ съ таковою красивостію и чистотою слога, что довольно доказываетъ, что сочинитель прежде того напиталъ себя чтеніемъ Петрона, равно какъ въ повѣстяхъ своихъ о Богеміи, и о Государѣ своемъ Фридрихѣ III, старался подражать слогу Тацита и Ливія, а въ проповѣдяхъ о крѣстовыхъ походахъ заимствовалъ изъ рѣчей Цицероновыхъ. Первый Италіянскій переводъ сей напечатанъ въ 1477 году въ Венѣ, потомъ слѣдовали разные на Ишпанскомъ и Французскомъ языкахъ; но едва ли былъ оный на Нѣмецкомъ. Сколько Папа Эней Силвій былъ строгъ въ своихъ поведеніяхъ, столько щеголевато жилъ въ своей молодости, какъ можно заключить то, по сему его роману. Онъ признается въ приписаніи къ Каспару Шлику, Канцлеру Фридриха III, что любовныя дѣла въ молодости его на него очень дѣйствовали, и что онъ въ Сіенѣ отечествѣ своемъ, часто влюбленъ и щасливъ бывалъ. „Но вы и са-

„ми,

,, ми, господинъ Канцлеръ, продолжаетъ ,, онъ, въ свое время были щеголеваты ,, и нѣжны; и я помню, когда вы съ ,, Императоромъ пріѣзжали въ Сіену, ,, что ни какое пріятное собраніе безъ ,, васъ празднуемо не бывало.,, Въ другомъ приписаніи къ Маріаму Социну, праотцу славнаго Социна, увѣдомляетъ онъ читателей, что оные за сочиненіе сего романа единственно обязаны неотступнымъ прозьбамъ друга его Социна, и что сія повѣсть припоминаетъ оному о его молодости. Онъ радуется избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ опасностей, коимъ себя предоставляютъ, производя къ добрымъ успѣхамъ рукомесло человѣческое.

Для насъ романъ сей имѣетъ еще другую пользу. Онъ показываетъ намъ въ какихъ обстоятельствахъ были Италіанскія волокиты и нравы въ пятомнадесять вѣкѣ. Мы видимъ, какъ ревнивы были Италіанскіе супруги сего времени, сколь трудно было оныхъ обманывать, и сколь старалися въ томъ женщины. Сравненіе вѣка сего съ нашимъ есть не малое удовольствіе.

РОМАНЪ.

Въ лѣто 1434 ИмператорЪ Сигисмундъ изъ Луксембургскаго дому, пребывалъ нѣсколько времени въ Италіи и именно въ Сіеннѣ. Въ честь ему отправляли великолѣпныя празднества. Онъ какъ пригожій, становитый и веселый Государь являлся при оныхъ со многою пышностію. Онъ восхищался госпожами Сіенскими и обнадеживалъ, что не видалъ землй, въ которой бы женщины были прекраснѣе. Между сихъ красавицъ находилась одна, всѣхъ прочихъ превосходящая: она называлась Лукреція. Она была изъ роду Камилловъ знаменитѣйшаго въ городѣ, и въ супружествѣ за Менелаемъ надлежавшимъ въ число богачей и Вельможъ государства. Сей человѣкъ былъ столькожъ несносенъ и ревнивъ, сколько была жена его прекрасна. Прелести Лукреціины превосходили все, что только вообразить можно: Императоръ почтилъ ее своими похвалами, а прекрасный

Еврилай Франконецъ конюшій и любимецъ Сигисмундовъ, удостоилъ оную всего своего вниманія. Еврилай былъ столькожъ совершенъ въ своемъ родѣ, какъ Лукреція между своимъ поломъ; лѣта ихъ очень сходствовали, ибо онъ имѣлъ тритцать а Лукреція дватцать; сверьхъ того благопристойность, убранство, великолѣпіе нарядовъ, блистательное и многочисленное послѣдство, умножало еще красоту Еврилая: онъ одаренъ былъ отъ природы великимъ краснорѣчіемъ и изощреннымъ разумомъ. Сколь скоро сіи двѣ судьбою къ взаимно нѣжной любви назначенныя особы другъ друга хорошенько разсмотрѣли, не могли ужѐ они престать взирать на себя, и какъ взглядами не достигали ужѐ больше, то всѣ ихъ мысли остались прилѣпленны къ возлюбленному предмету. Еврилай клялся въ своемъ сердцѣ, не любить кромѣ Лукреціи, а сія желала заслужить къ себѣ любовь Еврилаеву. Ласки мужа ея у-

чи-

чинились ей ненавистны, не смотря на то, что она внутренно укоряла себя за отвращение къ тому, къ кому обязана была должностію.

Они не объяснились еще кромѣ чрезъ взоры, но Императоръ примѣтилъ взаимную ихъ склонность. Онъ ѣхалъ съ Еврилаемъ мимо дома Лукреціина и замѣтилъ, что его любви достойный конюшій прилѣжно взиралъ на Лукрецію смотрящую въ окошко, и что оная отвѣтствовала на его взгляды закраснѣвшись. „Какъ, сказалъ онъ съ улыбкою, „ты прельщаешь красавицъ Сіен„скихъ?„ Еврилай защищался сколько могъ, и увѣрялъ, что единая нечаянность обратила на окно глаза̀ его. Сигисмундъ разумѣлъ сіе лучше, но не хотя нарушить щастіе своего наперсника, не говорилъ о томъ больше.

Между тѣмъ для Лукреціи не возможно стало, чтобъ не поговорить съ кѣмъ нибудь о намѣреніяхъ своего сердца; выборъ ея палъ на доб-

ряго стараго Швейцара, именемъ Созію, который состоялъ въ ея службѣ, и о которомъ она думала, что оный заслуживаетъ быть ея повѣреннымъ, хотя не по проворству его, но для великой молчаливости. И такъ въ одинъ день призвавъ его, сказала ему: „Не правда „ли любезный Созія, ты столькожъ „восхищенъ великолѣпіемъ Императоровой свиты, какъ и я? —— „Всеконечно, [отвѣчалъ Швейцаръ] „сіи Нѣмцы люди прекрасные, всѣ „такъ стройны, и всѣ такіе хорошіе ѣздоки; прямо радостно глядѣть на нихъ, а особливо мнѣ „бывъ отъ части ихъ землякомъ. — „Однако, [продолжала госпожа] что „скажешь ты о конюшемъ, который „при Императорѣ? мнѣ помнится, „что называется оный Еврилаемъ. — „Да, такъ зовутъ его [говорилъ „Швейцаръ]; онъ прямо пригожій „господинъ; а особливо его лошадь, „тото прекрасная скотина! я желалъ бы лишь для того быть бо-

„гатъ

„гатъ, чтобъ купить себѣ такую
„же. —— Теперь рѣчь не о лошадѣ,
„но о сѣдокѣ [подхватила Лукреція].
„Ахъ! любезный Созія, можетъ ли
„быть человѣкъ его пригожѣе, люб-
„ви достойнѣе и способнѣе по-
„бѣдить сердце женщины, и вскру-
„жить ей голову —— Фуй, сударын-
„ня, [сказалъ вѣрный слуга] вы
„не разсуждаете о чемъ говорите:
„естьли бы вы были не замужемъ,
„какъ за три или четыре гóда
„предъ симъ, то я сказалъ бы вамъ,
„что это правда, и что человѣкъ,
„каковъ Еврилай точно для васъ соз-
„данъ; но вы ужè супруга господи-
„на Менелая, и таковому искусному
„и почтенному Сенатору, какъ гос-
„подинъ Менелай стыда не сдѣ-
„лаете. —— Ахъ, Созія! Созія!
„[скаазала Лукреція вздохнувши]
„заботится ли жестокая страсть о
„благопристойности и разсужденіяхъ,
„или хотя и познаетъ оныхъ силу,
„сколь легко она ихъ превозмогаетъ!
„послущай, Созія, скажи мнѣ вели-

„ чайшую на свѣтѣ услугу, сыщи
„ Еврилая, увѣдомь его, что жен-
„ щина, которыя состоянiемъ и прi-
„ ятностьми презирать не можно,
„ имѣетъ къ нему чувствованiе —
„ Нѣтъ, къ чорту, сударыня, тако-
„ выми возложенiями пощадите ме-
„ ня; вы щисляете меня неспра-
„ ведливымъ. Когда вы надъ моимъ
„ добрымъ господиномъ таковую
„ шутку сыграть хотите, испол-
„ няйте оную одни, а мнѣ до того
„ дѣла нѣтъ. Все что я могу при
„ томъ учинить, то я вамъ вѣрно
„ и добродѣтельно обѣщаю, не
„ открывать о семъ господину Се-
„ натору, что съ вами происходитъ:
„ мы Швейцары ни въ какiя подлыя
„ дѣла не входимъ, но мы при томъ
„ не подзорщики, ни болтуны, ни ссо-
„ рители. — Созiя, [подхватила
„ лукавая Лукрецiя] что ты мнѣ
„ сказалъ, справедливо и разумно;
„ истинно, что я никого не могу лю-
„ бить кромѣ моего мужа; я буду
„ невѣрная преступница, когда

„ хо-

„хотя малѣйшую склонность возъ-
„имѣю опричь его, но совсѣмъ тѣмъ
„не въ моей власти не любить
„Еврилая: и такъ я достойна на-
„казанія. Изрядно! я посвящаю
„себя смерти, и осталось лишь мнѣ
„каковой родъ оныя избрать: при-
„совѣтуй мнѣ, чѣмъ надлежитъ
„мнѣ окончить жизнь, сталью ли
„или ядомъ, или разбіеніемъ бро-
„сясь въ окно? говори, я кладу сіе
„на твое рѣшеніе. — Ахъ! сударыня,
„[сказалъ добросердный Созія] что
„вы мнѣ предлагаете; видѣть васъ
„умирающую, опечалитъ меня у-
„жасно, и еще больше ежели по-
„слѣдуетъ то по моему выбору и
„совѣту, такъ я приду въ отчая-
„ніе и самъ себя лишу жизни.
„Нѣтъ, сударыня! удержите ваши
„драгоцѣнные дни, я хочу лучше
„помочь вамъ жить щастливо, хо-
„тя не невинно, нежели видѣть
„смерть вашу. Я иду къ Еврилаю,
„я скажу ему, что его любятъ;
„естьли онъ меня выразумѣетъ,

„ то соотвѣтствуетъ вашей склон-
„ ности, и прочее ужè ваше дѣло:
„ когдажъ не будетъ отвѣчать, из-
„ рядно, я ужè въ томъ невино-
„ венъ. —— Больше я и не требую;
„ отвѣчала Лукреція. Онъ обѣщалъ
„ все сіе изъ страха, чтобъ не при-
„ весть ее въ отчаяніе, но медлилъ
„ исполненіемъ возложеннаго сколько
„ можно. Наконецъ встрѣтившись съ
„ Еврилаемъ на улицѣ, сказалъ ему
„ мимоходомъ лишь только: Кава-
„ леръ! васъ въ семъ городѣ жестоко
„ любятъ. „ Еврилай невѣдающій,
что онъ состоитъ въ службѣ у
Лукреціи и ея мужа, не могъ ничего
выразумѣть изъ словъ его, погля-
дѣлъ на него съ изумленіемъ, и
поѣхалъ прочь. Созія донесъ о всемъ
госпожѣ своей, которая холодность
сію возложила на неискусство Швей-
царово; бывъ о расположеніяхъ сво-
его возлюбленнаго лучше увѣрена,
какъ то скоро будетъ видно.

Сей молодый господинъ раз-
мышлялъ денно и нощно, какъ бы
изъ-

изъясниться Лукреціѣ въ любви своей. Онъ присовокуплялъ при томъ изрядныя замѣчанія о своей страсти, которыя Еней Силвій предлагаетъ въ своей красивой латыни. Для насъ довольно будетъ выписать изъ того только два историческихъ случая, изъ коихъ первый не можетъ ни гдѣ находиться кромѣ сей повѣсти; а именно, что Виргилій получа отказъ отъ любовницы, съ отчаянія удавился на башнѣ. Вторая басня касается до почтеннаго Аристотеля; одна женщина билась объ закладъ, сего стараго мудреца, не взирая на его Философію, учинить влюбленнымъ какъ кошку, и удалось ей такъ хорошо, что добрый сей человѣкъ далъ ей употреблять себя вмѣсто лошади, взнуздать и колоть въ бока шпорами.

Еврилай размысливъ здраво о всѣхъ средствахъ и послѣдствахъ, вознамѣрился отписать къ Лукреціѣ, и дать знать ей о любви своей въ нѣжнѣйшихъ, живѣйшихъ и почти-

тельнѣйшихъ выраженіяхъ. Письмо написано, запечатано, и остался лишь вопросъ, кто оное отнесетъ? Къ тому предложили ему нѣкоторую женщину, коя въ обстоятельствахъ дѣла сего была очень искусна, и благосклоннѣе всѣхъ прочихъ. Еврилай послалъ за нею въ тоже мгновеніе, обнадежилъ ее подаркомъ, и обѣщалъ ей еще знатнѣйшій, ежели она возложенное исполнитъ. Женщина тотчасъ отправилась съ письмомъ въ путь, вобралась подъ нѣкоторымъ предлогомъ въ домъ, выбрала время когда прекрасная госпожа осталась одна, и отдала ей письмо въ собственныя руки. Супруга Сенаторова съ начала весьма удивилась сей смѣлости. Она приняла голосъ важности и негодованія, и сказала переносщицѣ: „ ты очень „ безстыдна, дерзаешь приносить „ мнѣ письма отъ незнакомаго, съ ко„ торымъ я ни малаго обязатель„ ства имѣть не хочу, и не могу. Я „ вѣрю что оный человѣкъ знатный

„и (присовокупила закраснѣвшись)
„любви достойный кавалерЪ, но изЪ
„того не слѣдуетЪ, чтобЪ мнѣ его
„внимать надлежало; я довольно
„вѣдаю чѣмЪ я обязана моему су-
„пругу, и самой себѣ. Щастіе твое,
„что я имѣю больше кЪ себѣ самой
„почтенія, чтобЪ могла учинить
„теперь возмущеніе; впрочемЪ я
„сказала бы о семЪ моему супругу,
„и ты окончила бы жизнь свою вЪ
„темницѣ. Убирайся отсюда, и
„скажи пославшему тебя, сколь
„уважаю я его письма." При семЪ
словѣ новая Лукреція разодрала
письмецо на пять или на шесть
частей, и бросила вЪ каминЪ, но не
вЪ огонь, а близь онаго. Старая
письмо-носительница, у которой ни-
чего не укрылось, какЪ изЪ смысла
сей рѣчи, такЪ и изЪ поведенія гос-
пожи Сенатурши, притворилась ис-
пужавшеюся и бросилась кЪ ногамЪ
ея. „АхЪ! Милостивая Государыня,
„прошу простить меня; сколько не-
„щастна я навлекши гнѣвЪ вашЪ;

„но

„ но я оный заслуживаю. — Но клянусь, что мои намѣренія . . . — „ вонъ, (подхватила госпожа) вонъ „ съ глазъ моихъ, и не возвращайся „ никогда. „ Старуха не дожидалась повторенія, и поспѣшала къ Еврилаю. „ Все идетъ по желанію, Ми„ лостивый Государь, говорила она „ ему; письмо ваше разодрано, и „ предложеніе принято худо; однако „ я заключаю изъ того, что все бу„ детъ хорошо. „ Еврилай ужаснулся и наполнился безпокойствомъ отъ слышаннаго; онъ принуждалъ старуху истолковать явственнѣе, и расказать подробно все произшедшее. „ Я повторяю еще разъ, сказала она, „ обстоятельство дѣла вашего такъ „ хорошо, какъ только можно. Лук„ рецiя вздыхала, услышавъ помя„ нутое ваше имя; она закраснѣлась, „ когда говорила, что вы можете „ быть любви достойны; вмѣсто про„ тивленія принять ваше письмо, „ она разодрала оное; и вмѣсто чтобъ „ оное сжечь, бросила нарочно въ

„ сто-

„ сторону отъ огня: я увѣряю, что
„ теперь она складываетъ кусочки
„ вмѣстѣ, читаетъ и цѣлуетъ оные
„ можетъ быть тысячекратно; ког-
„ да она ужè на единѣ. Припом-
„ ните лишь, ежели вы не получи-
„ те отвѣта. Она мнѣ не дала ни
„ одного удара, ни дать приказы-
„ вала; хотя она гнѣвалась и прене-
„ брегала, но все сіе было съ лиш-
„ комъ умѣренно. Но хотя бы я
„ получила и дватцать ударовъ пал-
„ ками, и столько же киселей подъ
„ Г** то обнадеживаю, что письмо
„ ваше имѣло дѣйствіе, и дѣло ваше
„ возъимѣетъ желаемое слѣдствіе.„
Предвѣщаніе старухи исполнилось вѣрнѣйшимъ образомъ; но Еврилай остерегался открыть ей оное, и разумѣлъ, что не должно ее ужè употреблять больше, по чему награДя ее довольно, отпустилъ.

На другій день получилъ онъ письмо, которое принесъ ему простосердечный усачь Созія. Когда Лукреція прочла письмо Еврилаево

съ размышленіемъ, но призывая въ совѣтъ больше свое сердце нежели разумъ, тогда кликнула она къ себѣ честнаго Швейцара, и говорила ему слѣдующимъ образомъ: „ Еврилай о „ которомъ я тебѣ вчерась сказыва- „ ла, писалъ ко мнѣ, и невѣдая ни- „ чего о чувствованіяхъ, кои я сама къ „ нему имѣю, открылся мнѣ въ „ любви своей. Сей неразсудный „ шагъ воспламенилъ мою доброде- „ тель; я тотчасъ вознамѣрилась „ съ надлежащею твердостію по- „ ступить съ нимъ таковымъ обра- „ зомъ, который какъ пламень его „ погаситъ, такъ и моему сердцу „ совершенный покой доставитъ. „ Вотъ мой отвѣтъ; отнеси ему „ оный съ обнадеживаніемъ, что онъ „ для меня равнодушенъ сколько „ можно быть. „ Созія благодарилъ небо, влїявшее въ госпожу его таковое добродѣтельное вознамѣреніе, и отнесъ письмо. Начало онаго было почти таковаго содержанія: „ Престаньте Еврилай надѣяться,

„ чѣ-

,, чему нельзя исполниться: обра-
,, титесь къ женщинамъ, коихъ лег-
,, че искусить, нежели меня; и проч,,.

Созія гордился бывъ переносщикомъ толь рѣшительнаго письма и опасался, чтобъ его не обругали, но молодый Нѣмчинъ былъ весьма удаленъ отъ того, онъ принялъ его съ великою учтивостію, и обнадеживалъ его, что онъ къ госпожѣ его имѣетъ больше почитанія, чтобъ и самый ея жестокій отказъ снесъ терпѣливно: онъ просилъ его на минуту помедлить, и взять отвѣтъ наполненный покорности и повиновенія. Онъ написалъ и вручилъ оный Созіи. Въ семъ второмъ письмѣ Еврилай былъ удаленъ отрещись отъ любви своей къ Лукреціи, но къ новымъ увѣреніямъ о любви и вѣрности вмѣшалъ онъ сильнѣйшія обнадеживанія о почтеніи и преданности, и препроводилъ при томъ завернутый камень великой цѣны; который не принять Лукреціи, столькожъ не можно было, какъ и Со-

Созіи свой, который хотя не такЪ былЪ дорогЪ, но врученЪ толь искуснымЪ образомЪ, что ШвейцарЪ принужденЪ былЪ оный удержать. Еврилай во окончаніи испрашивалЪ свиданія, при коемЪ обѣщался вести себя примѣрно, кротко и скромно, какЪ только возможно.

Лукреція отвѣтствовала на оное; при чемЪ прислала кЪ нему маленькой перстень, доставшійся ей послѣ ея матери; подарокЪ самЪ по себѣ маловажный, но неоцѣненный для него вЪ разсужденіи рукЪ изЪ какихЪ ему достался. Она обЪяснила вЪ письмѣ, что полагаясь на крѣпкія увѣренія, кои имѣетЪ о Еврилаевой скромности, хотя не можетЪ отказать ему вЪ тайномЪ свиданіи, но обстоятельство сіе толь не возможно, что и мыслить о томЪ больше не за чемЪ. МужЪ ея такЪ рѣвнивЪ, и такЪ неусыпно за нею примѣчаетЪ, что должно быть ласточкою, чтобЪ войтить вЪ домЪ кЪ ней. Представленія сихЪ препятствій

ствій Еврилая не устрашили; онъ клялся беспрестанно, что любовь его довольно сильна, всѣ оныя превозмочь, и по продолженіи таковыхъ переписокъ соглашенось искать случая, въ который бы дать изустное увѣреніе и явный опытъ ихъ взаимной нѣжности. Добрый Созія мало по малу привыкъ безъ прекословія принимать подарки; ибо Еврилай не пропускалъ каждое письмоношеніе награждать щедро.

Еврилай согласился уже съ Лукреціею, чтобъ испросить у Императора, поручить ему государственныя дѣла въ Сіенѣ, дабы не быть принужденну слѣдовать за нимъ въ Римъ. Лукреція была тѣмъ довольна, однако оба любовники (ибо что неудовольственнѣе какъ любовь?) не могли уже насыщаться одною только перепискою; они желали увидѣться лицемъ къ лицу, хотя осторожность Менелаева дѣлала сіе весьма труднымъ. Лукреціѣ позволено было посѣщать лишь свою родительницу.

По щастію жилъ въ домѣ ея человѣкъ нанимающій нѣсколько покоевъ, котораго не трудно было уговорить уступить одну комнату. Уговоренось, Лукреція долженствовала ѣхать посѣтить свою родительницу въ самое то время, когда сія старушка поѣдетъ въ церковь, и подъ видомъ что хочетъ отдохнуть, поспѣшно взбѣжать изъ сѣней въ Еврилаевъ покой. Однако намѣреніе не удалось тѣмъ, что хотя Камилла и поѣхала въ церковь, но домъ заперла и ключь взяла съ собою, можетъ быть вѣдая свойство своей дочери, и желая тѣмъ предупредить таковые умыслы.

Посылка, въ которую Императоръ отправилъ Еврилая, отложила вновь его щастіе. Онъ принужденъ былъ два мѣсяца пробыть въ Римѣ. Во все сіе время Лукреція провождала жизнь уединенную, и словно какъ бы въ троурѣ; но въ первый разъ когда конюшій предшествовалъ предъ Императоромъ, появи-

лась

лась она предЪ своего возлюбленнаго вЪ лучшемЪ нарядѢ, и глядѢла на прекраснаго Еврилая столь присшально и страстно, что СигисмундЪ своего любимца вновь шѢмЪ подстрекнулЪ, который отЪ таковыхЪ насмѢшекЪ сколько возможно старался вывернуться.

Легко догадаться, что послѢ сего возвращенія наши любовники опять прилѢжно начали стараться о свиданіи. ДомЪ МенелаевЪ отдѢлялся отЪ вольнаго дому только узкимЪ проулочкомЪ, коего одно окно было прямо противу Лукреціина гардероба. Еврилай велѢлЪ тайно нанять сію комнату, сдѢлалЪ нужныя предосторожности, и избиралЪ мгновенія такЪ удачно, что часто могЪ разговаривать сЪ своею повелительницею. КакЪ ни малЪ былЪ промежекЪ сего проулка, и сколь ни великое удовольствіе доставило имЪ сЪ начала сіе изобрѢтеніе, но вЪ продолженіи они тѢмЪ насытились, и всѢ желанія ихЪ клонились кЪ тому,

чтобѣ поговорить вѣ близости. Еврилай предлагалѣ положить изѣ окна вѣ окно доску или лѣстницу, и по оной доползть вѣ гардеробѣ, но Лукреціѣ казалось сіе опасно, и она никакѣ на оное не соглашалась. При томѣ же страшились они чтобѣ и сосѣди того не примѣтили; ибо примѣтили, что люди изѣ комнатѣ на нихѣ приглядываютѣ, и самому хозяину вольнаго дома не совсѣмѣ можно было довѣрять; почему надлежало помышлять о другихѣ средствахѣ.

Первое, которымѣ они воспользовались, было довольно рѣдко, и можетѣ быть инымѣ показалось бы непріятно и подло, но влюбленнымѣ ни что не препятствуетѣ, когда доходитѣ до удовлетворенія ихѣ страсти. Лукреція услышала, что земледѣльцы мужа ея скоро привезутѣ довольное число мѣшковѣ сѣ хлѣбомѣ вѣ ихѣ анбары; телѣги пріѣзжали кѣ заднимѣ воротамѣ, гдѣ другіе наемщики снимали сѣ возовѣ мѣшки и относили вѣ надлежащее мѣсто.

Че-

Честный Созія переодѣлъ Еврилая, смѣшалъ его между наемщиковъ, возложилъ ему равно какъ и другимъ мѣшокъ на плеча, которой онъ сброся, вскользнулъ въ боковыя двери, и щасливо добрался до Лукрецiиныхъ комнатъ.

Мы оставляемъ воображенію нашихъ читателей, и перу Папскому начертать восторгъ любящихся, когда увидѣли они себя на свободѣ и у мѣты своего желанія. Они были ужè съ часъ вмѣстѣ, что показалось имъ только съ мгновеніе ока, какъ Созія увѣдомилъ ихъ, что господинъ Менелай и еще другой какой то, вѣзжаютъ на дворъ. „Что мнѣ дѣ„лать? вскричалъ Еврилай, который „заботился больше о безопасности „своей возлюбленной, нежели о соб„ственной. Положитесь въ томъ на „меня, и спрячтесь въ семъ уголкѣ,„ отвѣтствовала Лукреція, показывая ему маленькой поставецъ. Едва онъ влезъ въ оный, какъ Сенаторъ вошелъ съ секретаремъ Совѣта; они

искали нѣкоторыхъ бумагъ, кои были имъ необходимы къ рѣшенiю нѣкотораго важнаго дѣла. Госпожа Сенаторша давала имъ съ начала спокойно шарить по всей комнатѣ, но когда они требовали свѣчи, чтобъ поискать и въ Алкофѣ, гдѣ сидѣлъ притаясь Еврилай, тогда она испужалась. „Пожалуйте такъ не хлопо„чите, сказала она спокойнымъ ви„домъ, я объ закладъ бьюсь, что „найду чего вы не отыщете: конеч„но это тѣ бумаги, которыя тамъ „надъ окномъ воткнуты; я вамъ „подамъ ихъ.„ Съ словомъ симъ бросилась она къ окну, которое было на дворъ, и надъ которымъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько бумагъ торчало; но вмѣсто чтобъ оныя взять, бросила она ихъ искусно въ растворенное окно. „Ахъ, вотъ не худо! „вскричала она смѣючись, я урони„ла бумаги на дворъ: однакожъ они „не пропадутъ, вы ихъ сыщите.„ Сенаторъ съ секретаремъ бросились опрометью въ низъ, и начали соби-

бирать бумаги по грязи. Между тѣмъ Лукреція имѣла время не токмо Еврилая выпустить, но и проститься съ нимъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Еней Силвій признается, что сей щастливый любовникъ не очень былъ скроменъ, но разсказалъ подробно все одному своему пріятелю. Можетъ быть сей пріятель былъ самъ Папа; по меньшей мѣрѣ кажется, что изо всей любовной повѣсти ни одного обстоятельства отъ него не утаилось.

Скоро послѣ того имѣла Лукреція другое приключеніе, которое совсѣмъ отнеслось къ ея чести, и утвердило ее въ славѣ добродѣтельной жены толь крѣпко, что никто не смѣлъ сего ей оспорить. Нѣкоторый Венгерскій дворянинъ именемъ Бакарій, увидѣлъ Лукрецію и влюбился въ нее до дурачества. Видъ его былъ благороденъ и пріятенъ, а при томъ имѣлъ онъ участіе въ разумѣ и просвѣщеніи. Искавъ долговременно безъ успѣха

благосклоннаго случая, открыть ей любовь свою; вздумалось ему наконецъ послать къ Лукреціи богатый пукетъ цвѣтовъ, между коими находился одинъ цвѣтокъ который раскрывался, и скрывалъ въ себѣ письмецо, Бакарій въ семъ письмецѣ истощилъ весь пламень своей нѣжности, и всего своего краснорѣчія. Лукреція усмотрѣла оное въ самый первый разъ, и какъ сердце ея было ужѐ оковано другимъ, то съ симъ новымъ любовникомъ поступила она бе́зъ пощады. Она жаловалась о томъ своему мужу, отдала ему письмецо, и Менелай просилъ о томъ у Императора. Монархъ казался быть тѣмъ разгнѣванъ, отослалъ Бакарія въ его отечество, и запретилъ всѣмъ при немъ бывшимъ наистрожайше, не приводить Сіенскихъ госпожъ во искушеніе. Между тѣмъ смѣялся онъ втайнѣ, довольно вѣдая что не всѣхъ наказалъ виновныхъ; а самымъ тѣмъ хотѣлъ подать Еврилаю наставленіе, чтобъ употреблялъ

ве-

величайшую осторожность. Увидимъ, имѣло ли сіе наставленіе свое дѣйствіе. Любимецъ былъ щастливъ въ весьма частыхъ посѣщеніяхъ своей красавицы, переодѣваясь иногда конюхомъ, иногда служителемъ вольнаго дома, который какъ сказано, смѣженъ былъ къ Менелаеву двору; иногда влезалъ онъ по стѣнѣ въ окошко съ проулка. Нѣкогда едва его не застали, какъ ужиналъ онъ у своей возлюбленной, и оба они считали Менелая занятымъ дѣлами въ Сенатѣ. Но сей возвратился нечаянно, и лишь проворство Лукреціино спасло Еврилая въ семъ случаѣ. Она бросилась мужу своему на встрѣчу, и начала ему великіе выговоры за то, что онъ не съ нею ужиналъ; онъ обнадеживалъ ее сколько могъ, что еще не ѣлъ, но она беспрестанно утверждала, что очень дурно оставлять ее одну ужинать, и словомъ, она хлопотала укореніями и распоряженіями къ новому ужину столько, что Еврилай довольно имѣлъ времени, уйтить въ окно.

Созія служилъ обоимъ любящимъся по возможности силъ своихъ, однако они не довольствовались долѣе имѣть его своимъ повѣреннымъ; ибо въ немъ не было столько остроты, по чему нерѣдко повергалъ онъ ихъ въ великія замѣшательства, изъ коихъ бы они не вывернулись, естьлибъ сами не помогали себѣ своимъ разумомъ. Сверьхъ того природная страны Созіиной добродѣтель и чистосердечіе, побуждали его при всѣхъ случаяхъ твердить госпожѣ своей, что несправедливо ей обманывать своего супруга. Еврилай заключилъ избрать другаго помощника, который былъ бы по хитрѣе; выборъ его палъ на господина Пандала, дворянина Сіенскаго и родственника Менелаева. Человѣкъ сей былъ исполненъ честолюбія и суетности, котораго можно было ко всему привести, естьли только учинить нападеніе со стороны сихъ его слабостей. Еврилай искалъ его пріязни, и Пандалъ восхищался зна-

знакомствомъ съ толь приближеннымъ къ Императору, и столь много у онаго могущимъ. Еврилай далъ ему чувствовать всю важность своего покровительства, и учинялъ его отъ часу желательнѣе, ничего однако не обѣщая. „Мнѣ очень не „трудно, говорилъ онъ ему, доста„вить вамъ всѣ достоинства и „чести, раздаваемыя Великимъ „Сигисмундомъ. Я увѣренъ, что „онъ не откажетъ мнѣ въ степени „Кавалера золотыхъ шпоръ, естьли „я оные для васъ попрошу; но „на вашемъ мѣстѣ я не пожелалъ „бы сего достоинства, ибо оное „идетъ лишь на одну особу; я „предпочелъ бы титулъ Графскій, „который идетъ на все ваше по„томство, и можетъ все оное учи„нить Графъ Пандалъ. Но я требую „отслуги. — Наимянуйте оную, „сказалъ Пандалъ, нѣтъ на свѣтѣ „чего бы я для васъ не сдѣлалъ, „чтобъ заслужить честь вашего „покровительства, и получить ти-

„тулъ

„тулъ Графа; хотя бы то было
„двенатцать подвиговъ Геркулесо-
„выхъ. —— Нѣтъ, подхватилъ
„Еврилай, услуга коей я требую
„не такъ опасна и трудна; вамъ
„не нужно къ тому оказывать ни
„силы вашей ни храбрости; сіе
„только благосклонность, но отъ
„которой однако зависитъ жизнь
„моя и благополучіе. —— Изъясни-
„тесь! вопіялъ Пандалъ. — Изряд-
„но, продолжалъ Еврилай, вѣдайте,
„что я смертельно влюбленъ въ
„Лукрецію жену Менелаеву; я могу
„льстить себѣ, что и она ко мнѣ
„неравнодушна, и зависитъ лишь,
„доставить мнѣ способъ, препрово-
„дить съ нею нѣкоторыя драгоцѣн-
„ныя мгновенія. —— Но Менелай
„мнѣ дядя и родственникъ, — тѣмъ
„то и можете вы мнѣ помочь; вы
„вѣдаете все, что онъ ни дѣлаетъ,
„когда онъ остается дома, или вы-
„ѣзжаетъ, и куда, и долго ли про-
„будетъ тамъ; вы можете насъ
„увѣдомлять, его задерживать;
„сло-

„ словомъ, тысячекратныя намъ оказывать услуги.„ Пандалъ хотя возражалъ нѣсколько, и думалъ, что сіе средство не изъ самыхъ честныхъ къ возвышенію себя; однако Еврилай умѣлъ истребить всѣ отговорки, и увѣрилъ его, что большая часть достоинствъ и грамотъ на дворянство суть только награжденія за таковыя угожденія. Словомъ честолюбивый Пандалъ предался, и вскорѣ нашелъ средство оказать услугу своему благодѣтелю. Въ одной Менелаевой деревнѣ между крестьянами учинилась ссора, которая необходимо требовала присудствія Менелаева, для возстановленія прежняго порядка. Онъ просилъ Пандала доставить ему добрыхъ лошадей, на коихъ бы ему можно было поспѣшить туда. Пандалъ тотчасъ увѣдомилъ о томъ Еврилая, и сей ссудилъ Сенатора, какъ бы сдѣлано было то по прозьбѣ его родственника, верховою лошадью и ѣздовымъ слугою, котораго на передъ наставилъ

вилѣ нужными повелѣніями. Менелай отѣѣхалѣ толь спокойно и сѣ такимѣ удовольствіемѣ вѣ свою деревню, сѣ какимѣ только можно отѣѣзжать, и какѣ надобности его вѣ нѣсколько часовѣ кончены, то хотѣлѣ онѣ вѣ тотѣ же вечерѣ возвратиться вѣ городѣ, но ѣздовой прекословилѣ тому; онѣ говорилѣ, что Императорскихѣ лошадей не слѣдуетѣ такѣ перегонять, ибо оныя привычны вѣ день только по одному разу переѣзжать, по чему господинѣ Сенаторѣ принужденѣ заночевать. Менелай употреблялѣ разныя представленія, но ѣздовой упорствовалѣ и должно было дожидаться утра вѣ деревнѣ.

Можно догадаться, что наши любящіяся время сего отсудствія употребили вѣ пользу; хотя господинѣ деверѣ ужинавшій сѣ Лукреціею, наносилѣ ей довольно скуки, однакожѣ оставалосѣ имѣ много часовѣ вѣ наверстаніе потерянныхѣ. Услужливый Пандалѣ доставилѣ имѣ вѣ по-

послѣдствіи еще много таковыхъ щасливыхъ свиданій; между тѣмъ не видно, чтобъ онъ заподлинно возвышенъ былъ въ Графское достоинство.

Обхожденіе любящихся продолжалось до тѣхъ поръ, какъ Сигисмундъ оставилъ Италію. Хотя Монархъ сей пробылъ нѣсколько въ Римѣ, гдѣ онъ корованъ съ великимъ великолѣпіемъ, и въ другихъ мѣстахъ церковной области, и въ Тосканѣ; но Еврилай всегда возвращался въ Сіену, и не пропускалъ ни мгновенія, въ которое могъ видѣть свою красавицу, или по крайней мѣрѣ отписать къ ней. Напослѣдокъ отъѣхалъ Сигисмундъ чрезъ Триентъ въ Нѣмецкую землю, и оттуда въ Богемію и Венгрію. Тогда увидѣла себя Лукреція множествомъ земель и горъ разлученну съ своимъ возлюбленнымъ, къ коему толь горячо и вѣрно прилѣплено было ея сердце: она восчувствовала сугубый невозвратимый уронъ, пре-

претерпѣнный ею въ ея добродѣтели и чести, и въ предметѣ своей страсти. Все сїе повергло ее въ состоянїе унынїя и снѣдающей тоски, приведшее наконецъ ея ко вратамъ смерти. Она умерла, съ образомъ своего возлюбленнаго въ сердцѣ и мысляхъ, и имя его было послѣднѣе слово произнесенное ея устами.

Но мы закроемъ занавѣсъ надъ симъ плачевнымъ примѣромъ жестокой страсти. Щастїе, что не всѣ женщины бываютъ Лукрецїи, и не столько угнѣтаютъ сердца свои таковыми обстоятельствами. Чтожъ надлежитъ до мущинъ, Еврилай тому примѣромъ, что оныхъ можно утѣшить, когда для нихъ умретъ пригожая женщина; Еней Силвїй увѣдомляетъ, что Сигисмундъ своего любимца женилъ на дѣвицѣ изъ знатнѣйшаго дому, что оный жилъ съ нею въ удовольствїи, и можетъ быть щасливо избѣгъ судьбы сердечнаго Менелая.

2.

Приключенiе Царевича Абдулселама и Царевны Шелнисы.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Подлинникъ сего романа Турецкiй, и самая рѣдкость. Единственный переводъ съ онаго есть на Французскомъ языкѣ, который учиненъ господиномъ Кордономъ, и сокращенъ для Парижской Библiотики романовъ, изъ коей и сюда внесенъ. Находится въ немъ нѣкоторое сходство съ прекрасною Магелоною и повѣстью Принцессы Бадуры въ тысячѣ одной ночи, въ коихъ вкусѣ сей романъ писанъ. Нельзя счесть рѣдкостiю, что Турецкiй писатель обокралъ Арапскаго; чтожъ надлежитъ до сочинителя прекрасной Магелоны, то по истиннѣ не имѣетъ онъ чести быть изобрѣтателемъ басни о яхонтѣ унесеннымъ соколомъ. Кажется вспаденiе сiе занято изъ устъ крестоносныхъ воиновъ, принесшихъ сказку оную съ востока; и такъ выдумка остается всегда Арапская.

РОМАНЪ.

Въ Индіи владѣлъ великомочный Царь, который могъ бы называться щастливѣйшимъ, естьлибъ увидѣлъ себя оживающаго въ сынѣ. Онъ просилъ о семъ небо толь прилѣжно, что молитва его услышана; тогда ничего не недоставало къ его удовольствію. Онъ велѣлъ наставить сына своего во всѣхъ наукахъ, и попеченіе, прилагаемое имъ о просвѣщеніи разума его и се́рдца, имѣло столь доброе послѣдство, что молодый Царевичь былъ примѣромъ въ образецъ всѣмъ юношамъ. Не возможно довольно восхвалить его вѣжливость, его чувствительность, и всѣ прочія свойства его благороднаго се́рдца; но въ высочайшемъ степени даръ его былъ, человѣколюбіе. Оное имѣло столько прелести въ очахъ его, что онъ испросилъ у родителя своего позволеніе построить Караванъ-серай къ успокоенію странствующихъ. Царь дозволилъ оное, и когда строеніе окон-

окончано, всѣ чужестранные на счетъ Авдулселама (такъ назывался юный Царевичь) были тутъ принимаемы и богато угощаемы. Въ одинъ день пришли въ оный три дервиша. Какъ Авдулселамъ, по обыкновенію своему навѣщалъ Караванъ-серай, Дервиши въ присудствіи его выхваляли весьма человѣколюбіе его и благодѣяніе къ страннымъ; и какъ онъ самъ съ ними вступилъ въ разговоръ, то оные умѣли пользу почерпаемую изъ путешествія такъ превознесть, что Царевичу самому нетерпѣливо захотѣлось странствовать. Дервиши согласились его провожать, но совѣтовали ему учинить оное скрытно, и переодѣться въ ихъ платье.

Царь немало опечалился, предпріятіемъ своего сына; но видя, что оный въ томъ упорствуетъ, согласился отпустить его, однакожъ съ тремя особливыми условіями. Во первыхъ, чтобъ онъ обѣщался, никогда непоѣвши не входить въ

городѣ; второе, чтобъ сего такъ же никогда не дѣлалъ, послѣ заполуденной молитвы, коя обыкновенно бываетъ въ пять часовъ надъ вечеръ; и третіе, чтобъ въ случаѣ когда принужденъ будетъ ночевать за городомъ, нигдѣ бы не спалъ, кромѣ кладбища. Авдулселамъ клялся отцу своему всѣ сіи условія наблюдать въ точности; на другой день выѣхалъ онъ одѣвшись Дервишемъ. Но чтобъ въ пути не претерпѣть недостатка, снабдилъ онъ себя множествомъ алмазовъ великой цѣны, и вооружился кинжаломъ.

Дервиши думали, что юному Царевичу должно начать съ Китая, ибо страна сія преимущественно заслуживала быть отъ него осмотрена. По долговременномъ шествованіи сухимъ путемъ и водою, прибыли они въ сіе обширное государство. Около полдней находились они близъ самаго столичнаго города и хотѣли ужѐ вступить въ оный, какъ Царевичь вспомнилъ, что онъ

того дня еще не ѣлъ, и такъ упорно отрекся за ними слѣдовать, потому что онъ тощъ. Изумленные Дервиши тщетно представляли ему, что онъ въ городѣ все найдетъ, чего только желаетъ; онъ отвѣчалъ имъ, что Царь родитель его, возложилъ на него сіе условіе, и что онъ не будетъ въ томъ преступникъ. Дервиши пошли въ городъ, смѣясь сему странному обѣщанію; но обѣщали неукоснительно возвратиться къ нему съ съѣстными припасами, чтобъ привести его въ состояніе вступить въ городъ. Они сдержали слово, и чрезъ нѣсколько часовъ возвратились съ обѣщаннымъ. Авдулселамъ поѣлъ, и намѣрился вступить въ городъ, какъ услышалъ позывъ народа на послѣполуденную молитву. Онъ тотчасъ остановился и просилъ Дервишей подождать до утра. Безъ успѣха старались они отговорить ему наблюденіе сей смѣшной заповѣди его родителя; онъ не склонился: послѣ чего Дервиши его оставя, вошли въ городъ.

Ночь наступила, и Авдулселамъ по силѣ третьяго условія, пошелъ на кладбище, и легъ въ надгробномъ склепѣ. Тысяча боязненныхъ воображеній препятствовали ему заснуть. Въ полночь услышалъ онъ шорохъ, онъ вылезъ, чтобъ посмотрѣть отъ чего оный происходитъ; едва отступилъ онъ нѣсколько шаговъ, увидѣлъ двухъ человѣкъ, спускающихъ съ городской стѣны сундукъ на веревкахъ. Они принесли сундукъ въ близкое разстояніе отъ мѣста гдѣ Царевичь притаился, выкопали яму и зарывъ въ оной свое бремя, возвратились помощію веревочной лѣстницы за городскую стѣну. Авдулселамъ сидѣлъ еще нѣсколько времени притаясь, опасаясь не возвратятся ли оные. Наконецъ зажегъ онъ помощію огнивы имѣвшуюся при немъ свѣчу, и пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ зарыли сундукъ. Онъ началъ рыть, и нашелъ слѣды крови; онъ вскрылъ сундукъ, и коль велико было его изумленіе! молодая дѣвица про-

проколотая кинжаломъ плавала въ крови. Онъ разсматривалъ тѣло прилѣжнѣе, и ощутилъ что оное еще дышетъ; вынулъ оное изъ сундука, положилъ на землю, разорвалъ свой турбанъ, завязалъ рану и остановилъ кровь. Холодный утренній воздухъ способствовалъ ему совсѣмъ возвратить ее въ чувства. Она открыла глаза, и изумилась увидя предъ собою молодаго Дервиша. „ Кто „ вы, спросилъ Авдулселамъ, и кто „ таковы лютые приведшіе васъ въ „ сіе состояніе? „ Я оставляю до „ способнѣйшаго времени расказать „ вамъ мое нещастіе, отвѣчала мо„ лодая женщина; между тѣмъ про„ шу васъ, докончить великодуш„ ную вашу помощь, и быть увѣре„ ну въ моей благодарности. „ Авдулселамъ отложилъ свое любопытство, побѣжалъ немедля въ городъ, нанялъ домъ, возвратился съ носилками, и проводилъ раненую въ нанятые покои. Искусный врачь призванъ: подложный Дервишъ расказалъ

ему, что онъ и сія сестра его разбиты разбойниками, приведшими ее въ сіе состояніе. Лекарь перевязалъ рану, и обнадежилъ что оная несмертельна. И вскорѣ оная совсѣмъ исцѣлилась.

Тогда Авдулселамъ убѣждалъ ее расказать какимъ образомъ приведена она въ состояніе, въ которомъ онъ ее нашелъ. „Не время еще открыть вамъ мое нещастіе, говорила она; вы узнаете оное послѣ, „теперь прошу васъ, взять сіи алмазы и продать оные; потомъ „скажу я вамъ какое употребленіе „сдѣлать съ деньгами, кои мы за „оные получимъ.„ Авдулселамъ повиновался, и когда возвратился съ взятыми за алмазы деньгами, послала она его тотчасъ съ оными въ ряды купеческіе; „тамъ, продолжала она, на лѣвой сторонѣ въ „большой лавкѣ, найдете вы богатаго купца; спросите у онаго лучшихъ кусковъ золотой парчи изъ „имѣющихся въ его лавкѣ, купите

„два неторговавшись, и принесите „ко мнѣ.„ Авдулселамъ учинилъ повелѣнное безъ прекословія, и заплатилъ за два куска двѣсти цехиновъ. Молодая женщина благодарила его по возвращеніи за его послушаніе, и на другой день поручила ему равномѣрное исправленіе, которое онъ такъ какъ и первое исполнилъ. Купецъ охотно знать желая, ктобъ былъ таковый чужестранецъ, покупающій у него толь дорогіе товары, попросилъ за оные въ двое противъ прежняго, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что потребованные деньги безъ прекословія ему отданы. Чрезъ нѣсколько дней Царевичь просилъ вновь свою незнакомую, о расказаніи ея повѣсти. Она согласилась на оное, но съ условіемъ, чтобъ онъ опять сходилъ къ купцу, и купилъ еще двѣ золотыя парчи: онъ повиновался. Купецъ изъ признанія удержалъ его у себя обѣдать, и угостилъ великолѣпно. Царевичь возвратился ужѐ на вечеръ, и расказалъ женщинѣ,

вѣжливость купца и угощенiе его. Радость ея о томъ была чрезмѣрна: „подите завтра опять къ нему, „сказала оная, объявите ему, что у „васъ въ домѣ есть молодая Япон„ская Царевна, которая очень бо„гата, и любитъ наряды: когда „возбудите тѣмъ его любопытство, „то пригласите его ко мнѣ обѣдать.„ Авдулселамъ тотчасъ пошелъ въ ряды, и купецъ согласился на приглашенiе.

Юный Царевичь ввелъ онаго въ переднюю комнату, и пошелъ увѣдомить госпожу о его прибытiи. „Впустите его одного, сказала она, „и останьтесь въ передней комнатѣ; „впрочемъ не имѣйте ни какова по„дозрѣнiя о моей добродѣтели.„ Сiи послѣднiя слова утвердили Авдулселама въ его мнѣнiи, что купецъ долженъ быть ея любовникъ. Размышляя о роли, которую онъ играть долженъ, впустилъ онъ купца въ комнату своей незнакомой, которая тотчасъ за нимъ заперла

две-

двери: обстоятельство, подкрѣпившее прежнія мысли нашего путешественника въ несумнѣнія. Стоя у дверей и подслушивая, услышалъ онъ купца закричавшаго изъ всѣхъ силъ. Онъ толкнулъ въ двери, и растворя оныя, увидѣлъ свою женщину держащую въ рукахъ отрубленную голову купца того. Огорченный сею лютостію выхватилъ онъ свой кинжалъ, чтобъ пронзить ее; „по„стой, вскричала она, выслушай „меня прежде, и естьли найдешь „меня виновною, тогда лиши меня „жизни.„

Я единочадная дочь здѣшняго Китайскаго Императора: отецъ мой любящій меня нѣжно, велѣлъ для меня сдѣлать за городомъ великолѣпныя палаты съ прекрасными садами. Въ оныхъ провождала я часть года въ охраненіи моихъ евнуховъ и невольницъ. Старушка торгующая парчами и дорогими камнями, носила ко мнѣ свои товары, и я купила у ней нѣсколько алмазовъ.

По-

Послѣ того посѣщала оная меня чаще, принося по всякой разъ какiя нибудь рѣдкости. Напослѣдокъ просила она меня переговорить съ собою на единѣ: я согласилась на то. Старуха обязавъ меня клятвою не открывать ни кому важныхъ вещей, кои мнѣ объявить имѣетъ, расказала мнѣ, что молодой очень богатой купецъ единый сынъ ея, возчувствовалъ ко мнѣ жестокую страсть, и что она меня больше считаетъ великодушною, нежели бы опасалась, что я уморю его съ отчаянiя. Таковое предложенiе раздражило меня несказанно, но какъ я обязалась клятвой ни кому тайны не открывать, то удовольствовалась только выгнавъ ее вонъ, и запретя не дерзать больше показываться на глаза̀ мои. Тогда старуха взяла прибѣжище свое къ волшебнику, который былъ ей знаемъ, и чрезъ подарки склонила онаго оказать ей помощь. Онъ написалъ нѣкоторыя слова̀ на кусочкѣ пергамента, и отдалъ

далъ старухѣ съ приказаніемъ, зарыть оный на сковородѣ подъ золу. Старуха исполнила, и спрятала пергаментъ въ большую желѣзную жаровню, въ которой за лѣтнимъ временемъ огня не раздували. О удивительная сила волшебства! съ того мгновенія ока жестокая любовь мною овладѣла; неизвѣстный огнь разлился по моимъ жиламъ и началъ пожирать меня; словомъ сказать, я влюбилась смертельно въ старухина сына, никогда онаго невидя; я велѣла тайно призвать мать его, и призналась ей въ моей слабости. Я уговорилась съ нею даже о свиданіи. Молодой купецъ долженствовалъ быть ночью впущенъ ко мнѣ чрезъ потайныя двери. Мамка моя участвующая въ сей тайнѣ, должна была дожидаться, и ввести моего любовника.

Къ нещастію для него, вздумалось моей родительницѣ ввечеру посѣтить меня и со мною ужинать. Я съ печалію видѣла расположеніе

мое неудавшимся. Между тѣмъ льстилась я, что по отъѣздѣ родительницы моей, найду я моего любовника. Во время какъ сидѣли мы за столомъ, шепнула мнѣ на ухо моя мамка, что онъ меня въ спальнѣ моей дожидается; я была внѣ себя отъ радости. Родительница моя, нашедшая удовольствіе въ моемъ товариществѣ, просидѣла у меня большую часть ночи; между тѣмъ на моего любовника, которой отъ восхищенія весь тотъ день не ѣлъ, напалъ великой голодъ. Наполненный отчаянія, что я къ нему нейду, и думая что его обманула, вознамѣрился онъ убраться домой. Ужè разсвѣтало какъ мать моя легла въ постелю, а я полетѣла въ мою спальню; но тамъ не нашла чего искала.

Старуха не преминула поутру очень рано ко мнѣ притти, и при тысячи извиненіяхъ съ стороны своего сына просила о вторичномъ свиданіи, которое и получила. Любовникъ мой, въ угодность мою велико-

лѣ-

лѣпно нарадившійся и опрыскавшійся благовоніями, явился въ назначенный часъ, и дожидался терпѣливо доколѣ Императрица мать моя, посѣтившая меня опять, отъѣдетъ. Мамка моя сказала ему, что я очень поздно ночью притти могу: и чтобъ онъ не ушелъ по прежнему, заперла она двери, и ключь спрятала.

Въ комнатѣ гдѣ купецъ былъ запертъ, стояла фляжка съ амброю и розовымъ масломъ. Любовникъ мой, въ темнотѣ около себя щупая, нашелъ фляжку, и по запаху сочтя что въ ней розовая вода, выпачкалъ масломъ себѣ все лице и платье. При томъ же чтобъ предохранить себя отъ непріятнаго случая, каковой онъ вытерпѣлъ въ первый разъ, то предъ приходомъ своимъ снабдилъ себя исправнымъ ужиномъ. Но сіе пресыщеніе нанесло ему жестокую колику, и какъ въ робости не зналъ онъ чѣмъ помочь себѣ, то искалъ по угламъ до тѣхъ поръ, какъ нашелъ

шелЪ искусно выработанную изЪ тростника корзину, которую и употребилЪ кЪ облегченію своей колики. МѣсяцЪ свѣтилЪ вЪ отверстіе стѣны, и освѣщаемое онымЪ на другой стѣнѣ мѣсто вЪ торопости счелЪ онЪ окошкомЪ. ОнЪ взялЪ корзину, чтобЪ выкинуть оную вЪ мнимое отверстіе, однако отЪ сильнаго розмаха ударившаяся корзинка, отскочила отЪ стѣны обратно на него, и привела его вЪ неописанное состояніе.

Я бросилась вЪ мою спальню, гдѣ былЪ мой любовникЪ; скверной и нестерпимой запахЪ встрѣтилЪ меня. Всѣ уборы были опачканы, и вмѣсто молодаго и любви достойнаго щеголя увидѣла я чудовище, едва имѣющее видЪ человѣка. Масло настоянное амброю, коимЪ вымазалЪ онЪ себѣ лице, руки и платье, приключеніе сЪ корзинкою, все сіе представило его отмѣнно гадкимЪ. При свѣтѣ факеловЪ, которыя несли предо мною, купецЪ усмотрѣлЪ видЪ

свой

свой въ зеркалѣ; онъ испужался самъ себя, и ушелъ быстрѣе вѣтра. Первая забота его, по возвращеніи въ домъ, была вымыться. Мать его вышла со двора; онъ кликнулъ невольника и приказалъ оному взогрѣть воды. Невольникъ расклалъ огонь въ жаровнѣ, гдѣ лежалъ спрятанъ волшебный пергаментъ; и въ ту минуту почувствовала я сердце мое свободнымъ отъ любви, которою приворотилъ меня волшебникъ къ купцу сему. Мать онаго вскорѣ потомъ возвратившаяся, хотѣла его поздравить съ удовольствіями, коими онъ насладился: но онъ расказалъ ей печальное приключеніе свое, и слѣдствія, кои онъ имѣлъ: „ да гдѣ ты велѣлъ расклазть „ огонь? „ подхватила старуха.. „ Въ „ сей жаровнѣ. Ахъ нещастной! те„перь все пропало, очарованіе исче„зло; ибо кусокъ пергамента тамъ „ былъ спрятанъ „. Она тотчасъ бросилась и нашла только пепелъ, Представте печаль молодаго купца!

между тѣмъ старуха поутру отважилась еще принести извиненія; но я велѣла ее выгнать вонъ. Сынъ ея не взирая на свое отчаяніе, хотѣлъ поговорить со мною. Водимый своею любовію пошелъ онъ ночью къ стѣнѣ моего сада, приставилъ лѣстницу, и взлезъ смѣло на стѣну, вѣдая что оная внутри гораздо ниже чѣмъ съ наружи. Однако онъ скочивъ съ стѣны имѣлъ нещастіе упасть на улей со пчелами, стоявшій въ томъ мѣстѣ; нога его попала внутрь улья, и пчелы напавъ на него со всѣхъ сторонъ, толь ужасно его изжалили, что все тѣло его сдѣлалось только одна рана. Евнухи стоявшіе на часахъ прибѣжали на шумъ, отломали его исправно палочьемъ, и выбросили за ворота.

Опомнившись насилу онъ дотащился до своего дому. Мать его сокрушилась о его нещастіи, выговаривала ему нѣсколько за дерзость, и заключила опять иттить къ волшебнику столь хорошо имъ помогше-

шему, и вновь просить его о заступленіи. Волшебникъ отвѣчалъ, что ужѐ больше не въ его состоитъ власти, учинить Принцессу влюбленну въ ея сына, понеже сожженъ пергаментъ оное дѣйствовавшій; что онъ знаетъ еще одно средство, помочь ея сыну къ овладѣнію его любовницею. Въ самомъ дѣлѣ онъ составилъ Талисманъ, и обнадежилъ старуху, что въ слѣдующую ночь я перенесена буду въ комнату ея сына, и что ему оставляетъ кончить дѣло къ своимъ выгодамъ. Въ тотъ вечеръ, какъ я еще не совсѣмъ раздѣлась, и часть дорогихъ моихъ камней на себѣ имѣла, напалъ на меня ужасной сонъ, я упала на софу, и силою Талисмана невидимыми руками перенесена въ комнату измѣнника. Сколь велико было мое изумленіе, когда я очнувшись нашла себя близ его, и въ мѣстѣ совсѣмъ мнѣ незнакомомъ. „ Видишь ли, сказалъ онъ мнѣ съ звѣрскимъ взгля„ домъ, мщеніе состоитъ въ моей

 во-

„ волѣ, но я прощаю тебѣ, естьли
„ ты мнѣ покоришься. —— Злодѣй,
„ отвѣчала я, самая опасность смерти
„ не подвигнетъ меня склониться на
„ твое недостойное предпріятіе. Бѣ-
„ ги съ глазъ моихъ!„ —— образъ,
которымъ я сіе произнесла, увѣрилъ
его довольно, сколь много я имъ
гнушаюсь. Стыдъ и гнѣвъ овладѣли
имъ; онъ оставилъ меня, и воз-
вратился вооруженный кинжаломъ.
Онъ приступалъ вновь ко мнѣ, скло-
ниться на его желанія, и хотѣлъ у-
потребить насиліе. Я оборонялась
всѣми силами; однако я ли довольно
была неосторожна, или онъ нападалъ
съ лютостію, но я пала безъ чувствъ
пронзенная многими ударами кин-
жала. Онъ счелъ меня мертвою, и
чтобъ скрыть убійство, учиненное
надъ дочерью своего Монарха, поло-
жилъ онъ меня съ помощію вѣрнаго
невольника въ сундукъ, и вынесъ изъ
своего дому. Небо послало васъ на
мое спасеніе; я наказала сіе чудо-
вище какъ вы видѣли, и сей есть

ко-

конецъ моей повѣсти. Но вы сами кто таковы? спросила она Царевича. — Авдулселамъ расказалъ ей всѣ свои приключенія. Царевна Китайская описала ему послѣ того дворъ родителя своего, и красоту женщинъ, кои составляютъ онаго украшеніе, а особливо распространилась она въ начертаніи Царевны Шелнисы, дочери Великаго Мандарина. Сіе изображеніе повергло Авдулселама въ огнь и пламень. Онъ представлялъ ее себѣ Ангеломъ, и Царевна Китайская обнадеживала его, что рука сей прекрасной Царевны, ибо оная была племянница Императорская, не можетъ быть отказана избавителю дочери Монарха страны здѣшней. „Я представлю „васъ моему родителю, продолжа„ла она, я раскажу ему каковую у„слугу вы мнѣ оказали, и онъ при„нудитъ своего Великаго Мандарина „отдать вамъ дочь его въ супруже„ство „. Между тѣмъ ночь наступила; Авдулселамъ взялъ тѣло уби-

 та-

таго купца, и зарылъ оное въ той же ямѣ, которую сей измѣнникъ ископалъ для дочери своего Государя. Онъ возвратился благополучно въ домъ свой небывъ ни отъ кого примѣченъ.

На другой день нанялъ Авдулселамъ богато убраннаго коня; Царевна сѣла на онаго, и онъ самъ велъ его за поводъ до дворца. Коль скоро Царевну узнали, донесли о томъ ея родителю, который со всѣми своими Вельможами вышелъ ей на встрѣчу. Она принята съ неописанною радостію; и какъ слухъ о семъ распространился въ городѣ, восхищеніе учинилось всеобщее. Императоръ и Императрица считавшія дочь свою невозвратно погибшею, не могли насытиться обниманіями ея и вопросами. Авдулселамъ остался между тѣмъ у воротъ дворца, и дожидался что его позовутъ, но Царевна пришедшая внѣ себя отъ радости въ свиданіи съ своими родителями, забыла о немъ, и онъ дол-

долго дожидавшись понапрасну возвратился домой, проклиная Царевну и ея неблагодарность. Онъ выбралъ изъ комнатъ уборы, кои нанялъ для Царевны, и кои для одного его были излишны и дороги, потомъ оставилъ домъ тотъ, и нанялъ себѣ одинъ покой въ другой части города. Чрезъ нѣсколько дней вспомнила Царевна Китайская о Авдулселамѣ, и приказала онаго повсюду искать; но за перемѣною жилища ни гдѣ онаго не нашли. Царевна мало заботилась о томъ, какъ случайно то при дворахъ, когда пройдетъ случай къ оказанію правосудія или благодѣянія.

Молодой Царевичь, который не носилъ уже больше своего дервишскаго платья, положилъ съ своей стороны въ законъ забыть Царевну Китайскую; но не могъ изгнать изъ своего сердца Царевну Шелнису. Онъ помышлялъ о ней беспрестанно, и слышимое имъ о сей прекрасной особѣ, умножало еще страсть его; но

онъ отчаявался оную когда либо увидѣть, и сіе мучило его несказанно. Чтобъ развеселить себя, посѣщалъ онъ вольныя домы и другія забавныя мѣста толь прилѣжно, что въ короткое время расточилъ все что при немъ было, и увидѣлъ себя предоставленна страшной бѣдности. Состояніе его было тѣмъ печальнѣе, что онъ не вѣдалъ въ кому въ сей чуждой землѣ взять прибѣжище.

Къ умноженію его нещастія зима начинала давать чувствовать свою строгость. Лишенный всего нужнаго и полузамерзшій, прибѣгнулъ онъ въ торговую баню. Банщикъ былъ въ отсудствіи, и нещастный Царевичь просилъ онаго по возвращеніи его, о позволеніи хотя на минуту погреться. Банщикъ разсматривалъ его, и не взирая на бѣдность его одѣянія, чаялъ открывать въ немъ нѣчто величественное. Онъ предложилъ ему у него остаться въ помощникахъ, что Царевичь принялъ

нялъ съ великою радостію. Авдулселамъ служилъ уже нѣсколько времени у банщика, какъ сей примѣчая въ своемъ гостѣ великое уныніе, говорилъ ему слѣдующее: „Я „вижу что вы въ жизни вашей много „го нещастія претерпѣли, и сѣто„ваніе, въ которомъ вы беспрестанно погружены доказываетъ, что напоминаніе онаго еще свѣже въ вашихъ мысляхъ. Откройте мнѣ ваши об„стоятельства; можетъ быть я въ „состояніи помочь вамъ.„ Авдулселамъ считалъ что не должно ему ничего таить отъ своего благодѣтеля; по чему объявилъ ему всѣ подробности своей жизни и не скрылъ, сколь много влюбленъ онъ въ Царевну Шелнису.

„Я обѣщаю служить вамъ, ска„залъ банщикъ, я хочу, и могу:„ тогда вынулъ изъ сундучка коробочку съ разными мушками и пластырьками. Онъ взялъ одну мушку, и налѣпилъ ее Авдулселаму близь праваго глаза. „Теперь подите,

 про-

„продолжалъ онъ, и покажитесь въ „семъ состоянiи въ Императорскомъ „дворцѣ.„ Авдулселамъ повиновался ему безъ всякаго размышленiя, но едва появился на улицѣ, какъ весь народъ побѣжалъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Авдулселамъ, невѣдающiй о силѣ мушки, удивлялся причинѣ за чемъ народъ бѣжитъ за нимъ. Онъ не примѣчалъ, что цѣлая половина его тѣла учинилась невидима; для того какъ банщикъ сiю мушку дѣлающую всякую вещь невидимою, налѣпилъ ему только къ одному глазу, то люди видѣли лишь половину человѣческаго тѣла по улицѣ идущую. Чернь проводила его до самаго дворца. Явленiе его было для всѣхъ чудо; Императоръ, супруга его, и всѣ придворныя госпожи хотѣли быть зрителями сей странности. Царевна Шелниса прибѣжала также, и Авдулселамъ, тотчасъ ее узнавшiй, нашелъ оную прелестнѣе, нежели воображалъ по дѣланному о ней описанiю. Взоръ ея

и-

имѣлъ на него таковое впечатлѣніе, что онъ испустя глубокій вздохъ, упалъ въ обморокъ. Пришедъ въ себя, оставилъ онъ поспѣшно дворецъ, и скрылся въ ожиданіи ночи, опасаясь чтобъ народъ не погнался за нимъ въ его жилище. Банщикъ встрѣтилъ его съ смѣхомъ. „Что я вамъ „сдѣлалъ, кричалъ ему Авдул„селамъ, что вы учинили меня по„смѣшищемъ цѣлаго города? пожа„луйте отдайте мнѣ прежній видъ „мой!„— „Не имѣйте ко мнѣ не„довѣрчивости, говорилъ банщикъ, „я обѣщалъ помогать вамъ и сдер„жу мое слово; но прежде выслу„шайте мою повѣсть, и познайте „всю мою власть.„

„Отецъ мой оставилъ мнѣ ве„ликое богатство. Я былъ молодъ „когда онъ умеръ, и вскорѣ раз„мопалъ все наслѣдство. Въ одинъ „разъ, когда я пошелъ въ деревню „купить себѣ хлѣба, засталъ меня „на дорогѣ пресильный дождь. Я „имѣлъ съ собою хлѣбную мѣрку,

„ которою хотѣлъ скупать хлѣбъ;
„ я скинулъ мое платье, чтобъ оное
„ не замокло, положилъ оное въ мѣр-
„ ку и перевернувъ сію въ верьхъ
„ дномъ, сѣлъ на оную. По про-
„ шествіи тучи, одѣлся я опять и
„ слѣдовалъ моею дорогою. Едва я
„ подался на нѣсколько шаговъ въ
„ передъ, какъ усмотрѣлъ прямо на
„ меня идущую безобразную тварь;
„ оная обмокла и замаралась грязью
„ съ ногъ до головы, и казалась въ
„ изумленіи видя меня такъ суха
„ какъ бы и дождя не было. Я духъ,
„ началъ онъ мнѣ говорить, и знаю
„ всѣ возможныя тайны волшебства,
„ кромѣ той которою ты защитилъ
„ себя отъ дождя. — Государь! от-
„ вѣчалъ я ему, сіе дѣйствіе есть
„ молитвы нѣкоторыхъ словъ. —
„ О научи меня сему! вскричалъ
„ онъ. — Я согласенъ, говорилъ я,
„ но съ условіемъ, открыть мнѣ
„ величайшія и лучшія изъ тѣхъ
„ таинъ кои вамъ свѣдомы. Духъ
„ согласился и научилъ меня въ нѣ-
„ сколь-

„сколько минутъ множеству маги-
„ческихъ знаній и заклинаній; послѣ
„чего просилъ онъ меня открыть
„молитву, силою которыя прохожу
„я подъ дождемъ необмокнувъ. Я
„расказалъ ему приключеніе мое съ
„мѣркою. Разсерженный видя себя
„такъ обманута, хотѣлъ онъ ис-
„пустить на меня свое мщеніе, но
„я тотчасъ проговорилъ нѣсколько
„словъ, коимъ онъ научилъ меня,
„и въ мгновеніе ока очутился въ де-
„ревнѣ, гдѣ хотѣлъ хлѣбъ скупать.
„Я не вѣдаю что случилось съ ду-
„хомъ, между тѣмъ обѣщался я
„никогда не употреблять моего зна-
„нія во вредъ другимъ, и сдер-
„жалъ заповѣдь сію честно. А хо-
„тя я былъ, помогшій купцовой
„матери, о которой вы мнѣ ра-
„сказывали, и давшій ей волшебный
„пергаментъ и Талисманъ, коимъ
„Царевна перенесена въ покой ея
„сына; но я не зналъ о зломъ ихъ
„намѣреніи. Что надлежитъ до васъ,
„я буду помогать вамъ въ любви
„ва-

„ вашей сколько возможно. Мушка „ налѣпленная мною на лицѣ ва„ шемъ, дѣлаетъ только половину „ невидимымъ; но я учинилъ сіе за „ тѣмъ, чтобъ привлечь на васъ при„ мѣчаніе двора, и тѣмъ доставить „ случай, увидѣть вамъ свою лю„ безную. Но теперь вы будите со„ всѣмъ невидимы. „ —— На другой день вышелъ Авдулселамъ съ двумя мушками, и совсѣмъ невидимъ. Въ семъ состояніи вступилъ онъ во дворецъ Великаго Мандарина, отца Царевны Шелнисы; никто его не видалъ и не удержалъ; онъ пробрался въ женскія покои, до спальни Шелнисиной. Онъ увидѣлъ ее, разсматривалъ по своему желанію, и никто не думалъ, чтобъ былъ тутъ кто посторонней. Ночь наступила, Царевну раздѣли, положили въ постелю; все сіе происходило въ присудствіи щастливаго Авдулселама. Мамка Царевнина зажгла двѣ свѣчи, и поставя оныя у ногъ постели, удалилась. Авдулселамъ дожидавшій съ не-

нетерпѣливостію пока его возлюбленная заснетъ, легъ къ ней подъ бокъ, и прижалъ ее къ себѣ крѣпко.

Царевна очнулась, и закричала изо всей силы. Мамка прибѣжала, и въ просоньѣ спрашивала, что ей сдѣлалось? „ Я ощупала мущину, отвѣчала Шелниса, который меня „ обнималъ. — Какая причина! ска„ зала мамка, гдѣжъ скрылся сей „ дерзкій? „ она искала по всѣмъ „ угламъ спальни, и ничего не нашла. „ Успокойтесь, сказала она Царевнѣ, „ вы видите, что нѣтъ здѣсь му„ щины; вамъ погрезилось, добра „ ночь, почивайте благополучно, и „ не бредьте больше; но сіе не въ ея „ состояло волѣ, ибо лишь Царевна „ начала засыпать, Авдулселамъ опять „ началъ свою забаву. Шелниса вы„ свободилась, и закричала громче „ перваго. Мамка прибѣжала, обы„ скали всѣ покои и никого не нашли. „ Мнѣ кажется вы повредились, ска„ зала мамка, пришедшая въ сердцѣ: „ какому мущинѣ васъ обнимать, ког-

„ да

„да здѣсь никого нѣтъ?„ Царевна во увѣренiе сего показывала ей на щекѣ своей знаки поцѣлуевъ, вписнутые Авдулседамомъ. Мамка немогущая больше сумнѣваться, въ причинѣ ея жалобы, но немогущая ничего понять, увѣдомила Великаго Мандарина о произшедшемъ. Сей самъ бросился въ спальню своей дочери, и какъ разсудокъ его столькожъ какъ и мамкинъ не могъ обьяснить сего удивительнаго приключенiя, то сказалъ онъ о семъ брату своему Императору, и представлялъ при томъ, что и съ его дочерью тоже случится, ежели за благовременно не прекратятъ зла.

Императоръ собралъ свой совѣтъ, но никто не могъ сдѣлать рѣшенiя. Напослѣдокъ одинъ Мандаринъ выступя сказалъ, что онъ знаетъ одну волшебницу, и ежели оную призвать, то онъ уповаетъ, что сiя только рѣшитъ оную задачу. Императоръ и весь совѣтъ на то согласились; волшебница немедленно предста-

стала. ,, Сіе чрезвычайное приклю-
,, ченіе, говорила она, есть дѣло
,, славнаго волшебника, живущаго въ
,, области Вашего Величества, про-
,, тиву коего все мое знаніе, ниче-
,, го не составляетъ. Единое что
,, я въ силахъ сдѣлать, я могу вос-
,, препятствовать его очарованію.
,, Когда сей дерзкій нынѣ ввече-
,, ру опять появится въ спальнѣ
,, Царевниной, прикажите запереть
,, всѣ двери и приставить крѣпкій
,, караулъ; Царевнѣ слѣдуетъ не
,, столько противиться, и тогда по-
,, смотримъ уйдетъ ли онъ отъ насъ,,.

Наставленію вѣдьмы сей слѣдовано въ точности. Ночь наступила, и Царевичь легъ опять къ Шелнисѣ, которая ужѐ меньше противилась. Вдругъ закричала она караульнымъ. Двери заперли, и вооруженные обнаженными саблями, стали у оконъ, дверей и прочихъ мѣстъ, Авдулселамъ усмотрѣлъ въ каковую онъ повергъ себя опасность, и старался уйтить, но безплодно.

 Вол-

Волшебница приказала тотчасъ въ спальнѣ по выходѣ Шелнисы потолокъ взломать, и бросать въ комнату горючую сѣру и другія зловонныя зазженныя матеріи. Царевичь почти задыхался отъ смрада, ѣдкіе пары точили ему глаза; отъ чего потекли изъ оныхъ слезы. И въ томъ, какъ онъ сіи неодумавшись началъ отирать рукою, сдернулъ одну изъ таинственныхъ мушекъ, и тотчасъ увидѣли половину человѣка. Стража бросилась и связала его веревками. Авдулселамъ зря себя въ бѣдствіи, не могъ удержаться отъ слезъ, другая мушка оными смыта, и съ изумленіемъ увидѣли всего прекраснаго мущину. Потащили онаго къ Императору, который осудилъ его повѣсить.

Въ малые часы все готово было къ казни, повели его на мѣсто, гдѣ уже множество собралось народа. Одинъ изъ Дервишевъ вмѣстѣ съ нимъ путешествовавшихъ, которые его долго безъ успѣха искали,

шелъ

шелъ по случаю мимо, и узналъ Царевича, не взирая на жалостное состоянiе въ которомъ онъ находился „Ежели вы мнѣ хотите жизнь „спасти, сказалъ Авдулселамъ, то „бѣгите въ ту часть города (на„имяновавъ оную) къ содержателю „торговыхъ бань: раскажите ему „про мое бѣдствiе, и просите о „помощи„. Дервишъ нашелъ въ мигъ банщика, и сей тотчасъ открылъ баулъ, и прочиталъ нѣкоторыя заклинанiя. Вдругъ вышло изъ онаго таковое множество людей и лошадей, что весь дворъ его оными наполнился; онъ самъ вынулъ изъ баула нѣсколько бѣлой землѝ, натеръ оною лице свое, и въ мгновенiе собственный видъ его пропалъ, и учинился онъ Великимъ Мандариномъ. Подвели ему богато убраннаго коня, на коего онъ сѣвъ поскакалъ, предшествуемый множествомъ служителей великолѣпно снаряженныхъ, къ мѣсту гдѣ готовились казнить Авдулселама. Палачь гото-

 вил-

вился ужѐ задавить Царевича, какъ банщикъ прибылъ. „Стой! стой! „вскричалъ онъ повелительнымъ го-„лосомъ, Государь узналъ невинность „сего молодаго человѣка, и онаго „прощаетъ.„ Приставы видящїе Великаго Мандарина, перерѣзали веревку бывшую ужѐ у Авдулселама на шеѣ. Онъ находился въ обморокѣ; прыснули ему въ лице водою, и тѣмъ привели въ чувство. Мнимый Мандаринъ, велѣлъ онаго посадить на преизряднаго коня, и приказалъ приставамъ возвратиться во дворецъ, куда и онъ за ними скоро будетъ. Потóмъ поѣхалъ онъ къ себѣ домой. Когда всѣ на дворъ вѣехали, началъ онъ читать заклинанія, и люди съ лошадьми опять убрались въ баулъ. Онъ потеръ лице свое прежнею бѣлою землею, и получилъ настоящїй видъ свой. Авдулселамъ узнавшїй своего избавителя, благодарилъ онаго чувствительными выраженіями.

Меж-

Между тѣмъ приставы и прочіе судебные служители возвратились во дворецъ, и немало удивились, нашедъ тамъ Великаго Мандарина, коего за нѣсколько минутъ видѣли поѣхавшаго въ другую сторону го́рода. Императоръ спросилъ, исполненъ ли его приказъ, они отвѣтствовали, что самъ Великій Мандаринъ въ многочисленномъ препровожденіи возвѣстилъ имъ; что Его Величество виновнаго простилъ. Государь сей пришелъ въ страшный гнѣвъ, и уличалъ ихъ, какъ они могутъ толь безстыдно лгать, когда Великій Мандаринъ во все то время отъ него не выходилъ? Приставы трепещущіе о своей жизни, тотчасъ представили множество очевидныхъ свидѣтелей, кои всѣ подтвердили, что Великій Мандаринъ своею особою былъ и освободилъ виновнаго. Напослѣдокъ призвали старую волшебницу. Сія спросила о сторонѣ и улицѣ, въ которую мнимый Мандаринъ поѣхалъ, и узнавъ

о томъ, безъ труда догадалась, что сія шутка опять произошла отъ банщика. Крайнѣ разгнѣванный Государь приказалъ тотчасъ одному Мандарину ѣхать и привести предъ себя сего преступника. Мандаринъ отправился съ многочисленнымъ прикрытіемъ, и прибылъ къ воротамъ банщика. Однако сей, еще издали его узнавъ, совершилъ свои заклинанія, и баня исчезла въ глазахъ Мандарина. Вмѣсто оной увидѣлъ онъ преогромный садъ, украшенный по мѣстамъ бесѣдками и всѣмъ тѣмъ, что художество имѣетъ наилучшаго. Банщикъ встрѣтилъ его, пригласилъ къ себѣ, и просилъ сойтить съ коня. Мандаринъ принялъ сіе приглашеніе, и понеже было очень жарко, то снялъ съ себя платье и шапку. Въ то мгновеніе вступило двадцать юношей ослѣпляющей красоты и богато одѣтыхъ; оные несли золотыя блюды съ наилучшими яствами, и прочее все согласовалось съ симъ великолѣпіемъ. Изум-

Изумленный Мандаринъ, долго насыщая зрѣніе таковыми рѣдкостями, пожелалъ отвѣдать кушанья; вдругъ земля потряслась, сдѣлался громовый ударъ, и садъ исчезъ. Ужаснувшійся Мандаринъ очутился на большемъ городскомъ рынкѣ, окруженъ всѣми дватцатью прекрасными юношами, кои обратились въ столько же дворныхъ собакъ. Подлый народъ собрался вокругъ его, и смѣшалъ свои ругательства съ лаемъ собакъ. Мандаринъ уразумѣлъ, что волшебникъ обманулъ его, и обратился въ бѣгство послѣдуемый всею толпою. По щастію на дорогѣ встрѣтился онъ съ своимъ родственникомъ и скрылся въ его домъ. Одѣваясь разсуждалъ онъ, что всѣ его братья будутъ ему смѣяться, естьли онъ объявитъ Государю случившееся съ нимъ. И такъ заключилъ ни одного слова не сказывать о томъ; дабы и другіе тоже отвѣдали. Въ слѣдствіе сего предсталъ онъ къ Императору и

и донесъ, что хотя онъ банщика и виновнаго засталъ въ домѣ, который находится въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ сказала волшебница, но бывъ одинъ овладѣть ими не могъ. „Вамъ „не доставало се́рдца, подхватилъ „другой Мандаринъ, и естьли Го„сударь дозволитъ, то я обязы„ваюсь, сихъ дерзкихъ въ мгновеніе „представить предъ его престолъ.„ Монархъ былъ тѣмъ доволенъ, и Мандаринъ отправился къ банщику. Онъ сшелъ съ коня, и въ ту минуту баня превратилась въ преогромныя палаты. Толпа молодыхъ невольниковъ и невольницъ начали предъ нимъ танцовать, подхватили его подъ руки и посадили на золотый престолъ. Пришедъ внѣ себя отъ изумленія, напрягалъ онъ всѣ свои чувства къ выразумленію сихъ чудесъ. Но вдругъ покрытъ онъ сталъ густымъ мракомъ; громъ и молнія умножили ужасъ сей ночи, и трепещущій Мандаринъ нашелъ себя лежаща близъ городской стѣны,

окру-

окруженна стадомъ кошекъ, кои его царапали и мяукали. Онъ побѣжалъ изо всей силы, и ушелъ закоулками въ одинъ знакомый ему домъ, гдѣ одѣвшись въ другое платьѣ, явился во дворецъ. Дорогою вздумалъ онъ, что первый Мандаринъ конечно вытерпѣлъ что нибудь подобное, и что онъ благоразумно скрылъ. Онъ заключилъ самъ учинить тоже, и когда Императоръ спросилъ у него, поймалъ ли онъ преступниковъ? „Ва„ше Величество! отвѣтствовалъ онъ, „я въ домѣ банщика былъ, видѣлъ „его и осужденнаго, но они запер„ли ворота, которыхъ я ни самъ „выломить, ни бывшимъ на улицѣ „приказать не могъ, ибо всѣ опа„саются имѣть съ банщикомъ дѣло, „и отказали мнѣ въ помощи.„

Великій Мандаринъ жестоко разсердился, и сказалъ: „ежели бы не „было ужѐ ночное время, я пока„залъ бы вамъ, что вы не больше какъ „трусъ, равной тому кто сперва „ѣздилъ за банщикомъ. Завтра

„ я самъ пойду, и вы увиди-
„ те испужаетъ ли меня волшеб-
„ никъ „. Въ самомъ дѣлѣ поутру
весьма рано былъ онъ ужѐ у воротъ
банщика. Едва онъ вступилъ на
дворъ, предсталвился ему великолѣп-
ный звѣринецъ, окруженный стѣ-
нами изъ бѣлаго мармора. Воро́та
въ ономъ были изъ гебанаваго дерева
на серебреныхъ петляхъ и съ зо-
лотымъ замкомъ. Банщикъ встрѣ-
тилъ его въ видѣ глубокихъ лѣтъ
старичка. Великіи Мандаринъ спро-
силъ у него, кому надлежитъ сей
прекрасный садъ? „ Мнѣ, Милостивый
„ Государь! „ отвѣчалъ банщикъ.
„ Возможно ли! продолжалъ Манда-
„ ринъ, Императоръ самъ не имѣетъ
„ подобнаго. „ Милостивый Государь!
„ подхватилъ банщикъ, когда вы любо-
„ пытствуете разсмотрѣть оный
„ внутри, я отопру воро́та. „ Онъ
вынулъ золотой ключь, отперъ во-
ро́та, и Мандаринъ вошелъ. Кра-
сота и благовоніе цвѣтовъ, высота
деревъ, длина покрытыхъ ходовъ,
сло-

словомъ все расположенiе восхитило Вельможу. Прошедъ нѣсколько пришли они къ обширному водоему, въ которомъ вода была блистательнѣе и чище алмаза. Онъ остановился разсматривая съ удивленiемъ. Между тѣмъ банщикъ раскинулъ златотканной шелковой Персидскiй коверъ подъ деревомъ, Мандаринъ сѣлъ на оной, и банщикъ предложилъ ему въ семъ водоемѣ покупаться, выхваля отмѣнныя свойства воды̀ въ ономъ. Мандаринъ не могъ отговориться лишить себя сего удовольствiя, а старикъ подалъ ему банную рубашку, украшенную жемчугомъ и алмазами; Мандаринъ надѣлъ оную, и вошелъ въ воду. Онъ началъ плавать, нырять, плескаться, и ничто несравнительно было съ удовольствiемъ быть въ сей водѣ; но вдругъ все исчезло, онъ очутился нагъ въ великой лужѣ вонючей воды̀, находящейся въ другой части го́рода. Народъ досадовалъ на безстыдство человѣка, что онъ нагишемъ предъ всѣ-

всѣми купается въ сей гадкой лужѣ. Мущины начали ему подсвистывать, ребятишки бросать въ него камушками, а женщины бранили. По щастію не былъ онъ узнанъ. Пристыженный до крайности, какъ всякъ вообразить то можетъ, побѣжалъ онъ во всю прыть, и достигъ своего дворца. Люди его, неузнавъ сперва своего господина, долго его не пускали, наконецъ разсмотрѣли, и онъ обмывшись поспѣшно одѣлся, и побѣжавъ къ Императору расказалъ чистосердечно о всемъ ему приключившемся. Прежніе Мандарины туть же случившіеся признались, какимъ образомъ и съ ними поступилъ волшебникъ; по чему Государь заключилъ самъ шествовать ловить банщика. Всѣ придворные и сіи три Мандарина его провожали. Банщикъ съ Авдулселамомъ выступилъ за ворота. „За чемъ ты укрылъ у себя „сего злодѣя?„ спросилъ Императоръ. „Ваше Величество, отвѣчалъ „банщикъ, онъ вошелъ противу моей

ей воли, и какѣ мнѣ ему вѣ томѣ воспрепятствовать? онѣ такѣ силенѣ, что однимѣ щелчкомѣ на двое человѣка расшибаетѣ. —— „ Посмотримѣ, вскричалѣ Монархѣ сѣ „ яростію, устоитѣ ли онѣ отѣ „ острія моей сабли!, Вѣ сіе мгновеніе бросился онѣ на молодаго Царевича сѣ обнаженною саблею. Банщикѣ проворчалѣ нѣсколько словѣ, и правая Императорова рука остановилась поднятая на воздухѣ; лѣвая хотѣла помочь правой, но прилипла кѣ ней же, такѣ что Монархѣ сталѣ недвижимѣ. Великій Мандаринѣ бросился освободить своего Государя, и рýки его прилипли кѣ рукамѣ его, Монархѣ кричалѣ чтобѣ далѣ ему свободу и отшелѣ прочь. Оба другіе Мандарины, всѣ придворные, стражи, воины, словомѣ всѣ хотѣли показать опытѣ своего усердія при семѣ случаѣ, но также прилипли другѣ кѣ другу, не могши ни помочь своему Государю, ни сѣ мѣста двинуться.

По-

Послѣ сего Монархъ, не взирая на свою гордость, началъ банщика просить о отвращеніи очарованія. „Я учиню сіе, говорилъ волшебникъ, „но на двухъ условіяхъ. — Какія бы „оныя ни были, сказалъ Императоръ, я обѣщаюсь напередъ, и даю „въ исполненіи оныхъ мое Императорское слово, только освободи меня скорѣе.„ Первое условіе, говорилъ волшебникъ, чтобъ вы сему молодому человѣку (показывая на Авдулселама) отдали въ супружество Царевну Шелнису, а второе, чтобъ старую вѣдьму показавшую мое жилище, выгнать изъ города плетьми. „Согласенъ! согласенъ! кричалъ Монархъ, коему состояніе его досаждало, но прошу отдать мнѣ употребленіе рукъ моихъ.„ Волшебникъ дунулъ на нихъ, и очарованіе престало.

Императоръ, во исполненіе своего обѣщанія, взялъ Авдулселама и банщика съ собою во дворецъ, и велѣлъ онымъ всевозможную честь ока-

оказывать. Авдулселамъ открылъ Императору свои приключенія, которой весьма обрадовался узнавъ, что онъ происходитъ отъ крови, ни чѣмъ природѣ Царевны Шелнисы неуступающей, и что онъ сверьхъ того обязанъ ему за спасеніе жизни своей дочери; онъ обнялъ его съ нѣжностію, осыпалъ ласками, и самъ представилъ Царевнѣ своей дочери, которая также безмѣрно обрадовалась, увидя своего благодѣтеля. Бракъ Авдулселама и Шелнисы съ великимъ торжествомъ совершился, веселости продолжались нѣсколько дней, и Авдулселамъ имѣлъ щастіе, что Шелниса возъимѣла къ нему равномѣрно жестокую любовь, какъ и онъ къ ней.

Цѣлый годъ протекъ въ семъ сладкомъ упокоеніи; а по прошествіи онаго возъимѣлъ онъ нестерпимое желаніе возвратиться въ свое отечество. Онъ помышлялъ беспрестанно о средствахъ, какъ бы уговорить Императора Китайскаго, и самую

свою супругу, о согласіи на оное, напослѣдокъ и удалось ему въ томъ. Сѣтованіе его родителей, заботящихся о неизвѣстности его пребыванія и отсудствіи, служило ему предметомъ. И такъ отъѣхалъ онъ съ Шелнисою, тесть его Великій Мандаринъ проводилъ ихъ до самаго мѣста, гдѣ они сѣли на корабль, и съ пролитіемъ многихъ слезъ на прощаніи, поплыли въ Индію. Нѣсколько дней вѣтръ дулъ имъ очень полезно, но вдругъ небо покрылось облаками, вѣтръ и море зашумѣли, и корабль жестокимъ волненіемъ разбило. Царевичь съ своею супругою спаслись только одни на маленькой лодкѣ, которая бывъ чрезъ три дни волнами носима, пристала къ незнакомой землѣ. Они вышли на берегъ, и первое ихъ попеченіе было возблагодарить небесамъ за спасеніе живота своего. Они пошли далѣе во внутрь страны, сами не вѣдая куда. Шелниса, которая отъ претерпѣннаго безпокойства, отъ

отъ жара и голода утомилась, просила Авдулселама, чтобъ нѣсколько отдохнуть. Они сѣли подъ тѣнію древесною, и Царевна уснула на колѣняхъ Авдулселамовыхъ, который былъ болѣе наполненъ заботъ и опасностей, отъ чего не могъ и уснуть. Въ продолженіи сна супруги своей, примѣтилъ онъ у ней за пазухою нѣчто въ носовомъ платкѣ завернутое. Онъ вынулъ платокъ и увидѣлъ, что то были дорогіе камни и жемчугъ несказанной цѣны. Видъ сей приключилъ ему много удовольствія, ибо всѣ прочія его богатства, кои получилъ онъ въ Китаѣ, были поглощены моремъ. Лишъ только хотѣлъ онъ положить ихъ въ прежнее мѣсто откуда взялъ, какъ въ то мгновеніе соколъ, коему большой красный яхонтъ конечно показался кускомъ сыраго мяса, спустился съ воздуху, схватилъ оный и улетѣлъ.

Царевичь чтобЪ не разбудить свою супругу, сложилЪ голову ея тихо сЪ колѣней, и положа близЪ ея платокЪ сЪ оставшими драгоцѣнностьми, погнался за соколомЪ, котораго не упустилЪ еще изЪ виду. ОнЪ бѣгалЪ за нимЪ долго отЪ дерева кЪ дереву, доколѣ достигЪ до морскаго берега. АвдулселимЪ видѣлЪ, что соколЪ улетѣлЪ на островЪ. По щастію нашелЪ онЪ лодку, вЪ которой они спаслися, вскочилЪ вЪ оную, и приказалЪ двумЪ гребцамЪ оставшимся для сбереженія ея, плыть кЪ тому острову. На островѣ началЪ онЪ опять гоняться за птицею, но сія поднявшись вЪ верьхЪ исчезла вЪ глазахЪ отчаяннаго Царевича. АвдулселамЪ возвратился опечаленЪ вЪ лодку, и хотѣлЪ плыть кЪ землѣ, гдѣ покинулЪ свою супругу. Морскіе разбойники ихЪ увидѣли, схватили, оковали, и оказавЪ Царевичу множество озлобленій, продали вЪ городѣ на другомЪ концѣ лежавщомЪ, нѣкоторому старику. Авдулсе-

селамъ расказалъ ему свое нещастіе, и сожалительный старикъ обѣщалъ ему дать вольность, когда онъ выслужитъ дочери его цѣлый годъ со всякою вѣрностію. Нещастный Царевичь согласился на все, но какъ дочь его была пригожа и невоздержна, то велъ онъ себя съ нею такъ неосторожно, что отецъ примѣтя ихъ обхожденіе, свергъ Авдулселама въ нижнее состояніе садовничьяго помощника, съ повелѣніемъ, чтобъ онъ одинъ въ деревенскомъ его саду, очищалъ стариннаго каменнаго зданія развалины.

Молодой Царевичь съ нетерпѣливостію, и раскаяніемъ и отъ многихъ трудовъ утомленный, провождалъ свои дни, какъ въ одинъ день поднявши камень въ развалинахъ усмотрѣлъ утвержденное въ стѣну кольцо. Онъ потянулъ за него, и нашедъ дверь, а подъ оною подземный погребъ и сходъ въ него по маленькой лѣстницѣ. Онъ сшелъ въ

погребъ, и нашелъ шесть горшковъ наполненныхъ червонными. Онъ закрылъ двери, присыпалъ оныя мелкимъ кирпичемъ, и дожидался способнаго времени, чтобъ овладѣть симъ сокровищемъ. Вскорѣ послѣ того господинъ его даровалъ ему вольность, ибо тронутъ былъ его нещастіемъ и раскаяніемъ; при чемъ увѣдомилъ, чтобъ онъ приготовлялся, отплыть въ Индію съ кораблемъ идущимъ въ Кохинхину, въ чемъ ужѐ и договоръ сдѣланъ. Восхищенный Авдулселамъ, вынулъ свои горшки съ червонцами, снялъ оныхъ по нѣскольку съ верьху, и засыпавъ солью, велѣлъ оные отнести на корабль въ числѣ своихъ дорожныхъ припасовъ, подъ названіемъ горшковъ съ солью. Вѣтръ былъ противенъ, и судно простояло нѣсколько дней на якорѣ. Каждое утро приходилъ Авдулселамъ посмотрѣть горшковъ своихъ, и спрашивать скоро ли отъѣдутъ; потомъ возвращался въ домъ бывшаго своего господина. Напослѣ-

докъ

локъ началъ дуть попутный вѣтеръ и Капитанъ корабля отплылъ ночью, забывъ о Авдулселамѣ, который съ превеликимъ отчаяніемъ на утро не нашелъ корабля въ гавани. Онъ возвратился печаленъ къ своему господину, который съ сожалѣніемъ объявилъ ему, что чрезъ цѣлые шесть мѣсяцовъ кораблей уже не будетъ, и слѣдуетъ ему сіе время тутъ пробыть. Между тѣмъ обратимся къ Царевнѣ Шелнисѣ.

Она пробудилась отъ долговременнаго сна, и испужалась не видя своего супруга. Она искала его, кричала, безноплодно! видяжъ что всѣ старанія ея тщетны, предалась она въ глубокое отчаяніе; она заключила, что онъ обманувъ ее оставилъ, и унесъ драгоцѣннѣйшій изъ ея камней. Одна и въ землѣ неизвѣстной, не знала чѣмъ помочь себѣ. Она пошла въ размышленіяхъ и слезахъ, и пришла въ городъ Гайсанъ называемый. Старушка приняла ее въ домъ свой,

 и

и спрашивала, кто она такова. Шелниса скрыла отъ нее подлинное свое состоянie, и объявила что она изъ числа спасшихся отъ кораблекрушенiя. Съ помощiю сей старушки, продала она оставшiяся свои драгоцѣнности, жила тѣмъ нѣсколько, и вознамѣрилась напослѣдокъ продолжать путь свой въ Индiю, чтобъ пристыдить своего супруга, ежели онъ обманулъ ее, или дожидаться тамъ возвращенiя его, ежели онъ разлучился съ нею каковымъ нибудь случаемъ. Чрезъ нѣсколько времени по семъ вознамѣренiи увѣдомила ее старушка, что корабль вскорѣ туда идетъ, и что заѣдетъ на нѣсколько въ Кохинхину, для ожиданiя способнаго годоваго времени къ продолженiю пути. Шелниса предъ вступленiемъ на корабль переодѣлась въ мужское платье, и отправилась въ путь. Намѣренiе ея было слѣдовать ко двору Царя Малайскаго, коего сыномъ назвалъ себя Авдулселамъ, ибо не сумнѣвалась, что сей Царь

вступится за Царевну, толь люто обманутую, и по крайней мѣрѣ возвратитъ ее въ Китай, ежели ужѐ должно ей будетъ отрѣчся отъ своего супруга.

Судно пристало въ гавани столичнаго города Кохинхины. Шелниса жила тутъ, содержавъ себя оставшими деньгами за продажу дорогихъ камней; напослѣдокъ кошелекъ ея источился, и она не вѣдала чѣмъ пропитать себя до отшествія корабля въ Индію. Въ одинъ день, какъ она въ вольномъ домѣ употребляла свой бѣдный обѣдъ, и казалась быть погружена въ великую печаль, хозяинъ того дома принялъ участіе въ судьбѣ ея, и учинилъ ей разные вопросы. Переодѣтая Царевна открыла ему, что она не вѣдаетъ чѣмъ долѣе питать себя, не имѣя больше денегъ какъ на одинъ таковый обѣдъ. „Изрядно, „молодой человѣкъ, сказалъ ей „вольнодомецъ, видъ твой мнѣ нра-

„ вится; естьли ты согласенъ быть „ у меня помошникомъ, я буду со„ держать тебя, и ты болѣе не „ грусти.„ Шелниса приняла оное съ радостію, и хотя она не съ лишкомъ разумѣла въ поваренномъ дѣлѣ, но пріятный видъ ея и вѣжливость, съ каковою она принимала гостей, умножили славу и знаемость ея хозяина.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, приплылъ туда корабль на коемъ хотѣлъ отъѣхать Авдулселамъ, и остановился также во ожиданіи способнаго времени. Капитанъ онаго почитая горшки съ золотомъ за то, какъ назвалъ оные Авдулселамъ, хотѣлъ охотно избавиться отъ сей соли, и понеже Шелниса, кою онъ узналъ въ вольномъ домѣ въ прислугахъ, ему понравилась, то подарилъ ей оные за вѣжливое ея обхожденіе. Шелниса благодарила его весьма, потому что она вѣдала, какъ дорога тутъ хорошая соль, надѣ-

дѣялась за оную выручить нѣсколько денегъ.

Авдулселамъ между тѣмъ, по прошествіи шести мѣсяцовъ, нашелъ случай отплыть въ Индію, принеся благодарность свою за благодѣянія старику, у коего былъ прежде невольникомъ. Дорогою корабль ихъ присталъ къ острову, и всѣ бывшіе наономъ, пошли на звѣриную ловлю. Авдулселамъ ходя по острову съ прочими, усмотрѣлъ на деревѣ соколиное гнѣздо. Какъ онъ съ времени приключенія своего съ краснымъ яхонтомъ, заклялся губить сихъ птицъ, то сшибъ онъ гнѣздо сіе стрѣлою; и сколь велико было его восхищеніе, когда онъ увидѣлъ въ ономъ потерянный свой яхонтъ. Неожидаемое сіе щастіе принялъ онъ за предвозвѣстіе, что всѣ его бѣдствія скоро воспріимутъ очончаніе. Радости наполненный, возвратился онъ на корабль, и прибылъ на ономъ въ городъ, гдѣ оби-

тала Шелниса. Корабельщики вышли на землю, и въ тотже день случилось Авдулселаму итти мимо того вольнаго дома; видъ помощника, имѣющій крайнее сходство въ чертахъ съ его возлюбленною Царевною, привлекъ на себя все его примѣчаніе. Лишъ одно муское платье обманывало его, и погрузило въ прежнею его печаль.

Царевна съ своей стороны, узнала его въ тоже мгновеніе, но скрыла свою радость и пригласила его къ ужину въ вольномъ домѣ, сказывая, что онъ нигдѣ не найдетъ толь вкуснаго кушанья. Авдулселамъ согласился; за столомъ прислуживалъ ему мнимый помощникъ одинъ, и умѣлъ довести его къ расказанію своего приключенія. Шелниса считавшая его невѣрнымъ, пришла внѣ себя отъ радости, узнавъ свою ошибку, и вскричала съ восхищеніемъ: „ Ахъ, Авдулселамъ, что съ тобою будетъ, естьли точно показать тебѣ

„ твою

„ твою любезную! . . . я спалъ бы
„ благополучнѣйшій человѣкъ на свѣ-
„ тѣ! сказалъ Индѣйскій Царевичь,
„ испустя тяжкій вздохъ. „ Тогда
Шелниса сбросила съ себя турбанъ,
и ея длинные прекрасные волосы
разсыпались по плечамъ ея. Авдулсе-
ламъ схватилъ ее въ свои объятія,
и оба проливали радостныя слезы.
Она расказала ему все случившееся
съ нею со времени разлуки. Когда
Авдулселамъ сожалѣлъ о утратѣ сво-
ихъ покрытыхъ солью горшкахъ съ
золотомъ, увѣдомила его Шелниса,
какимъ случаемъ достались оные въ
ея руки. Они употребили сіе золо-
то, къ распоряженію пути своего;
Авдулселамъ купилъ для своей су-
пруги множество обоего пола невол-
никовъ и одѣлъ ея по прежнему въ
приличное состоянію ея платье;
вольнодомца наградили щедро, за
его помощь Шелнисѣ. Потомъ безъ
всякаго препятствія прибыли они въ
государство отца Авдулселамова, ко-
торый принялъ ихъ съ неописанною

ра-

радостїю. По смерти его Авдулселамъ царствовалъ въ Индїи съ великою славою надъ Малаїею, и раздѣлилъ свой престолъ съ Шелнисою, отъ коей имѣлъ многихъ дѣтей, въ добродѣтеляхъ которыхъ родители опять ожили.

3.

Исторія любовная Петра Долгаго и его пречестной супруги Бланки Базю.

Въ Лондонѣ 1765 въ 8.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Издатель оныя есть господинъ Совеніи, извѣстный по сочиненію своему illinois, и коего драмматическая слава умножилась въ прошедшемъ году трагедіею его Габріель называемою. Недавно въ Парижѣ у Роельта показалось новое сея повѣсти изданіе въ большую 8. подъ заглавіемъ: L'innocence du premier age en France, ou histoire amoureuse de Pierre le long & de Blanche Bazu, suivie de la Rose ou la Fête de salency. Nouvelle edition considérablement augmentée; т. е. Невинность перваго вѣка Франціи, или исторія любовная Петра Долгаго и Бланки Базю; въ подражаніе розы или праздника Саленскаго. Новое изданіе весьма пріумноженное. Прибавленія и перемѣны, кои сія содержитъ

въ

въ себѣ, показались мнѣ недовольно важны, чтобъ перемѣнять по оной нижеслѣдующее наше сокращеніе; мы довольствуемся только лучшее представлять читателямъ. Сновидѣніе отца Гвардіяна совсѣмъ выкинуто. Путешествіе Петра и Бланки по обѣщанію, происходитъ уже не въ С. Яго въ Галицію, но въ ближній монастырь, куда провожаетъ ихъ мать Бланкина. Возвращаясь изъ сего путешествія получаетъ Петръ отъ своей Бланки отказъ въ первую ночь брака, въ густомъ лѣсу при Виценнѣ, между тѣмъ какъ старушка молится по своимъ чоткамъ. Подзорщикъ, не знающій что они супруги, воспѣваетъ имъ ругательную пѣсню. — (Музыка господина Филидора на приложенныя въ повѣсти сей пѣсни, въ семъ Россійскомъ переводѣ, выкинута; ибо оная равно какъ и самыя пѣсни, не столь важны, чтобъ занять ими нѣсколько листовъ.)

РОМАНЪ.

Отецъ мой, Кесарь Отельрошъ, изъ благороднаго поколѣнія, обиталъ въ городѣ Корби лежащемъ въ Пикардіи. Кончина родительницы моей поразила его толь жестоко, что онъ на нѣсколько времени лишенъ былъ чувствъ и разума; послѣ чего отшелъ въ Парижъ, и постригся въ Капуцины. Вскорѣ пріобрѣлъ онъ себѣ тамъ многую похвалу своими изрядными длинными проповѣдьми противу порожденія сатанина, еретиковъ, стремясь къ тому чтобъ оные истреблены были отъ лица земли; а сіе разнесло чудную молву о его святости.

Въ сіе время находился я въ Парижѣ въ училищѣ Наварскомъ, на двадцать шестомъ году моего возраста, и отецъ мой избранъ въ Гвардіяны. Обрадованный симъ извѣстіемъ, бѣжалъ я въ монастырь, для принесенія Богу благодаренія.

Пришедъ въ церковь, сталъ я на колѣни съ благоговѣніемъ въ углу

за дверьми, и началъ уже мою молитву, какъ меня дернули за руку и назвали моимъ именемъ. Былъ то Базю мой вѣрнѣйшій и любезнѣйшій школьный товарыщъ; онъ сказалъ мнѣ что меня дожидался, и что обѣ его сестры тутъ, какъ я и самъ могу увидѣть.

Безъ всякаго размышленія, окинулъ я глазами. „Темноволосая, „сказалъ мнѣ другъ Базю есть старшая именемъ Ганофефа, а ближе „къ намъ бѣлокурая меньшая Бланка„.

Противъ чаянія моего послѣдовалъ съ первымъ взоромъ моимъ на Бланку глубокій вздохъ. Гановефа была складнаго высокаго стану, прекрасна и изрядна, но Бланка несказанно прелестнѣе, смирнѣе и любезнѣе. Не можно было на нее взглунуть, чтобъ не саразиться; я воспылалъ къ ней въ мгновеніе ока.

Потупивъ благоговѣйно глаза мои къ низу, не могъ я удержать чтобъ оные не стремились на сторону

рону гдѣ стояла Бланка, и молитва моя смутилась; голова, очи и сердце поворачивались къ ней беспрестанно. Она была толь прелестна, толь мила, стояла такъ кротко, молилась такъ прилѣжно, прижимала нѣжныя руки къ своей любезной груди такъ умильно, что сердце мое жестоко во мнѣ трепетало; распаленные вздохи долго излетали изъ внутренности душй моей.

Иногда взглядывала Бланка и на меня, какъ бы чувствовала во мнѣ происходящее, и удивлялаъ моей набожности, моимъ воздыханіямъ къ Богу, кои однако ей надлежали.

Служба кончилась; мы встали, другъ Базю и я, поздравили обѣихъ сестръ; потомъ побѣжалъ я къ дверямъ и подалъ имъ святую воду.

Бланка проходя мимо меня, коснулась своимъ пріятнымъ пальцомъ до рукй моей; кровь загорѣлась въ ея розовыхъ щекахъ, а колѣна и сердце мое задрожали. Я поклонился ей, она сдѣлала тоже, и послѣ того пошелъ я домой.

Съ самаго сего часа сердце мое претерпѣвало несказанное мученіе; любовь къ Богу и къ дражайшей меня раздѣляли. Я ходилъ сколько возможно чаще къ обѣднямъ и вечернямъ, гдѣ находилъ и мою возлюбленную, и наконецъ покорила она совсѣмъ мое сердце.

Прошло уже седьмь мѣсяцовъ, и я не осмѣлился еще открыться другу моему Базю. Но сей безъ меня позналъ уже мою тайну и не сказывая о томъ мнѣ, помогалъ. „О любезнѣйшій другъ! сказалъ онъ однажды, переговоря о мнѣ съ Бланкою, съ радостнымъ видомъ и обнявъ меня: какъ ни тѣсно связаны „мы дружбою, но я хотѣлъ бы „еще больше„ — „привязаться къ „тебѣ! я не знаю уже какъ больше! отвѣчалъ я„ — тѣмъ чтобъ „ты женился на которой нибудь „изъ моихъ сестръ„.

Сіе повергло меня въ великой жаръ, и я такъ обрадовался, что не говоря ни слова схватилъ его въ

обѣ.

объятія, прижималъ къ груди моей, и осыпалъ поцѣлуями.

Ну! сказалъ онъ мнѣ, я третьяго дни въ церквѣ примѣтилъ вкоренившуюся въ тебѣ любовь къ Бланкѣ, говорилъ о томъ съ нею, и изъ всѣхъ ея словъ заключаю, что она не взирая на свою скромность, не безчувствительна къ тебѣ будетъ. Онъ взялъ къ ней и письмо отъ меня, а потомъ и многія, которыя она принимая читала, хотя мнѣ на оныя и не отвѣтствовала. Иногда и говаривалъ я съ нею, къ чему искусство и помощь друга моего Базю доставляли способы; но во всѣхъ таковыхъ разговорахъ не было кромѣ: доброе утро, добрый вечеръ, или что нибудь подобное; столько были мы застѣнчивы.

Еще шесть мѣсяцовъ протекли въ семъ, какъ другъ Базю увѣдомилъ меня, что мать его съ сестрою Гановефою поѣдутъ въ ряды,

а Бланка одна дома останется, и что я могу поговорить съ нею; но чтобъ подождалъ его на зеленой площади, близъ ихъ дома. Потомъ побѣжалъ онъ увѣдомить о семъ Бланку; онъ любилъ ее нѣжно, и напротивъ Гановефу терпѣть не могъ, ибо оная нетакова была добронравна, и всякаго подымала на смѣхъ, а особливо своихъ ближнихъ.

Во ожиданiи его, трепетало во мнѣ сердце несказанно, глаза мои обращались на всѣ стороны, и ноги колебались; наконецъ прибѣжалъ другъ мой Базю; „мать и сестра „вышли, говорилъ онъ запыхавшись; „видишь ли, вонъ они идутъ? сту- „пай! пойдемъ! двери не заперты. „Поскорѣе войди въ нихъ, потомъ „на лѣво, и по лѣстницѣ на верьхъ„.

Пришедъ къ дверямъ комнаты моей возлюбленной, постучался Базю и крикнулъ, отопри; потомъ я и не примѣтилъ, какъ онъ тихонько ушелъ назадъ. Бланка отперла двери, уповая что кликнулъ ее братъ.

То-

Тогда я увидѣлъ что я одинъ, твердость меня оставила, трепещущъ и воздыхая поклонился я дѣвицѣ Бланкѣ съ почтеніемъ, которая закраснѣлась увидя меня Однако я вошелъ и сѣлъ по ея повелѣнію; глазà наши устремились другъ на друга; я не нашелъ употребленія словъ, и слѣдовало ей учинить начало. Она говорила сперьва о вещахъ совсѣмъ постороннихъ, я отвѣчалъ на оныя, и примѣчалъ прилѣжно, не будетъ ли въ ея пріятныхъ разговорахъ какихъ нибудь знаковъ любви, ибо я чего не могъ произнесть словами, выражалъ то взорами.

Никакъ не могъ я себя принудить зачать говорить о любви; страхъ чтобъ она не разсердилась за то, связывалъ мой языкъ. Наконецъ сказала она: „мнѣ кажется, „по вашей ежедневно оказываемой „великой набожности, что вы неотмѣнно будите въ монахахъ; есть „ли ваше на то желаніе?„ Вмѣсто

отвѣта спросилъ я у нее, намѣрена ли она постричься; ибо я во всемъ подражать вамъ намѣренъ. Отъ чего любезная сія дѣвица очень застыдилась „Ахъ, Боже мой! сказала она съ нѣжнымъ „на меня взглядомъ, хотя бы я и „желала, то матушка мнѣ не дозво„литъ; а въ разсужденіи васъ дру„гое обстоятельство, потому что „родитель вашъ, его Высокопреподо„біе, носитъ клобукъ „.

„Какъ бы то ни было, отвѣчалъ „я, но сердце мое сему воспротивится. Чегожъ хочетъ ваше сердце? „сказала „Бланка съ торопливостію. — Послѣ„довать законамъ любви„ выговорилъ я съ смятеніемъ.

Сердце во мнѣ билось ужасно, и все тѣло мое трепетало, когда я сіе произнесъ. Бланка хотѣла отвѣчать, но вздохъ остановилъ слова ея; она застыдилась, и напослѣдокъ принудя себя спросила она: „ктожъ „такова ваша щастливая любовница? „Могу ли я сіе объявить! сколько я „ни страстенъ, но не знаю какъ

„бу-

„будетъ сіе принято. — Не скрывай-
„те, сказала Бланка взглянувъ на
„сторону, кто она? Вы сударыня!
„произнесъ я бросясь на колѣни, съ
„пролитіемъ слезъ и воздыхая; вы,
„которой надлежитъ мое сердце и
„моя жизнь„.

Смятенная тѣмъ Бланка, взглянула на меня въ молчаніи страстнымъ взоромъ, вздыхала, и произнесла запинаясь: „Ахъ, сколько опасна мнѣ ваша любовь!„ — „Для чегожъ сударыня? подхватилъ я, „любовь моя основана на честныхъ „намѣреніяхъ; и такъ буду я любить васъ вѣчно„. Сказавъ сіе, былъ я довольно смѣлъ, схватить Бланкину руку и принесть къ устамъ моимъ. Я чувствовалъ въ ней жестокое волненіе, и Бланки ужѐ больше было не видно; прекрасное лице ея наклонилось къ моему, и я ощутилъ жаръ разлившейся въ моихъ жилахъ. — Любовь разрѣшила узы почтенія, я не могъ удержаться, уста мои прилипли къ ея устамъ, и напеча-

печатали на оныхЪ пламенный поцѣлуй.

Едва Бланка оный почувствовала, тотчасЪ вскочила, и сЪ пролитіемЪ слезЪ вырвалась изЪ моихЪ объятій. Поспѣшно ушла вЪ свою комнату, и дверь за собою заперла. Тщетно просилЪ я, убѣдительнѣйшими знаками любви, отпустить мой проступокЪ; она кричала ко мнѣ гнѣвно изЪ своей комнаты, что нѣтЪ прощенія за таковую дерзость.

Услышавъ сіе и опасаясь чтобЪ мать и сестра ея меня тутЪ не застали, принужденЪ былЪ я со стыдомЪ и отчаяніемЪ возвратиться вЪ мое училище. Два часа былЪ я безчувственЪ походилЪ болѣе на мертваго, нежели на живаго, оглядывался ни начто не взирая, изумлялся ни о чемЪ не думая, билЪ себя обѣими руками вЪ грудь, рвалЪ на себѣ волосы, топалЪ ногами, дралЪ на себѣ платье, и валялся по полу какЪ сумозбродный.

Вскорѣ потомъ пришелъ другъ мой, и спрашивалъ меня о причинѣ таковаго отчаянія. Я открылъ ему все, и онъ утѣшая меня, обѣщался успокоить сестру свою; но онъ возвратился невеселъ, ибо ни чѣмъ не могъ укротить ее.

Такъ прошли двѣ недѣли, въ безплодныхъ пересылкахъ, напослѣдокъ возвратился онъ веселъ, и объявилъ мнѣ, что гнѣвъ Бланкинъ скоро прекратится, въ чемъ сама она его обнадежила. Вдругъ надежда пролiялась въ мое сердце, кое стеснено было тоскою и распространила оное, и радость появилась на устахъ моихъ.

Ввечеру пошелъ я съ другомъ Базю подъ окно моей любезной, вынулъ изъ подъ полы мою цитру, и началъ играть, кидая смущенные взоры на окно, и напѣвая слѣдующую пѣсню, кою часто прерывали вздохи мои и слезы.

ЖАЛОБА.

Должно ли мнѣ въ удивленьѣ
Любезной воздыхать,
И отъ радости мученье
Маловременно питать?
И возможно ли драгой
Чтобъ восхитя мой покой,
Такъ скоро премѣниться!

То со мной уже случилось;
Грусть осталася мнѣ въ часть.
Щастье только лишь мнѣ снилось,
А въ явъ дни мои напасть.
Я стенаю предъ драгой:
Взялъ восхитя мой покой,
Тебѣ такъ премѣниться!

За одно прикосновенье
Къ ея розовымъ устамъ,
Чему въ сладкомъ восхищеньѣ
Не могъ вѣрить я и самъ,
Ахъ, возможно ли драгой,
Что въ проступокъ сіе мой,
Такъ много разсердиться!

Коль драгую къ сожалѣнью
Мнѣ нельзя ужъ побудить,
То я вѣчно къ огорченью
Въ жертву слезы буду лить;
И когда моей драгой
Стонъ наскучитъ уже мой,
Моя скорбь не прекратится. ——

Самъ ли ты сочинялъ сію пѣсню? сказала Бланка открывъ окно во время моего пѣнія, чтобъ лучше меня примѣчать могла, или чтобъ дать мнѣ знать, что она меня слушаетъ. Я услышавъ сіе, не отвѣчалъ ей, а началъ играть припѣвая слѣдующее:

Прозьба къ моей дѣвицѣ.

О ты коей посвященно
Тобой вѣчно сердце плѣнно,
Его муки зря тронись!
Ты ужъ ихъ не пріумножишь,
Разорвать лишь только можешь;
Ахъ! любезная смягчись.

Бланка внимала сей пѣсни, какъ казалось благосклонно; выглянула напослѣдокъ въ окно и дозволила мнѣ

увидѣть свое прелестное лице. Тогда я перестал играть.

Другъ мой Базю начиналъ съ ней говорить неоднократно, но она не отвѣчала; и какъ онъ попросилъ у нее дозволенія мнѣ притти къ ней въ комнату, окончина захлопнулась, и Бланка скрылась, сказавъ только: „ прощай! добра ночь!„

Я очень опечалился, но другъ мой старался меня утѣшить, напоминая мнѣ о ласковыхъ ея на меня взглядахъ и послѣднихъ словахъ; послѣ чего возвратились мы въ наше училище, у воротъ котораго подкупленный нами придверникъ дожидался.

Во время какъ мы оттуда пошли, любезная моя хотѣла ужѐ ложиться въ постелю, какъ услышала шорохъ у дверей своихъ. Гановефа была то, которая по тихоньку скребла въ двери, и говорила: „ сестрица „ Бланка, отопри мнѣ. „ Бланка отперла двери. „ Я съ тобою лягу „ спать, „ сказала она, пришедъ въ

одной рубашкѣ, и заперши двери легла къ ней на постелю.

„Не молодой ли это Петръ былъ, „продолжала она, которой пѣлъ у „насъ подъ окнами? „такъ, отвѣ- „чала Бланка, которую сей вопросъ „привелъ въ робость. „Не любишь „ли ты его, сестрица?„ шепнула „ей Гановефа на ухо. Совсѣмъ нѣтъ „сказала Бланка, и сердце ея за- „трепетало, потому что лукав- „ство и пронырство сестрино было „ей извѣстно. „Кленусь тебѣ! вскри- „чала Гановефа радостнымъ голосомъ, „обнимая и осыпая поцѣлуями се- „стру свою; ты меня обязываешь, „что его не любишь; такой приго- „жей, темноволосой, смирной дѣ- „тина, будетъ мой любовникъ. Мнѣ „кажется, что онъ ужѐ съ нѣкото- „раго времени ходитъ за мною въ „церьви и на молитвы, бросаетъ „на меня влюбленные взоры, посы- „лаетъ ко мнѣ сладкіе вздохи . . . ахъ, „мое сердце ему покорилось! . . да „Бланка, онъ будетъ мой любов-

„никъ

„никѣ, и ты сестрица должна мнѣ
„вѣ етомѣ помогать„.

Досадуя сердечно, но не-
давѣ того примѣтить, отвѣтство-
вала ей Бланка сѣ равнодушіемѣ, и
умѣла такѣ притворить себя, что
Геновефа избрала ее своею повѣрен-
ною; но не избавилась отѣ ревности,
воображая что сестра ея ласкою
своею можетѣ меня привлечь кѣ себѣ
заключила суровость свою оставить
и увидѣться сѣ вѣрнымѣ своимѣ лю-
бовникомѣ. Сѣ сего благополучнаго и
злосчастнаго дня, Бканка воспламени-
лась горячайшею ко мнѣ любовію,
нежели прежде, и желала быть за
мною вѣ супружествѣ. Но сіе жела-
ніе имѣла и Геновефа, чрезѣ что вели-
кое для насѣ произошло нещастіе.

Чрезѣ три дни послѣ того какѣ
я пѣлѣ у Бланки подѣ окнами, и
грустилѣ еще о томѣ, не истребила ли
она меня изѣ своего сердца. Другѣ
мой Базю пошелѣ кѣ своей родитель-
ницѣ, и нашелѣ Бланку сѣ сестрою
за пряслицами, по чему не могѣ го-

во-

ворить съ нею о любви моей. Но вскорѣ Геновефу позвали къ матери, чтобъ итти съ нею къ вечернѣ, а Бланка осталась съ братомъ одна Долго она продолжала прясть, притворяясь будто бы дремлетъ. Напослѣдокъ открылась что на меня несердита, и дозволила ему меня къ себѣ привесть. Думая, что она сіе приказываетъ въ самый тотъ часъ, другъ мой побѣжалъ ко мнѣ, чтобъ не теряя драгоцѣннаго времени принесть мнѣ сію радостную вѣсть, и я полетѣлъ къ моей возлюбленной.

Я постучался пришедъ къ дверямъ, никого было не видно и не слышно, по чему я началъ стучать крѣпче, но ничто не помогало; я зачалъ трясть двери, и оныя съ запорки скочили. Я съ поспѣшностію вскочилъ въ сѣни, и съ трепещущимъ сердцемъ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ комнату Бланкину, которую нашелъ спящую въ ея постелѣ.

Ахъ, какой жаръ воспламенилъ меня, когда я въ такомъ пре-

лест-

лестномъ видѣ нашелъ мою любезную! она лежала въ безпорядкѣ, свеся голову на правую сторону, ея бѣлыя полуобнаженныя руки были разметаны, шнуровка ея совсѣмъ разстегнута. —— —— Взоры мои разсыпались на всѣхъ ея пріятностяхъ, каковыхъ никто еще изъ смертныхъ не видывалъ. — Бѣлѣйшая снѣга шея, и потóмъ грудь . . . два маленькія окруженія, заразы . . . въ полъ раскрытыя! —— —— лѣвая нога была согнута, и короткая самая тонкая юбка, и такъ обогнувшаяся къ тѣлу, что однимъ взглядомъ можно было усмотрѣть весь окладъ ноги. —

Въ сіе мгновеніе было со мною, какъ бы лукавой дергалъ меня за руку, и шепталъ мнѣ: „ будь смѣлъ „ Петръ! приближайся, осмотри все, „ открытое весьма прелестно; но „ о чемъ ты воображаешь, то еще „ несказанно прекраснѣе и пріятнѣе. „ Красавица съ голубыми глазами не „ спитъ, не сама ли она велѣла притти тебѣ? а ежели она не спитъ, „ такъ

„ такъ притворяется. Срывай, срывай свѣжій розъ любви.„ Но въ самое тожъ время представилось мнѣ въ мысль, что сіе будетъ весьма беззаконно; я изгналъ злые помыслы, сталъ на колѣни и просилъ прилѣжно небо о добродѣтели и воздержности. „Какое преступленіе „ ворчалъ я сквозь зубы, и бія себя „ въ грудь, помыслить таковое зло „ противу чести и благонравія цѣ„ ломудреннѣйшей въ свѣтѣ дѣвицы, „ должно не имѣть ни любви „ ни добродѣтели, когда дерзнуть на сіе, оскорбя ее только „ однимъ поцѣлуемъ„.

Сказавъ сіе, хотѣлъ я поцѣловать землю и сложа руки наклонилъ мою голову съ благоговѣніемъ, какъ Бланка пошевелясь, скинула ко мнѣ ногу. Воспламенясь схватилъ я сію прелестную ногу, цѣловалъ оную стократно, глаза мои блистали, а сердце хотѣло выскочить изъ своего обиталища. — „ Бланка, Бланка, вскри„ чали вдругъ два женскіе голоса.„

Опасаясь, чтобъ меня не застали, старался я сбѣжать въ низъ, чтобъ притаиться за двери; но Геновефа шедшая ужѐ на верьхъ, остановилась, и такъ впалъ я въ ея руки „А! вскричала она, матушка су́да„рыня, вотъ здѣсь Петръ!„ Пото́мъ начала она предлагать вопросы разные, на которые я признательно сказалъ, что любовь привела меня сюда и просилъ ее, чтобъ она была ко мнѣ благосклонна, въ чемъ она съ пріятною улыбкою и очень нѣжнымъ взоромъ меня обнадежила, ибо думала, что мнѣ ни кого кромѣ ея любить не можно.

Старая Базю мать ея взглянула на меня съ начала не очень ласково, но Геновефа предстательствовала за меня, сказавъ, что я по дружбѣ съ братомъ ея пришелъ сюда для засвидѣтельствованія имъ должнѣйшаго почтенія, и прочее. Каковымъ убѣжденіямъ старушка немогши противиться, начала говорить со мною съ пріятностію. „Съ хоро„шимъ

„шимъ ли вы намѣреніемъ пришли „къ моей дочери?„ спросила она у меня на конецъ. Я увѣрялъ въ томъ и присовокупилъ, что я весьма бы щастливъ быть могъ, естьли бы она избрала меня въ зятья себѣ. Я показался ей еще молодъ, но Геновефа цѣлующая у ней руки, обернулась ко мнѣ и спросила какъ я старъ. „Мнѣ будетъ двáтцать „восемь лѣтъ, отвѣчалъ я, въ день „Святаго Егидія„. Геновефѣ я показался ужè не очень молодъ и она глядѣла матери своей въ глаза. Мать разумѣла ее и сказала мнѣ: „Я со„гласна, господинъ Петръ, но и ро„дитель вашъ его высокопреподобіе „долженъ мнѣ тожъ сказать и то„гда исполнится ваше требованіе„.

Не говоря ничего бросился я предъ нею на колѣни, поцѣловалъ ея полу, и пошелъ къ моему другу, едва помня себя отъ радости.

Выслушавъ мое приключеніе онъ крайнѣ опечалился и сказалъ мнѣ, что Геновефа влюбилась въ меня до

дурачества, сама призналась въ томъ родительницѣ, которая ее слѣпо любитъ и не допуститъ, чтобъ я женился на Бланкѣ, ибо у ней опредѣлено, что старшая Геновефа должна быть прежде замужемъ. — Что надлежитъ сей же часъ итти къ родителю моему и просить его дозволенія и предстательства въ семъ замѣшательствѣ.

Съ тяжкими вздохами, съ унылымъ лицемъ и въ молчаніи слѣдовалъ я за другомъ моимъ въ монастырь отца моего.

Но тамъ приняли насъ худо. Другъ мой расказалъ ему причину моей печали. Однако вмѣсто снисходительнаго позволенія отецъ Гвардіянъ началъ мнѣ говорить наказательную проповѣдь, приказалъ другу моему Базю выттти вонъ и открылъ мнѣ на единѣ, что онъ въ прошедшую ночь видѣлъ чудный предвозвѣщающій сонъ о мнѣ, котораго знаменованіе не можетъ значить инаго, какъ я нѣкогда буду крестоподвижный

ный Капуцинъ и избраннѣйшій обратитель язычниковъ, по чему и не должно мнѣ жениться.

Я ничего на то не отвѣтствовалъ, и для того отецъ мой разсердясь, отъ меня вышелъ, послѣ чего въ великомъ отчаяніи побрелъ съ другомъ моимъ домой.

Съ той минуты радость меня оставила, я убѣгалъ всякаго общества, но хотя принуждая себя и участвовалъ иногда въ ономъ, но грусть моя провождала меня всюду.

Между тѣмъ какъ я тосковалъ, родительница Бланкина и Геновефа для шутки, сказали Бланкѣ, что скоро женюсь и скрывъ подлинное обстоятельство, наговорили ей множество вздору, чѣмъ повергли ее въ великую печаль. Она увѣрилась, бѣдненькая! что я ее пересталъ любить за то, что она поступила со мною сурово послѣ поцѣлуя. Другъ мой Базю, не имѣлъ времени вывести ее изъ сего заблужденія, по тому, что уже было нерано, онъ

увѣдомилъ меня о томъ, и я побѣжалъ къ ней, не взирая на опасность, что при сіяніи мѣсяца могутъ меня увидѣть.

Дверь скрыпнула когда я входилъ; я затворилъ оныя осторожно, осматривалъ вездѣ и не примѣтилъ ни одной души. Я бѣжалъ по лѣстницѣ. Въ то время услышалъ я, что старая Базю довала дочерямъ своимъ пирожное. Съ оными бѣжали они на лѣстницу; Геновефа толкала Бланку, чтобъ она скорѣе шла. Почему я бросился поспѣшно на верьхъ, шагая вдругъ ступени черезъ три или четыре; дверь въ Бланкину комнату была отворена; я вскочилъ въ оную. У зголовья постели стояла большая изрядная картина, снятая съ стѣны, прислоненная къ кровати; за сіе спрятался я присѣвъ, на колѣни, чтобъ меня было не видно.

Едва я успѣлъ притаиться, Бланка вошла и за нею Геновефа, прыгая вкругъ ее и рѣзвяся. Вдругъ она остановилась, и сказала: „ клянусь

свя-

,, святымъ Яковомъ! сей портретъ
,, совсѣмъ похожъ на моего Петра,
,, отдай мнѣ его сестрица; ты его
,, не любишь, а мнѣ онъ милъ,
,, такъ я оный поставлю въ моей
,, спальнѣ. — Развѣ ты не знаешь,
,, сестрица, отвѣчала Бланка — и
,, слезы навернули на глазахъ ея —
,, ты знаешь, что сей портретъ
,, нашего дѣда, когда онъ былъ еще
,, молодъ, и матушка нигдѣ оный не
,, хочетъ ставить кромѣ сей комна-
,, ты. — Но сдѣлай милость оставь
,, меня, мнѣ что то грустно.,,

Геновефа не отвѣтствовала ей ничего, подошла къ картинѣ, чтобъ вблизи оную разсмотрѣть, взглядывала съ переди, съ боку, наклоняла, подвигала на право и на лѣво, безпрестанно повторяя, что портретъ ко мнѣ сходенъ. Я испужался сидя за оным; прижался, притаилъ духъ и не зналъ что дѣлать. Такъ мучила она меня нѣсколько. Бланка между тѣмъ вздыхала. Вдругъ вѣ-

тренная Гановефа начала пѣть, и пошла вонъ распѣваючи.

Бланка избавясь отъ нее, бросилась къ дверямъ, заперла оныя, потомъ возвратясь къ портрету, сѣла противу онаго, взирала на него страстными взорами, разговаривала съ нимъ, какъ бы былъ то я:

„Ахъ! возможно ли, чтобъ „ты могъ такъ скоро забыть ту, „которую столько любилъ? Чѣмъ „ты извинишь себя? не ужъ ли то „тебѣ противно, что я тебя столько люблю, какъ ужъ больше не можно? — Но ахъ! прости мнѣ дражайшій! не стану я больше жаловаться; когда тебя другая можетъ „учинить щастливымъ, то Бланка „довольна„.

Послѣ сего милая сія дѣвица залилась слезами, и я наслаждающійся открытіемъ ея ко мнѣ страсти готовъ былъ ей показаться, какъ она рыдающимъ голосомъ начала пѣть. Любовь ко мнѣ и вѣрность еще больше изображались въ пѣснѣ сей. Окончавъ

чавъ оную, нагнулась моя возлюбленная къ портрету и ставъ на колѣни хотѣла оной поцѣловать. Въ сіе мгновеніе оттолкнулъ я картину въ сторону и она увидѣла меня предъ собою, также на колѣнахъ стоящаго. Мы оба остались на нѣсколько времени безмолвны въ семъ положеніи отъ великаго восхищенія. — Напослѣдокъ получилъ я употребленіе языка моего, расказалъ ей о всемъ случившемся и просилъ слѣдовать за мною въ ближнюю церьковь, чтобъ принесть предъ олтаремъ клятву и обвѣнчаться. „О мой дражайшій любовникъ, отвѣчала Бланка, естьли ты „хочешь отъ меня клятвъ, чтобъ „я любила тебя до гроба, въ семъ „клянусь я тебѣ сей часъ; впрочемъ „я ничего не могу учинить. Не можешь? сказалъ я вострепетавъ и „и поблѣднѣвши. Нѣтъ, мой дражайшій, я не могу сего, какъ и ты „равномѣрно; потому, что ты зависишь отъ отца, а я отъ матери. Какъ любовники ни бываютъ

„ другъ къ другу страстны, но должно повиноваться и Богу, которой „ велѣлъ слушаться своихъ родителей „.

Я просилъ, я умолялъ ее со слезами, говорилъ ей что лишусь жизни, ежели она сего не здѣлаетъ; ни что ее не преклоняло. „ Я сама умру, „ отвѣчала мнѣ Бланка; сіе лучше „ нежели кого озлобить „ По етому, „ вскричалъ я, когда матушка прикажетъ вамъ выбрать другаго супруга кромѣ меня, вы сіе учините? Конечно учиню! сказали она.

Кровь замерла въ лицѣ моемъ, вдругъ бросилась оная опять въ мои щеки и всѣ члены мои вострепетали. Я сталъ безмолвенъ. „ Должно „ умереть, думалъ я, должно умереть! лучше смерть. нежели продолжительное нещастіе! „ Я побѣжалъ вонъ какъ безумной. Не въ дальности отъ дому усмотрѣлъ я колодезь. Сердце мое задрожало при взглядѣ на оный; я отступилъ на задъ, потомъ побѣжалъ прямо, и бро-

бросился вЪ него, сЪ великимЪ шумомЪ.

ДругЪ мой Базю, задѣла́ми своими не могЪ скоро итти ко мнѣ, но послѣдовалЪ коль скоро оныя исправилЪ. Шествуя при мѣсячномЪ сіяніи и приближась уже кЪ дому своей родительницы, увидѣлЪ онЪ бѣдную Бланку, внѣ себя отЪ ужаса за мною бѣгущую, бросился кЪ ней, но оба они увидѣли меня свергшагося вЪ колодезь Жалостный вопль и рыданіе ихЪ, услышалЪ я опомнившись; ибо я упалЪ не вЪ воду, а на пристѣнокЪ, на которомЪ много земли находилось, по чему я и не зашибся. Я увѣдомилЪ ихЪ о семЪ, когда они кЪ колодезю приближились. Возлюбленная моя вскрикнула отЪ радости, а другЪ Базю, спустилЪ ко мнѣ тотчасЪ оцепь, коимЪ таскаютЪ воду, чтобЪ я за оный ухватился, чего однако я не хотѣлЪ учинить, естьли Бланка не дастЪ обѣщанія быть моею, и увѣрялЪ что вЪ тожЪ мгновеніе утоплюся. Бланка не зна-

ла

ла что начать, она просила, заклинала меня, я оставался упорно при моемъ намѣреніи. Другъ Базю просилъ ее со слезами надо мною сжалиться, но она оставалась непреклонна, и я съ отчаянія бросился въ самую воду. Бланка упала въ обморокъ, пришла себя, и кричала мнѣ не однократно съ клятвами, что на все соглашается, лишь бы я вышелъ изъ колодезя.

Между тѣмъ я вынырнулъ изъ воды на поверьхность и услышалъ слова моей любезной. Я схватилъ оцепъ, и сѣлъ въ висящее на ономъ ведро; Бланка и братъ ея начали стараться тащить меня вонъ, но веревка была худа и скользка, и въ рукахъ ихъ обрывалась. Они напрягали всѣ свои силы, и тащили меня въ верьхъ очень медлнно, при чемъ я держась одною рукою за веревку, другою хватался за стѣну въ колодезѣ, къ которой меня часто толкало. Неоднократно моя тягость превозмогала ихъ стараніе, она вы-

рывала изЪ рукЪ ихЪ веревку, чему они тщились предЪупредить упираясь вЪ обрубЪ колодезя. Выбившись изЪ силЪ не надѣялись ужѐ они спасти меня, но не выпускали изЪ рукЪ лежа на земли, веревку и призывали всѣхЪ святыхЪ на помощь.

О любовь! любовь! могу ли я довольно возблагодарить тебѣ! ты подала ей силу, ты услаждала ея скорбь, которую ея нѣжныя мягкія ручки обвивая около себя веревку, сносили, бывЪ исцарапаны до крови. — НаконецЪ нашелЪ я себя у самой поверьхности и схватился за края стѣны, которая была выкладена камнемЪ, такЪ крѣпко сколько могЪ и хотѣлЪ выскочить, но камни, за кои я держался вырвались и часть стѣны обрушилась вокругЪ меня, при чемЪ и носЪ мой исправно зацепило; но я не оробелЪ, схватился вновь и упираясь погами вылезЪ изЪ колодезя.

Я поцѣловалЪ сЪ подобострастіемЪ землю, взглянулЪ иа Бланку, и про-

просилъ у ней со слезами и сжатыми руками прощенія. Вмѣсто суровыхъ выговоровъ схватила меня сія любезная дѣвица подъ руки и поднимала на ноги. Потомъ положила она руку на колодезь, что и я учинилъ и такъ клялись мы другъ другу, призывая въ свидѣтели небо и друга Базю, вѣчною любовію.

Въ напоминовеніе того, что произошло у насъ при семъ колодезѣ, велѣлъ я оный по времени выстроить, и надписалъ на ономъ собственною рукою:

Меня построила любовь.

Возлюбленная моя прозвала оный колодеземъ любви.

Тогда увидѣли мы великую толпу народа, во убѣжаніе отъ онаго другъ Базю проводилъ насъ въ ветошную лавку. Тутъ купилъ я себѣ новое платье и между тѣмъ какъ я переодѣвался, сказалъ намъ Базю: понеже уже мы клялись любовію то ни что не удерживаетъ насъ совершить въ церквѣ законный бракъ;

что

что онъ въ близи отъ сюда знаетъ духовнаго, который безъ всякаго затрудненія насъ сочетаетъ въ самый сей часъ. Оное всего способнѣе было въ то время, ибо намъ никакого препятствія опасаться было нѣчего.

Возлюбленная моя затрепетала услышавъ сіе; я вспрыгнулъ, обнялъ моего друга, взглянулъ на Бланку нѣжно, взялъ ее за руку не говоря ни слова и пошелъ къ потайнымъ дверямъ духовнаго. Бланка противилась, однако шла. Мы достигли и ласковыми увѣщаніями святый отецъ принудилъ ее приступить къ олтарю, предъ коимъ и обвѣнчалъ насъ.

Едва сіе совершилось, возлюбленная моя казалась быть бездыханна, такъ поблѣднѣла она и ослабла; попеченіемъ и ласками моими возвратилъ я ее къ жизни, но она начала плакать и вздыхать, браниться со мною и съ братомъ своимъ, и за очно просить родительницу свою о прощеніи.

Ду-

Духовный далъ пройти первымъ стремленіямъ ея огорченія, послѣ чего началъ онъ столь разумно утѣшать ея, что она успокоилась, и слушала безъ возмущенія повелѣніе духовнаго, чтобъ окно ея спальни никогда не заперто было для ея супруга. Я взглянулъ на нее и прелестная стыдливость разсыпалась на лицѣ ея; она не говорила ни слова, но молчаніе сіе изображало согласіе. Я самъ не смѣлъ говорить съ нею; она потупляла отъ меня свои взоры и просила чтобъ ее проводили въ домъ къ родительницѣ.

Другъ мой Базю проводилъ ее къ матери, которая никакого не имѣла подозрѣнія, и вскорѣ возвратился въ жилище духовнаго, который позволилъ мнѣ остаться у себя, за тѣмъ что мнѣ не льзя ужѐ было возвратиться въ мое училище, въ опасности того, что приключеніе мое можетъ произвесть замѣшательство.

Слухъ о семъ разнесся во всемъ Парижѣ, отъ части подъ моимъ именемъ, отъ частижъ подъ другими. Геновефа также о семъ провѣдала отъ сосѣдки. Но не дала примѣтить изъ себя, что о томъ вѣдаетъ.

Послѣ молитвы пошли обѣ сестры въ комнату Бланкину, въ коей окно уже растворено было, что Геновефа къ нашему нещастію довольно замѣтила и тогда сія хитрая дѣвка начала о мнѣ разговаривать, выглядывая отъ части въ окошко. Ежели случится сестри„ца, сказала она, что Петръ въ „сей вечеръ придетъ пѣть подъ сіе „окно любовныя пѣсни, то сдѣлай „одолженіе, оставь меня одну въ „своей комнатѣ и ляжъ спать въ „моей, гдѣ тебѣ будетъ покойнѣе, „нежели здѣсь и влюбленный „вздоръ тебя не потревожитъ.„

Легко догадаться, что любезной моей сіе было досадно, она отказала ей въ томъ на отрѣзъ и спа-

ралась Геновефу высунуть изъ своей спальни. Но бывъ слабѣе и нѣжнѣе сестры своей не могла учинить того силою; Геновефа оборонялась, державъ за дверь, вывернулась у ней, вытолкнула ее вонъ, и вскоча какъ молнія, заперла за собою двери.

Бланка стучалась; Геновефа чтобъ больше разсердить ее, начала громкій смѣхъ, что и Бланка принуждена была учинить притворно. Но чѣмъ больше она сердилась, тѣмъ больше Геновафа хохотала, поглядывала въ окошко, подбѣгала къ дверямъ, и въ радостномъ звукѣ произносила ей язвительныя насмѣшки. Бланка вышедъ изъ терпѣнія грозила ей пожаловаться матери. „Что вамъ угодно, кричала „въ отвѣтъ лукавая дѣвка: не толь„ко жалуйтесь, но хотя раскажите „приключеніе свое у колодезя, что „я вмѣсто васъ, въ случаѣ вашей „скромности, учинить не премину„. Сіе здѣлало Бланку безмолвною.

Два часа продолжалась сія перебранка и Геновефа вздумала ложиться спать. Она раздѣлась до нага, при чемъ производила великой стукъ и скрыпъ кроватью, что бѣдная Бланка разумѣла, что она ужѐ ложится; потомъ сказала она ласковымъ голосомъ: „ не мучся се„стрица, поди въ мою спальню, „оная не заперта „. Возлюбленная моя принуждена была слушаться, а Геновефа кричала ей въ слѣдъ: „добра ночь! душенька! покорно „благодарствую! прощай, добра „ночь!„

Между тѣмъ я ужѐ долго дожидался на улицѣ, ходя въ задъ и въ передъ, не смѣя приближиться къ дому, по тому что примѣтилъ, какъ Геновефа выглядывала въ окошко. Напослѣдокъ, какъ ужѐ все умолкло, подшелъ я къ отворенному окну Бланкиной спальни; заложилъ веревочную лѣстницу и какъ бы кошка взбѣжалъ по оной.

Я втащилъ за собою лѣстницу, и закрылъ окно . . . сердце мое ужасно билось . . . посмотрѣлъ осторожно спитъ ли моя любѣзная; башмаки я снялъ и положилъ въ корманъ и крался на цыпочкахъ къ постелѣ; ощупывался кругомъ, чтобъ не наткнуться и не застучать; зголовье постели попалось мнѣ въ руки и я сѣлъ близь онаго дрожа во всѣхъ членахъ, столь было мнѣ ужасно. . . Однако я приподнялъ рукою одѣяло и другою щупалъ, чтобъ узнать какъ лежитъ моя супруга! потомъ положилъ я на постелю одну ногу, за тѣмъ другую, и легъ совсѣмъ.

Воображалъ, что то моя Бланка, казалось мнѣ, что спитъ она навзначь, я легъ очень къ ней плотно. Хитрая Геновефа съ начала притворялась въ глубокомъ снѣ погруженною; но вскорѣ пробудилась отъ моихъ ласканій. Я спрашивалъ у ней о всячинѣ, какъ обычайно любовникамъ, она отвѣчала на сіе съ нѣкоторою холодностію.

Изу-

Изумленный чрезъ сіе, просилъ я ее въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ объявить, за что она не отвѣтствуетъ моимъ ласканіямъ. Отвѣта не было. —— „Естьли твое цѣло„мудріе не можетъ терпѣть зна„ковъ моей горячности? продолжалъ „я: я все сдѣлаю, что тебѣ угодно, „сколь ни жестоко противится то„му любовь моя. Чего желаешь?... „Скажи любезная. . . Есть свя„щенная заповѣдь; чтобъ новобрач„ныя чрезъ три ночи вмѣстѣ мо„лились, не приступая къ тому, „что супругамъ дозволено; мы сдѣ„лаемъ сіе, ежели тебѣ угод„но. —— —— Гдѣ огниво? я зажгу „свѣчу, и начнемъ моленіе —— —— „Скажи любезная!„ —— При чемъ хотѣлъ я встать, но она схватила меня въ объятія и удержала.

Я нещастный, чаялъ прижимать Бланку къ груди моей, и любовно цѣловать; изъ устъ ея сосать чувствованіе нѣжности, ожидалъ, что душа моя сольется съ ея ду-

душею; —— но сердце мое бieнieмъ своимъ предвозвѣщало мнѣ, что оно не близь сердца любезнаго.

Конечно Ангелъ Хранитель мой, сберегъ меня отъ искушенiя. Мнѣ обстоятельство показалось подозрительно, ибо Геновефа опасаясь чтобъ я не узналъ ее по голосу, отталкивала меня, когда ласки мои доходили до живости и упорно ни на что мнѣ не отвѣтствовала. Я ощупалъ ее съ ногъ до головы. —— „Что за чудо? думалъ я, —— ка„жется моя любезная не такъ бы„ла росла, —— ручки ея сихъ нѣ„жнѣе были „ —— я не зналъ что заключить. Потóмъ укоряя самъ себя въ таковомъ сомнѣнiи заснулъ.

Ужѐ разсвѣло и старая Базю, пришла будить дочь свою. Геновефа горѣла желанieмъ, чтобъ меня застали въ постелѣ и едва услышала стукъ въ дверей, вскочила съ постели отперла и легла опять подъ одѣяло. Между тѣмъ какъ мать входила въ комнату „ за чемъ

ты

„ ты спишь въ Бланкиной комнатѣ? „ былъ первый вопросъ ея. „ За тѣмъ „ что тамъ на верьху очень много „ блохъ „ отвѣчала Геновефа. Мать повѣрила сему и хотѣла итти вонъ, но проклятая дѣвка разбудила меня. Я перевернулся съ вздохомъ на другой бокъ. Со всѣмъ тѣмъ меня бы непримѣтно было, ибо я зарылся въ подушкахъ. По нещастію старуха увидѣла нѣчто за своею дочерью. „ кто спитъ съ „ тобою? „ спросила она примѣтивъ что Геновефа закраснѣлась. — „ Ко- „ му, кромѣ сестры. „ — По чему старушка начала кликать: Бланка, Бланка! приподняла одною рукою одѣяло, а другую опустила ко мнѣ на ноги и зачала щекотать меня. я дернулъ къ себя ноги, молчалъ; а старая вѣдьма продолжала меня скарябать.

Нѣчего было дѣлать. Я сбросилъ обѣими руками одѣяло, вскочилъ, перепрыгнулъ чрезъ Геновефу, сшибъ старуху съ ногъ; и опро-

метью сбѣжалъ по лѣстницѣ на улицу, въ одной только рубашкѣ, и побѣжалъ такъ быстро какъ вѣтръ.

Но госпожа Базю была ужè въ окошкѣ, кричала во все горло, и взволновала все сосѣдство.

Земледѣльцы привезшiе на торгъ съѣстные припасы, сочли меня воромъ; погнались за мною, поимали и отвели въ тюрьму, такъ какъ злодѣя.

Я долго сидѣлъ въ заточенiи не видавъ ни одной души чловѣческой, напослѣдокъ повели меня предъ судей для допроса. Я признался во всемъ, и таковымъ образомъ присужено мнѣ по законамъ жениться на Геновефѣ.

Я оцепенѣлъ; весь свѣтъ оставилъ меня, кромѣ моего друга Базю; сей укорялъ меня съ умѣренностiю, и уговаривалъ жениться на Геновефѣ для спасенiя моей жизни. „Не отвѣчалъ я, смерть мнѣ прiятнѣе, „когда лишиться Бланки.„ ———

Она

Она была сама у дверей, сія любезная предстала въ безпорядочномъ одѣяніи, съ растрепанными волосами, и безутѣшна; она умоляла меня жениться на сестрѣ ея. Павъ мнѣ на шею и орошая меня слезами сія добродѣтельная дѣвица и супруга моя; уговаривала меня, чтобъ я пощадилъ себя и вообразилъ какое безчестіе для нее и ея брата быть можетъ, имѣть сестру которыя дѣвство отнято приговореннымъ къ виселицѣ. —— „Какъ! „подхватилъ я последнюю рѣчь „ея, я сего не сдѣлалъ? отнюдъ „нѣтъ. Но и никогда не соглашусь на „сіе съ столь злобною дѣвкою. —— „А! слышишь ли что говоритъ „Петръ, вскричала Бланка чрезмѣрно обрадовавшись; она еще „дѣвка! —— я увѣряю въ томъ моею жизнію,„ сказалъ я принося разныя клятвы.

Съ стыда о таковомъ разговорѣ, Бланка отвернула лице въ сторону и закрылась обѣими руками;

ми; однакожъ желала она узнать всѣ подробности и просила брата своего, чтобъ онъ у меня выспросилъ. Я зачалъ ему расказывать, тихимъ голосомъ; а она притворяясь будто не слушаетъ, приклонила ухо съ великимъ любопытствомъ. Она разсматривала меня съ боку, и казалась быть ко мнѣ гораздо противъ прежняго благосклоннѣе, что сердце мое исполнило восхищенія.

Но другъ мой Базю остался печаленъ и говорилъ: судьи сему неповѣрятъ и Геновефа должна быть моею женою. Любезная и я пролили потоки слезъ; она сжимала колѣна мои своими объятіями и говорила ко мнѣ такъ, что сердце мое рыдало, и я не находилъ словъ чѣмъ ее успокоить. Потомъ они со мною растались.

На другой день пришелъ ко мнѣ родитель мой, укорялъ меня безумною моею любовію: говорилъ, что все мое нещастіе, есть явный знакъ

не-

небеснаго гнѣва; что я долженъ либо жениться на Геновефѣ, или быть повѣшенъ, о чемъ велѣли мнѣ сказать судьи, и Бланка, которая его просила, постараться о моемъ спасеніи. Выговоривъ сіе оставилъ онъ меня безчувственна.

Послѣ того привели меня предъ судъ; прочли приговоръ мой, и принуждали избрать то или другое. Я отвѣчалъ имъ громогласно: „ежели „мнѣ слѣдуетъ жениться на Геновефѣ, то я не соглашусь иначе обвѣнчаться на ней, какъ подъ висѣлицею, съ тѣмъ притомъ договоромъ „чтобъ она клятвенно согласилась „въ тожъ мгновеніе быть со мною „повѣшена; а впрочемъ я не согласенъ и пусть ведутъ меня на „казнь„.

Услышавъ сіе судьи подняли великой шумъ, и съ грознымъ видомъ на меня взглядывая кричали: пусть ведутъ его на смерть! но одинъ изъ ихъ собранія просилъ о вниманіи и говорилъ слѣдующее: „Не торо-

„питесь государи мои! знаете ли
„что сей человѣкъ женатъ ужѐ на
„дѣвицѣ Бланкѣ, и по тому никакъ
„не обязанъ повиноваться въ женид-
„бѣ по нашему приговору на сест-
„рѣ ея, ибо сіе противится боже-
„ственнымъ и гражданскимъ зако-
„намъ. Ежели сей бракъ не мо-
„жетъ быть дѣйствителенъ, яко
„заключенный безъ воли родителей
„то прежде всего слѣдуетъ при-
„ступить къ вничтоженію онаго„.

Сіе говорилъ судья Лобезанъ, и всѣ прочіе согласились на его предложеніе; по чему я отведенъ былъ въ темницу.

Лобезанъ или иначе Трусотъ, не самъ сіе выдумалъ, а подвигъ его къ тому духовный его отецъ именемъ Мадре, Капуцинскаго ордена; сей пришедъ очень рано къ совѣтнику духовному своему сыну, увѣдомилъ его подробно, какъ я обвѣнчанъ съ Бланкою и что я сынъ отца Гвардіяна.

Отецъ Мадре имѣлъ множество у себя богоговѣйныхъ обоего пола какъ въ городѣ, такъ и въ самомъ дворцѣ, куда онъ и хотѣлъ прибѣгнуть обще съ моимъ родителемъ, уповая что я довольно буду безопасенъ когда нахожусь подъ покровительствомъ монастыря. Однакожъ бракъ мой съ Бланкою при первомъ судей собраніи, былъ объявленъ разрушеннымъ.

Теперь ничто не препятствовало мнѣ жениться на ея ненавистной сестрѣ, что для меня составляло не возможность, а для Бланки надежду къ спасенію моей жизни.

Сія любезнѣйшая дѣвица, лишенная силъ при самой смерти лежала въ постелѣ. Вдругъ представилось ей желаніе, итти къ моему родителю одѣвшись въ дорожнее платье. „ Высокопочтѣннѣйшій отецъ! „ сказала она ему пришедъ предъ „ него: я не могу скрыть отъ васъ „ что я любила сына вашего столь-

„ ко

„ ко, какъ мое сердце любить могло;
„ и что люблю его, хотя уже онъ
„ и не супругъ мой больше. Чтобъ
„ наказать себя за оное и не уме-
„ реть къ семъ грѣхѣ, обѣщаюсь я
„ Богу и вамъ странствовать къ
„ святому Іякову въ Галицію,
„ построить себѣ тамъ въ горахъ
„ келью и приносить мое по-
„ каяніе. Я стану просить Созда-
„ теля прилѣжно (слезы полились у
„ ней) не о томъ, чтобъ я перреста-
„ ла любить его, ни чтобъ сынъ
„ вашъ женясь на сестрѣ моей не
„ мучимъ былъ ко мнѣ любовію „.

Сіе сказала она съ такимъ чистосердечіемъ, съ такимъ выраженіемъ скорби, что самъ отецъ Гвардіянъ не могъ отъ слезъ удержаться; но вдругъ онъ принялъ важный видъ и сказалъ ей, что есть еще мнѣ надежда; потомъ повелъ онъ Бланку къ ея родительницѣ, которая встрѣтилась съ ними на улицѣ внѣ себя, не вѣдающая съ печиля что начать.

Отецъ

Отецъ мой утѣшалъ ее и уговорилъ, чтобъ она слѣдовала за нимъ въ судъ и говорила тоже, что онъ говорить будетъ.

Между тѣмъ какъ они туда шли, прочли мнѣ мой приговоръ къ смерти и уже къ ногѣ моей приковали духовника изъ Яковитовъ, когда я ихъ увидѣлъ. Бланка упала въ дверяхъ въ обморокъ; родитель мой сталъ недвижимъ, опустя смутившіеся свои взоры въ землю, госпожа Базю кричала и рвала на себѣ волосы. Но что было со мною, когда я видѣлъ возлюбленную мою бездыханну, то описать не льзя.

Другъ мой Базю во время въ которое я не видалъ его, не былъ праздень, онъ неумолкно укорялъ Геновефу въ учиненномъ мнѣ и сестрѣ ея злодѣйствѣ, представлялъ ей въ ужасныхъ выраженіяхъ, что я чрезъ то жизнь теряю, и тѣмъ привелъ ее въ таковой стыдъ и раскаяніе, что она все сдѣлать обѣщалась въ мою помощь. И

И они пришли ко мнѣ въ темницу. Госпожа Базю и мой отецъ представляли судьямъ, что они не могутъ уничтожить бракъ мой съ Бланкою, потому что они родители на оный согласны. Геновефа также увѣряла съ клятвою: „что я никогда не имѣлъ съ нею согласія, а „пришелъ къ сестрѣ ея, на „которой обвѣнчалъ; что съ нею „не имѣлъ никакого дѣла, по чему „бы она могла быть меньше дѣви„цею, нежели есть и что она „безъ труда доказать можетъ. — „Все сіе хорошо, отвѣчали судьи; „справедливость на вашей сторонѣ; „но законы иное повелѣваютъ.„ И такъ приказали меня вести на казнь. Я всталъ и пошелъ.

Родитель мой и госпожа Базю простирали ко мнѣ руки, какъ бы желая удержать меня; Бланка бросилась мнѣ на шею, кричала къ судьямъ, что и она умереть желаетъ со ммою; Геновефа бросилась къ ихъ ногамъ, цѣловала у всѣхъ ихъ

полы

колы, и прося милости орошала оныя слезами; я шелъ медлѣнно, сердце мое терзалось мученіями горчайшими смерти, коя меня ожидала. Возлюбленная моя висѣла на мнѣ оцепясь и ее волокли со мною.

Ужѐ былъ я за дверьми темницы, ужѐ одна нога моя вступила на смертную колесницу: какъ вдругъ, ха! ха! ха! разнесся громкій смѣхъ въ дали. Сей произошелъ надъ Капуциномъ, которой скакавши на выморенной лошаденкѣ отъ спотkновенія оныя упалъ въ лужу; изъ коей хотя всталъ безъ вреда, но вымаралъ въ грязь лице свое и платье.

Вдругъ вскочилъ оный на свою скотину и опять поскакалъ къ темницѣ, крича: милость! милость! прощеніе! —— восклицаніе народа разнесло всюду повтореніе словъ; милость! — прощеніе! —

 Былъ

Былъ то отецъ Мадре. Онъ держалъ Королевскій указъ о моемъ прощеніи и сказалъ мнѣ, что одна знатная придворная госпожа испросила мнѣ не токмо жизнь, но чтобъ и бракъ мой съ Бланкою не былъ уничтоженъ.

Я слышалъ сей радостный кликъ, какъ бы сквозь сонъ, не могъ говорить и не зналъ, что со мною дѣлается.

Я опомнился ужè въ комнатѣ, окруженъ докторами и лѣкарями, кои готовились мнѣ пускать кровь, давать лѣкарства; но я все отвергъ, и хотѣлъ лишь видѣть Бланку, родителя моего и друга Базю; отъ нихъ зависѣло мое исцѣленіе. Они пришли обще съ родительницею Бланкиною; я обнималъ ихъ, цѣловалъ, вскочилъ съ постели, пѣлъ и кто ко мнѣ ни подходилъ, былъ обнимаемъ и осыпаемый поцѣлуями.

Послѣ

Послѣ сего родитель мой хотѣлъ было начать нѣкоторыя возраженія противу свадьбы моей съ Бланкою, но другъ Базю учинилъ ему толь убѣдительныя представленія, что онъ самъ наконецъ съ радостію согласился и своею особою въ присудствіи судей, обвѣнчалъ насъ вновь въ ближней церкви.

По наступленіи ночи, сказала мнѣ Бланка слѣдующее: „Вселюбезнѣйшій другъ мой! я не могу съ „тобою спать на одной постелѣ; „ибо я дала предъ Богомъ обѣщаніе, когда онъ сохранитъ жизнь „твою, пѣшешествовать къ С. Яго „въ Галицію; итакъ прежде сходимъ мы туда, поблагодарить „Создателя„. На что я съ радостію согласился.

Я велѣлъ докончить выстройку колодезя любви, итакъ мы одѣвшись набожно въ дорожныя

одежды, выступили въ путь, который совершили безъ всякаго препятствія; и напослѣдокъ достигли къ предмету нашихъ желаній.

V.

ЕПИСОДЫ

И

МАЛЫЯ ПОВѢСТИ,

ВЛЮБЛЕННЫЙ БѢСЪ.

Повѣствованіе изъ Гацота.

Я былъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду; Офицеръ въ Гвардіи Короля Неапольскаго. Мы жили сытно и весело, играли когда имѣли деньги, Философствовали какъ сихъ не было.

Въ одинъ изъ послѣднихъ случаевъ сидѣли мы за флагою Кипрскаго вина и блюдомъ сухихъ каштановъ и разговаривали о всячинѣ. Наконецъ дошла рѣчь до волшебства и до Кабалистовъ. Одинъ изъ насъ утверждалъ, что сія наука есть основательная, и что дѣйствія ея внѣ сомнѣнія; четверо изъ молодшихъ лѣтами называли оную глупостью, обманомъ, полезною для малыхъ дѣтей и дураковъ.

Старшій изъ насъ, Фламанецъ, курилъ свою трубку, глядѣлъ на у-

лицу, и не говорилъ ни слова. Посреди сего смѣшеннаго шуму, въ семъ взаимномъ другъ друга перекрикиванiи, принудившемъ меня самаго замолчать, безъ всякаго любопытства примѣтилъ я его равнодушiе и спокойство.

Сiе было въ его квартерѣ; не рано ночью; всѣ разошлись и только мы двое остались.

Онъ продолжалъ курить Флегматически. Я облокотился на руку Молчанiе съ обѣихъ сторонъ онъ первый нарушилъ.

„Что вы такъ молчаливы были „при давишнемъ великомъ шумѣ? „Для того что я люблю лучше молчать, нежели защищать или опро„вергать то, о чемъ понятiя не „имѣю. Я не разумѣю и слова, „что значитъ Кабалъ, Кабалистъ„.

„Оное имѣетъ многiя знамено„ванiя: но теперь не о томъ дѣло. „вѣрите ли вы, что есть наука, пре„вращать металлы и повелѣвать „духами могущая?„

„Я духовъ не знаю; вѣдаю „что во мнѣ духъ есть, а больше „ничего. Въ металлахъ же я знаю „чего стоитъ Каролинъ въ игрѣ „въ вольныхъ домахъ и въ дру- „гихъ мѣстахъ. Чтожъ изъ обо- „ихъ оныхъ дѣлать можно, мнѣ „неизвѣстно.

„Сіе мнѣ любо. Не знаніе ва- „ше дороже, нежели другихъ пре- „мудрость. По крайней мѣрѣ вы „не въ заблужденіи и чего не вѣ- „даете, оному можете научиться. „Естественность, вольный духъ и „благопристойность мнѣ очень нра- „вятся; я разумѣю больше, нежели „обыкновенный человѣкъ. Кляни- „тесь мнѣ вашею честію, что бу- „дите молчаливы, и нескоропости- „жны, то вы можите быть моимъ „ученикомъ.„

„Сказанное вами, любезный „Соберано, мнѣ очень пріятно. Я „ужасно любопытенъ, но до про- „стыхъ обыкновенныхъ знаній мнѣ „не великая нужда; и я понимаю

„ нѣчто о высочайшей Сферѣ, куда
„ вы меня воздвигнуть намѣрены.
„ Но какъ достигаютъ къ первой
„ ступени вашей науки? Давишнiе
„ господа̀ говорили, что духи сами
„ въ оной наставлять должны. Мо-
„ жно ли имѣть съ ними обяза-
„ тельство?„

„ Вы угадили, Алваро. Самъ
„ собою ни чему не научишься. О
„ обязательствѣжъ я тотчасъ дока-
„ жу вамъ неоспоримо.„ Трубка его
докурилась; тремя толчками выко-
лотилъ онъ изъ ней золу, и поло-
жилъ близь меня на столъ. По-
то́мъ кликнулъ: „ Калдеръ, набей
„ мою трубку, раскури и подай
„ сюда!„ едва онъ выговорилъ сiе,
трубка исчезла, и прежде нежели
я могъ опомниться или спросить,
кто таковъ Калдеръ, появилась оная
раскурена, и Соберано ужѐ курилъ.

Онъ потянулъ еще до нѣскольки
разъ трубку, меньше для куренья,
чѣмъ для примѣчанiя изумленiя, въ
которомъ я находился. Онъ всталъ.
„ Мнѣ

„Мнѣ завтре на караулъ итти, по-
„ра спать ложиться. Подите на
„свою постель. Будьте благораз-
„судны. Мы опять увидимся.„ Я
пошелъ домой, въ крайнемъ любо-
пытствѣ и алчущъ къ знанію, ко-
тораго вскорѣ уповалъ чрезъ Собе́-
рана достигнуть. Я увидѣлъ его на
другой день, и во всѣ слѣдующіе
дни ничего не лежало у меня
больше на сердцѣ; я сдѣлался его
тѣнью.

Я сдѣлалъ ему множество во-
просовъ; на нѣкоторые онъ мол-
чалъ, а на другіе отвѣчалъ загад-
ками. Напослѣдокъ приставалъ я
къ нему въ разсужденіи вѣры, ка-
ковую содержать ему подобно.
„Она естественная,„ отвѣчалъ
онъ. Мы вступили о томъ нѣсколь-
ко подробнѣе. Рѣшенія ево содер-
жали больше сторону моихъ стра-
стей, нежели моихъ основаній. Но
я стремясь къ моему намѣренію,
ни въ чемъ не смѣлъ ему преко-
словить. Вы повелѣваете духа-
ми,

ми, сказалЪ я ему; я также хочу состоять сЪ ними вЪ обязательствѣ; я хочу, нетерпѣливо хочу.

„Вы очень горячи. Вы еще не „совершили времени вашего опыта; „не исполнили еще условій, сЪ „каковыми безЪ страха можно при- „ближиться кЪ сему возвышенному „состоянію.„ —

Много ли потребно на сіе времени? —

„Можетъ быть года два.„

ТакЪ должно мнѣ оставить мое предпріятіе! вскричалЪ я. ВЪ сіе время я умру сЪ нетерпѣливости. Жестокій Соберано! вы не воображаете, каковое сильное желаніе вы во мнѣ воспламенили. Оно снѣдаетЪ меня.

„Молодой человѣкЪ! я считалЪ „тебя разсудливѣе. Я трепещу о „себѣ и о тебѣ, КакЪ? вы хочи- „те дерзнуть призвать духовЪ безЪ „всякаго приготовленія?„

Да чтожЪ они мнѣ сдѣлаютЪ?

„Немалое озлобленіе. Но они „имѣютъ надъ нами власть, когда „мы малодушны. Собственножъ мы „рождены владѣть надъ оными.„

О! я хочу владѣть надъ ними.

„Вы можете имѣть довольно „сердца, но ежели вы невзначай „забудитесь?„

Естьли надлежитъ сіе до смѣлости, посмотримъ, какъ они меня испугаютъ.

„Но ежели вамъ самъ дьяволъ „покажется?„

Такъ я его схвачу за уши.

„Браво! когда вы такъ въ себѣ „благонадежны, то можно осмѣ„литься, Я обѣщаю вамъ мою по„мощь, Въ будущую пятницу при„дите ко мнѣ обѣдать, у меня „будутъ еще двое, кои знаютъ „скромность и тогда приступимъ „къ опыту.„

Сіе назначено было въ Середу. Пастушій часъ никогда не ожидаемый былъ съ таковою нетерпѣливостію. Напослѣдокъ настало вре-

мя. Я пришелъ къ Соберану. Нашелъ двухъ человѣкъ, коихъ лица ничего не значили. Мы пообѣдали, разговоры происходили о вещахъ постороннихъ.

Послѣ стола предложена прогулка, къ развалинамъ портика. Мы пошли: достигли одного мѣста. Сіи остатки величественныхъ знаковъ памяти, обвалившіеся, разломанные, разбросанные возбудили въ душѣ моей разсужденіе, къ коимъ она не привыкла. Такъ превосходитъ, сказалъ я, сила времени силу человѣческой гордости и старанія. Мы вошли въ развалины, и продолжали путь въ темнотѣ, доколь достигли въ мѣсто такъ мрачное, что ни малѣйшій свѣтъ во оное не проницалъ.

Соберано велъ меня. Онъ остановился тутъ и я съ нимъ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ высѣкъ огня, чтобъ зажечь свѣчу. При слабомъ оныя свѣтѣ рaзсмотрѣлъ я, что мы находимся въ уцѣлевшемъ отъ

раз-

развалинѣ сводѣ, имѣющемѣ около двашцати пяти ступеней вѣ окружности, и четыре сѣ хода.

Соберано очертилѣ простью, которою идучи опирался около себя кругѣ на мелкомѣ пескѣ, коимѣ усыпанѣ былѣ полѣ, написалѣ во ономѣ нѣкоторыя литеры и вышелѣ вонѣ изѣ круга.

„Ну, молодой Герой становись „вѣ кругѣ, сказалѣ онѣ и выдь „изѣ онаго подѣ щастливымѣ зна„комѣ„.

Что сїе значитѣ? какой щастливый знакѣ?

„То что вамѣ все покорено. Но „не здѣлайте напередѣ отѣ робо„сти ненадлежащаго; вы тѣмѣ „ввергнете себя вѣ великую опас„ность„.

Потомѣ научилѣ онѣ меня краткому важному заклинанїю, изѣ нѣсколькихѣ словѣ состоящему, которыхѣ я не забуду. „Проговорите „оныя твердо, сказалѣ онѣ и по„слѣ того кликните громко трое-

„крат-

„кратно Велзевулъ, но не забудь-
„те не дѣлать того, въ чемъ мнѣ
„обѣщались „.

Я вспомнилъ, что я хвалился схватить чорта за уши. Я сдержу мое слово, сказалъ я; ибо я не хочу остаться въ хвастунахъ.

„И такъ желаемъ вамъ добраго
„слѣдствія. Кликнете насъ, когда
„вы исправитесь. Вы стоите пря-
„мо противу тѣхъ дверей, куда
„вамъ слѣдуетъ вытти, чтобъ
„насъ найтить „. Они меня оставили.

Ни одинъ еще смѣлчакъ не находился въ толь щекотливомъ положеніи: я хотѣлъ ужè кликнуть ихъ назадъ; но оное было бы для меня поносно и значилобъ отказаться всей моей надежды. Я укрѣпился и предался на мгновеніе разсужденіямъ. Они меня постращать намѣрены думалъ я испытать мою отважность. Они въ близости, и по совершеніи заклинанія слѣдуетъ ожидать, что они меня пугать начнутъ

нутъ. должно мнѣ вести себя осторожно, итакъ смѣхъ упадетъ на насмѣшниковъ.

Намѣренiе заключено, хотя оное и нарушаемо было крикомъ совъ и сычей, обитавшихъ въ сей пещерѣ внутри и снаружи.

Я сталъ немножко посмѣлѣе, напрягъ моимышцы, выставилъодну ногу въ передъ, началъ заклинанiе явственно и громко; а потомъ изъ всѣхъ силъ кликнулъ троекратно, Велзевулъ!

Дрожь разлилася по всѣмъ моимъ членамъ, волосы стали у меня дыбомъ. Едва я совершилъ: какъ находящееся въ погребѣ семъ створчетое окно раскрылось навстижъ: потокъ свѣта блистательнѣйшаго нежели дневный сунулся въ отверстiе: верблюжья голова столь же ужасная своею толщиною какъ и видомъ появилася въ окошко; а особливо уши были превеликiя. Гадкое привидѣнiе растворило свою пасть, и отвѣтствовало голосомъ прочему явленiю соразмѣрнымъ: чего изволишъ?

Всѣ своды въ верьху и въ низу вокругъ меня повторяли сіе страшное слово: чего изволишъ?

Я не могу описать моего состоянія; я не могу сказать, кто удержалъ мою бодрость, и кто воспрепятствовалъ мнѣ упасть въ убморокѣ, при взглядѣ на сіе позорище, еще при страшнѣйшемъ стукѣ, въ ушахъ моихъ звенѣвшемъ.

Я чувствовалъ сколько нужно было для меня собрать мои силы; хладный потъ былъ ужѐ на пути меня разстроить; я здѣлалъ себѣ принужденіе. Душа наша должна имѣть пространное понятіе, удиудивительной силы быстросши; множество чувствованія, разумѣнія, разсужденія входитъ въ мое сердце, простираются во всѣмъ мнѣ, удивленіе возбудилось. Я покорилъ свой ужасъ; я обратилъ взоръ мой къ привидѣнію.

Чего желаешь ты дерзкій, осмѣлясь предстать ко мнѣ въ семъ гадкомъ видѣ?

Привидѣніе позадумалось на мгновеніе. ты меня звалъ, сказало оно

ти-

тихимъ голосомъ. „Но долженъ ли „рабъ пужать своего господина? „естьли ты пришелъ принять мои „повелѣнія, то прими благопри„стойный видъ, и голосъ покорно„сти„.

„Государь, говорило привидѣ„ніе, въ какомъ видѣ мнѣ по„явиться, который былъ бы вамъ „пріятенъ?„

Какъ собака прежде всего пришла мнѣ на мысль, то отвѣчалъ я: приди Болонскою собакою. Едва приказъ совершился, то сей примѣчанія достойный верблюдъ всунулъ свою шестьнатцати ступеней длинную шею, наклонилъ голову на средину погреба, и выплюнулъ бѣлую Болонску мягкую и блистательную шерсть имѣющую собачку, которыя уши волочились по землѣ.

Окно затворилось; всѣ другія явленія исчезли; въ довольно освѣщенномъ сводѣ не осталось кромѣ меня и собачки. Оная бѣгала вокругъ меня, махала хвостомъ и дѣлала тысячи прыжковъ. „Госу-

 „дарь,

„ дарь, говорила она, я охотно бы „ поцѣловала твои ножки; но стра„шная черта тебя окружающая от„ гоняетъ меня„.

Довѣренность моя дошла до дерзости; я вышелъ изъ круга, подставилъ ей ногу, собачка оную лизала; я учинилъ движенiе, какъ бы хотѣлъ ее схватить за уши, она легла на спину, будто бы прося помилованiя. Я примѣтилъ, что она была сучка. Встань, сказалъ я, я прощаю тебя: видишь ли, что я имѣю гостей; кои меня не въ дальности отсюда дожидаются; они конечно утомились отъ хольбы, для чего я хочу дать имъ прохлажденiе; и такъ плодовъ, варенья, льду Греческихъ винъ, все должно быть лучшее; комната освѣщена и украшена, безъ великолѣпiя, но чистенько. Въ концѣ пиршества ты явись первѣйшею на свѣтѣ пѣвицею и съ арфою; я дамъ знакъ, когда тебѣ появиться. Играй хорошенько роль свою, пой съ выраженiемъ, съ благопристойностiю, съ воздержанiемъ.—

„ Я

„Я повинуюсь, государь, но на „какихъ условіяхъ?„ Подъ условіемъ повиноваться, какъ рабъ, повинуйся безъ противорѣчія, или —

„Ты меня не знаешь, государь „впрочемъ будешь съ меньшею „строгостію со мною обходиться. „Мое единственное условіе можетъ „быть было, тебя обезоружить „тебѣ нравиться„.

Я обернулся и видѣлъ, что повелѣніи мои, скорѣе были исполняемы, нежели перемѣна вида въ оперѣ. Стѣны погреба, покрытыя до того копотью, влажностью и мохомъ, появились въ пріятномъ для глазъ цвѣтѣ и украшеніи. Яшмоваго зала сводъ казался быть подпираемый столбами. Стѣнные подсвѣшники изъ хрусталя, каждой съ тремя свѣчами, распростирали по всюду живой и равномѣрный свѣтъ.

Въ мгновеніе столики, со всѣмъ надлежащимъ для полдника появились. Плоды и заѣдки были изъ возможныхъ избраннѣйшія и вкуснѣйшія. Всюду Китайскій фарфоръ

собачка бѣгала въ задъ и въ передъ бросаясь, хлопотола, и знаками какъ бы вопрошала: доволенъ ли я?

Преизрядно Біонлето, сказалъ я, теперь возми мою ливрею, и возвѣсти господамъ, кои отсюда близко, что я ихъ ожидаю, что все готово.

Не успѣлъ я повернуться, и увидѣлъ разряженнаго пажа въ моей ливреѣ, выходящего съ зазженнымъ факаломъ: оный скоро возвратился и провожалъ моего фламянца съ обоими его пріятельми. Явленіе пажа и поклонъ онаго пріуготовило ужѐ ихъ къ чему нибудь чрезвычайному но не къ перемѣнѣ мѣста, въ коемъ они меня оставили. Естьли бы голова моя не занята была размышленіями, я позабавился бы надъ ихъ изумленіемъ, которое доказывали ихъ восклицаніе и смятеніе лицъ.

Государи мои, сказалъ я, во угодность мою вы предпріяли неблизкій путь, и должно еще намъ возвратиться въ Неаполь: для чего по-

показалось мнѣ весьма нужнымъ прохлажденіе. Простите нечаянности въ недостаткахъ выбора и довольства.

Моя бодрость привела ихъ въ не меньшее удивленіе, какъ и перемѣна вида въ погребѣ и великолѣпіе пирушки, на кою они были приглашены. Я примѣтилъ сіе, и вознамѣрился скорѣе окончить приключеніе, коему я внутренно весьма не довѣрялъ, но хотѣлъ сколько возможно оное уважить, и собиралъ всю веселость, коя имѣлась въ нравѣ моемъ отъ природы.

Я просилъ ихъ садиться. Пажъ подвигалъ стулы съ удивительнымъ проворствомъ. Мы сѣли: я подчивалъ, раздавалъ кругомъ, подносилъ. Я одинъ ѣлъ, пилъ и говорилъ, они зѣвали. Напослѣдокъ довѣренность моя ободрила и ихъ; они начали кушать. Я началъ здоровье всѣхъ прекраснѣйшихъ дѣвокъ Неапольскихъ пить, мы пили. Я заговорилъ о новой оперѣ, о безпримѣрной пѣвицѣ недавно изъ Рима прибывшей, коя на-

дѣлала много шуму при дворѣ; я дошелъ до свободныхъ художествъ. Музыки, ваянія; произвелъ замѣчанія на красоты марморныхъ столбовъ находившихся въ залѣ. Бутылка опорожнена, лучшая занимаетъ ея мѣсто. Пажъ служилъ не почеловѣчески проворно, не допускалъ ни на мгновеніе ока ждать.

Я бросилъ на него таинственственный взглядъ: онъ имѣлъ видъ божка любви; лице его и въ участникахъ моего приключенія произвело изумленіе, безпокойство и удовольствіе. Единообразіе сего расположенія мнѣ наскучило, я увидѣлъ, что время оное перемѣнить. Біондето, кликнулъ я, госпожа Фіорентина обѣщалась ко мнѣ въ сіе время; посмотри, не здѣсь ли ужѐ она. Пажъ вышолъ.

Гости мои не имѣли времени, надивиться сему чудному посольству. Двери зала отворились. Фіорентина вступила съ своею арфою, въ благопристоиномъ шелковомъ неглиже, въ дорожной шляпѣ, и съ завѣшеннымъ

самымъ прозрачнымъ флеромъ, надъ глазами. Она поставила арфу, и поклонилась съ великимъ искусствомъ и пріятностію: Донъ Алваро, сказала она, я не готовилась въ собраніе, впрочемъ предстала бы я не въ семъ народѣ; господа мугутъ извинить дорожную.

Она сѣла. Мы попремѣнно потчивали ее лучшимъ съ нашихъ столиковъ. Она принимала намъ въ угодность. Какъ сударыня! сказалъ я, вы только мимоѣздомъ въ Неаполѣ. Не остановитесь ли, вы на нѣсколько во ономъ?

„Старый договоръ обязываетъ „меня къ тому, государь мой. Въ „послѣдній карнавалъ въ Венеціи „были ко мнѣ очень благосклонны. „я должна была обѣщаться опять „пріѣхать. Мнѣ и деньги напередъ „заплатили, впрочемъ я не отговорилась бы отъ выгодъ, предложенныхъ мнѣ здѣшнимъ дворомъ. Я „постараюсь заслужить похвалу „Неапольскаго дворянства, которое „во всей Италіи отлично своимъ „вкусомъ.„

Оба Неапольцы поклонились, въ соотвѣтствіе сей вѣжливости; они не сомнѣвались въ истиннѣ сего. Я просилъ мастерицу, показать намъ нѣкоторый опытъ своего искусства. Она отговаривалась, опасалась намъ не понравиться, и наконецъ согласилась пропѣть намъ отрывокъ рецитатива и арію, коею заключается третье дѣйствіе оперы, въ которой она первую роль играть имѣетъ.

Она взяла арфу, настроила маленькими продолговатыми, полными рученками, бѣлыми какъ снѣгъ съ румянцомъ, которыхъ персты не примѣтно оканчивались — не можно описать; — мы всѣ были восхищены, чаяли слышать великолѣпнѣйшій концертъ.

Она пѣла. Таковаго голоса, живости, выраженія не слыхивано. Никогда еще пѣніе столько не трогало, ни поражало. Внутренность моя поколебалась, почти забывалъ я, что я самъ былъ виновникъ ослѣпляющаго меня очарованія.

Пѣвица нѣжнѣйшія мѣста своей аріи обращала на меня Пламень ея взглядовъ проницалъ сквозь покрывало; оный былъ неописанно разителенъ и сладокъ; сіи глаза казались мнѣ знакомы наконецъ совокупя всѣ черты лица, сколько дозволяло мнѣ разсмотрѣть покрывало, узналъ я въ Фіорентинѣ плутишку Біондета, но его прелестный, нѣжный и тонкій станъ, былъ въ семъ одѣяніи еще прекраснѣе, нежели въ пажескомъ.

Пѣвица окончила и мы отдали ей достойную похвалу. Я просилъ ее пропѣть еще живѣйшую пѣсенку, дабы совершенно намъ надивиться всемѣственному ея дорованію. „Нѣтъ, отвѣчала она, состояніе „души моей меня не допускаетъ; „сверьхъ того вы примѣтили „сколько я себя принуждала, чтобъ „вамъ повиноваться. Голосъ мой „чувствуетъ, что я путешествую, „онъ охрипъ. Вы знаете, что я „сіюжъ ночь отъѣзжаю. Наемный „кучеръ привезъ меня сюда, и отъ „него

„ него я завишу. Примите мое извиненіе, и позвольте мнѣ васъ „ оставить.„ Она встала и хотѣла взять свою арфу. Я принялъ оную изъ рукъ ея, проводилъ ее до самыхъ дверей, въ которыя она вошла, и возратился къ товарищамъ.

Казалось, что должно бы мнѣ произвесть во всѣхъ радость, но я примѣтилъ принужденіе на ихъ лицахъ. Я взялъ мое прибѣжище къ Кипрскому вину. Оное возвратило мнѣ силы и присудствіе духа; я усугублялъ пріемы, и по наступленіи времени къ возращенію; приказалъ я моему пажу, взявшему свое мѣсто опать за моимъ стуломъ, подать карету. Пажъ бросился вонъ.

„ У васъ здѣсь и карета?„ спросилъ Соберано. —— Да, я велѣлъ оной пріѣхать, въ разсужденіи того, что естьли мы позамѣшкаемся, то не будетъ вамъ противно покойнѣе возвратиться. Ну братцы, выпьемъ еще; намъ нѣтъ опасности дорогою спотыкаться.

Не

Не успѣлъ я выговорить, какъ пажъ ужѐ возвратился съ двумя великорослыми служителями, въ богатой ливреѣ по моему гербу. „Донъ Алваро, сказалъ Біондето, „каретѣ не льзя близко подъѣхать, „развалины препятствуютъ.„ Мы встали и пошли, а Біондето и служители впереди насъ.

Какъ между сихъ распадшихся зданій, не можно было намъ итти четверымъ рядомъ. то случилось, что мы поотстали съ Соберномъ. Онъ пожалъ мнѣ руку: „другъ мой, сказалъ онъ, вы дали „намъ прекрасный пиръ; оный „вамъ стоитъ дорого.„

Я щастливъ любезный другъ, отвѣчалъ я, что могъ учинить вамъ угодное; я отдаю вамъ за то, чего оный мнѣ стоитъ.

Мы пришли къ лошадямъ; увидѣли двухъ другихъ служителей, кучера, постиліона, покойнѣйшую дорожную каляску, какую только вздумать можно. Я усажалъ ихъ, взялъ самъ мѣсто, и поѣхали тихо въ Неаполь.

Мол-

Молчаніе нѣсколько продолжалось: которое нарушилъ одинъ изъ пріятелей Собера́новыхъ. „Я не „хочу знать тайны вашей Алваро; „но вамъ должно имѣть отмѣнныя „обязательства. Вамъ услуживано „отмѣннѣйшимъ образомъ; вамъ „оказано больше угожденія въ „одинъ вечеръ, нежели мнѣ въ со„рокъ лѣтъ, въ которыя я рабо„таю. Вы имѣли божественнѣйшее „явленіе изъ всѣхъ возможныхъ; а „наши глаза больше печалятся, не„жели радуются. Вамъ должно вѣ„дать, что вы дѣйствуете, вы „еще очень молоды. Въ лѣтахъ „вашихъ бываетъ больше желанія „нежели разсужденія, больше рос„коши, нежели умѣренности.„

Бернадилло. такъ назывался говорившей, былъ самолюбивъ, и далъ мнѣ время, подумать о отвѣтѣ.

Я не вѣдаю, сказалъ я напослѣдокъ, чѣмъ пріобрѣлъ я толь отличныя благосклонности; но мнѣ кажется оныя будутъ тѣмъ маловременнѣе, и я утѣшаюсь, что

могъ

могъ раздѣлить оныя съ добрыми моими пріятелями. Примѣтили, что я скромничаю, и разговоръ прекратился.

Молчаніе приводитъ въ размышленія. Я думалъ о всемъ что учинилъ и что видѣлъ, сравнивалъ слова Соберана и Бернадилла, и заключалъ изъ всего, что я вывернулся изъ опаснѣйшаго приключенія, въ которое повергли меня суетное любопытство и дерзость моихъ лѣтъ. Сего не было причиною мое воспитаніе; оное происходило до тринатцатилѣтняго моего возраста на глазахъ родителя моего, Дона Бернарда Маравиллы, мужа безпорочнаго; чрезъ мать мою, Донну Менцію богобоязнѣйшую и добродѣтельнѣйшую женщину въ Естремадурѣ. О моя родительница! думалъ я, что сказала бы ты твоему сыну, естьлибъ ты въ семъ состояніи его увидѣла? Но сіе не продолжится, я клянусь въ томъ себѣ самъ.

Между тѣмъ прибыли мы въ Неаполь. Я завезъ пріятелей Собера-

ра-

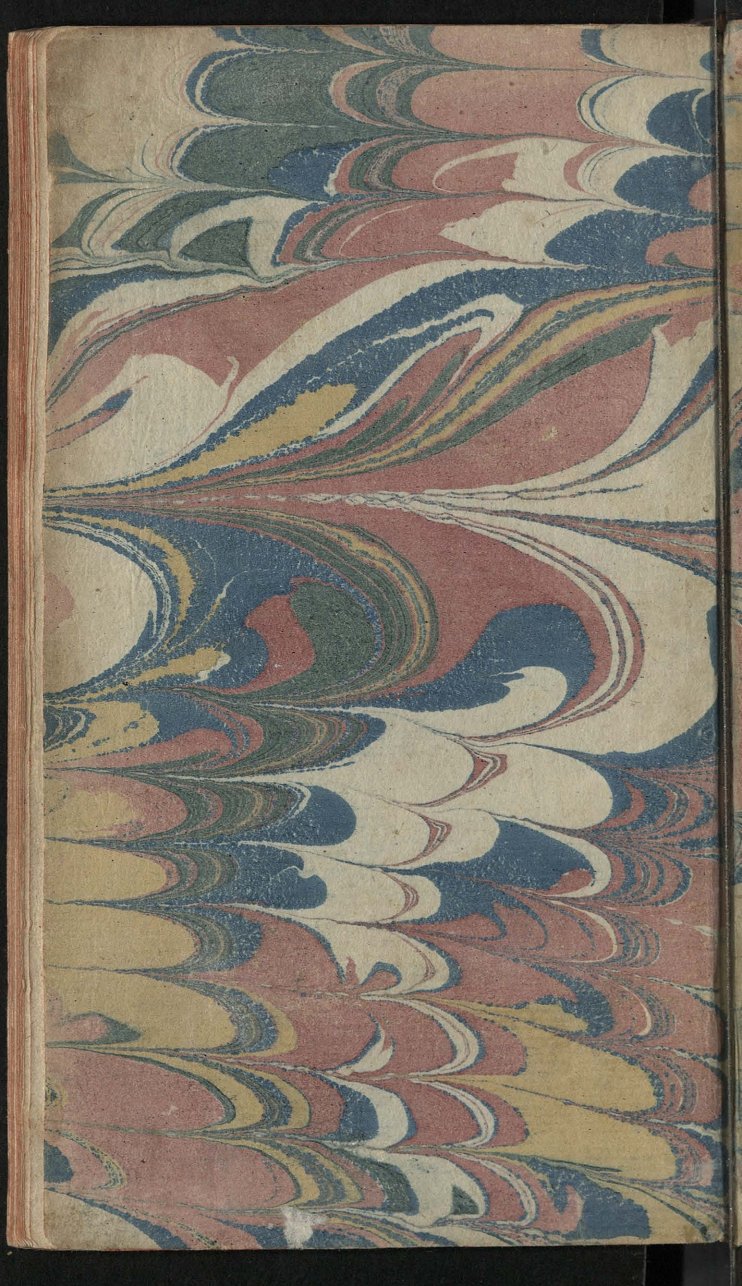
рановыхъ по домамъ. Онъ и я поѣхали въ нашу квартеру. Блѣстящій екипажъ ослѣплялъ часовыхъ, мимо коихъ мы ѣхали, но красота Біондета сидѣвшаго назади, плѣняла еще больше зрителей. Пажъ отпустилъ назадъ коляску и служителей. У одного изъ нихъ взялъ онъ факалъ и пошелъ въ казарму, дабы проводить меня до моей комнаты. Камердинеръ мой, который больше всѣхъ удивился, любопытствовалъ освѣдомиться отъ меня о великолѣпіи, въ которомъ я появился. Довольно Карлосъ, сказалъ я ему, входя въ мою комнату, мнѣ нѣтъ въ тебѣ теперь нужды: ложись спать, переговоримъ завтре.

Продолженіе будетъ въ четвертой части.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третьей части.



от [illegible] 3 - 3 - 3

3 4-50

от [illegible] 3 5-50

из [illegible] — 15-

[illegible] — 20-

[illegible] — 3 — 15

за работу — 6 — 90

110

за работу —

15.

за [illegible] -

65.

за обои —

11 16-50

за бумагу

6-75

за бордюры -

за плотничную работу 11-50

5-50

за слесарную

за малевку -27-

за [illegible]. 15

за песок — 45 — 14

гальку — 30 — 11-50

Всего — 4-40

-75

4 40	3
1 84	2-57
1 80	1 57
1 15	1 60
4	2 86
	1 57
9 23	13,08
	8
	104,64

500	1199
285	923
143	276
71	
11 99